

К 85.31
3-80

Леонард Золотарев

ДЕВЯТАЯ
ПЯТНИЦА

Музыкальные мелодрамы
Либретто к опере

Орел 2010

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА

Либретто к опере

КАРНАВАЛ II

**Мюзиклы,
музыкально-лирические мелодрамы**

Орел - 2010

Золотарев, Л.М. «Девятая Пятница» (либретто к опере),
«Карнавал – II» (мюзиклы, одноактные мелодрамы). – Орел:
Издатель Александр Воробьев, 2010. – 376 с.

Рецензенты: *Садовский Виктор Федорович* – музыкант, член СП России,
член СЖ России,
Узиевский Геннадий Яковлевич - доктор филологических
наук, профессор,
Золотарев Игорь Леонардович – литературный критик, кандидат
филологических наук, доцент

В сборник «Девятая Пятница» большого мастера драматургии, прозаика, поэта, музыканта и исполнителя Леонарда Михайловича Золотарева входят мюзиклы «Тот солнечный Марсель. Хромая лошадь», «Рождественское чудо», «Русское поле», либретто к опере «Девятая пятница» и др. Автор прослеживает психологически тонкое, глубокое состояние души, слитой с музыкой, ощущением современного неоднородного, сложного общества, всего человечества, взявшего курс от Аристотеля снова к Платону.

«Карнавал-II» служит продолжением собрания предыдущих одноактных мелодрам, слов, существующих в монолите с музыкой как поэтов всех времен и народов, так и самого автора этого сборника. Это авторские песни, исполняемые Л.М.Золотарев, это - аэдии и рапсодии, театр одного актера. Это часто возвращение в XX – век в русскую песню, русский романс, это просветительская деятельность большого русского писателя Леонарда Золотарева. Он осуществляет ее через культуру русского слова, через песни и романсы, исполняемые замечательными артистами; он сам поет и их, и свои авторские песни, поющий поэт. Сюда же входит романтическая драма «Брызги французского»

Вспомним и подпоем.

Вместо предисловия

А.А.Фет

Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачную волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает налету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера Орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

11 июня 1887

«Карнавал-II» - это продолжение театра одного актера. Это, скорее, домашние концерты, талант многих поэтов и музыкантов, как и самого себя в русском слове, в песне, романсе.

Подними дух нам, Боже! Воспрянь, моя Родина!

От автора.

КАРНАВАЛ – II

**Музыкально-лирические новеллы,
одноактные мелодрамы**

**Концерт-шоу
из театра одного актера**

ЖЕЛАННЫЕ ЗВУКИ
Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.
Одноактная мелодрама

Вместо пролога

ГОЛОС АВТОРА. Русский романс «Ой, орелики, касатики мои!»

«Кто приходит в дом с нежными звуками, тот везде желанный гость».

Гете.

Самая первая «оттепель» для меня была не в шестидесятые XX века, а значительно раньше, летом сорок третьего, в разгар Великой Отечественной войны. Именно тогда в «Треугольнике бессмертия» между Курском и Орлом (Малоархангельск – Поныри – Глазуновка), в своем военном детстве, во время битвы на Орловско-Курской дуге, я впервые услышал полузабытые песни, русские романсы, полузапрещенных исполнителей. А тут в Малоархангельске, среди наших войск и гражданского населения, они гремели вовсю в репродукторы. Их пели наши офицеры, солдаты.

И, когда летом 2007-го у Танка-памятника, поставленного в Малоархангельске, телевизионщики спросили меня:

- Как вы думаете, почему тогда победили мы? -

Я ответил:

- Мы были у себя дома. Мы пели любимое, желанное, сокровенное. Слышали от солдат Петра Лещенко, Изабеллу Юрьеву, Вадима Козина. Танкисты, вечером у костра перед утренним боем, сидя на берегу Сосны-реки, читали поэму Твардовского «Василий Теркин». Погибали с улыбкой на устах, с песней, с поэтическим словом в груди. А на что рассчитываем мы сейчас? Вернемся же к этим заветным, нежным, героическим звукам через Галину Кареву, через других, таких, как они, протянувшимся к нам сюда, в наши дни.

Итак, орелики-касатики мои! Концерт. Классический русский романс.

Сторона А.

Картина первая

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Поют Изабелла Юрьева, Галина Карева.*

Георгий Свиридов. Романс из «Метели».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Из репертуара Изабеллы Юрьевой.*

Попурри. Поет Леонард Золотарев.

«Мираж»

«Мы странно встретились
И странно разойдемся.
Улыбкой нежности роман окончен наш.
Но если памятью к прошедшему вернемся,
То скажем, это был мираж.

Так иногда в томительной пустыне
Мелькают образы далеких, чуждых стран.
Но это призраки. И снова небо синее.
И вдаль бредет усталый караван...»

«Косыночка газовая»

Ты, смотри, никому не рассказывай,
Что душа лишь тобою полна.
Что тебя я в косыночке газовой,
Ожидаю порой у окна.

Что тоскую, люблю тебя пламенно
И, тоскуя, ревную тебя.
Ты ж молчи, все скрывай, словно каменный,
Словно в сердце твоём нет огня.

Никому не скажи, что я нежная,
Что люблю, что навеки твоя.
Что связало нас счастье безбрежное
И что век не забуду тебя.

Если любишь, молю, не отказывай,
Об одном только помни всегда:
Про любовь никому не рассказывай,
Никому, низачто, никогда.

«Он уехал...»

«В дверь стучится зимний вечер,
А на сердце зимний хлад.
Он уехал, ненаглядный,
И не вернется он назад.

Не слышать ни песен звонких,
Ни восторженных речей.
Он уехал, он уехал,
И слезы льются из очей.

Говорят, весна вернется,
Расцветет природа вновь.
Все воскреснет и проснется.
Не вернется лишь любовь.

И весна мне не на радость,
Коль зима в душей моей.
Он уехал, он уехал,
И слезы льются из очей».

Музыка. Мелодия «Лунной рапсодии».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Переход к мелодии романса «Я тебе ничего не скажу».

Поэт Изабелла Юрьева.

«Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть.
И о том, что я молча твержу,
Низачто не решусь намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,

Открываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет воздух ночной, я слежу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе не решусь намекнуть».

Поэт Изабелла Юрьева.

«Слова и желания»

«И в жизни каждого из нас,
Нам хорошо знакомый почерк,
Свои любимые цветы.
Своя тетрадь стихов.

В тетради свежих детских сказок.
Где рядом с пушкинской строчкой.
Найдете вы, прочтете вы в отрывках строк
Простые слова, простые желанья,
Как жить и любить,
Заветный час встречать.
Простые слова, но сколько в них очарованья.
О чем? Скажите мне о чем?
Так можно горячо мечтать?

Проходят годы чередой,
И мы становимся все старше.
Но чувства дружбы и любви
Живут у нас в душе.

Их не теряешь с сединой,
И с каждым днем они все ярче.
И с юных лет до поздних лет
Влекут к себе

Простые слова, простые желанья,
Как жить и любить,
Заветный час встречать и ждать.
Простые слова, но сколько в них очарованья,
О чем? Скажите мне о чем?
Так можно горячо мечтать?»

Поэт Изабелла Юрьева. «Если можешь, прости...»

«Мне сегодня так больно,
Слезы взор мой туманят.
Это слезы невольню
Я роняю в тиши.

Сердце вдруг вострепелось,
Так тревожно забилося.
Все живое проснулось,
Если можешь, прости.

Мой нежный друг, часто слезы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.
Я жду тебя, как прежде,
Ну не будь таким жестоким.
Мой нежный друг, если можешь, прости.

Я пишу тебе снова.
Видишь, капли на строчках,
Все вокруг так сурово
Без тебя, без любви.
Твои письма читая,
Не могу оторваться.
И листки их целую,
Умоляю – прости.

Мой нежный друг,
Часто слезы роняю
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде.
Ну не будь таким жестоким.
Мой нежный друг,
Если можешь – прости».

Поэт Изабелла Юрьева «Белый ночь»

«Весна не прошла. В обилии звезд
Звенели соловьи на старых кленах.
Ждала я в беседке, и ты пришел,
И был со мной, влюбленный, нежный мой,
Шептал слова любви.

Белая ночь, милая ночь,
Светлую боль в честь наших роз
Ты не спеши нашептать в честь зари.
Белая ночь, милая ночь,

Сонм добрых слов нежно навей,
Пусть он любим, мы вдвоем - я и ты.
И снова весна, опять цветет,
Соловьи звенят в аллеях парка.

О чем мне их песни, он не придет.
И все так жарко шепчет мне
О той, другой весне.
Белая ночь, светлая ночь.
Светла, как днем, память о нем
И на мой путь мне мелькнет плач зари.

Белая ночь, теплая ночь
Тихо в окно шепчет одно:
«Нет его, нет, ушел, он далек»».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Музыка. Оркестр.*

Шишкин – Языков. Поет под оркестр Леонард Золотарев.

«Ночь светла»

«Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

Темный лес, там в тиши
Изумрудных ветвей.
Звонких песен своих
Не пост соловей.

Милый друг, нежный друг,
Я, как прежде, любя.
В этот час при луне
Вспоминаю тебя.

В эту ночь при Луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Под Луной расцвели
Голубые цветы.
Это в сердце любовь,
Это в сердце мечты.

И к тебе я лечу
Твое имя шепчу.

Милый друг, нежный друг,
Я с цветами грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Вспоминай обо мне».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «**Черная вуаль**»

(Моя авторская песня)

«Уж не зальется Россия гармониями,
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.

Было ль былое да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали дотла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла.

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты.
Снова калечат уже покалеченных,
Кто-то – в Париж, а кого-то - в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.

Свежими брызгами даму пиковую,
Вас, как в шампанском, купают, мадам.

Круглая, круглая – от постороннего
Черной вуалью укрыта Луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Мелодия. Романтическая гитара. Из репертуара Галины Каревой. Русский романс. Ее авторские песни.*

Где-то на Запад от Малоархангельска, за Глазуновкой, есть среди южно-орловских холмов целая деревня с людьми, носящими такую же фамилию – Каревы. Задушевен мягкий, бархатный голос рано ушедшей из жизни прекрасной певицы.

Поэт Галина Карева. «Изумруд».

«Не пурпурный рубин,
Не аметист лиловый,
Не нагой белизной мерцающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,

Как этот тонко огранный,
Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнем не опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Мне не под силу быть,
Мучительных страданий
Пускай разлукою
Ославят их года,
Чтоб в ярком золоте
Моих воспоминаний
Сверкали б вы всегда.
Как этот тонко огранный,

Хранящий тайну темных рук,
Ничьим огнем ни опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд».

Поет Галина Карева.

«Думала, что сердце отлюбило,
А в душе увядшие цветы,
Вдруг негаданно явился ты.
Все во мне опять перевернулось.
В голове сиреневый туман.
Просто жить и чувствовать проснулось.
Чем бы это все не обернулось,
Пусть на них пленительный обман.

Я люблю тебя, я так хочу любить,
Всю себя излить и всю избыть.
Не свечой, а пламенем пылать,
Не гореть, не греть, а лишь страдать.
Помоги мне в этом, не беги.
Сколько сможешь, столько помоги.

Все во мне опять перевернулось,
В голове сиреневый туман.
Просто жить и чувствовать проснулось.
Чем бы это все ни обернулось,

Я люблю тебя, я так хочу любить
Всю себя излить и всю избыть.
Не свечой, а пламенем пылать,
Не гореть, не тлеть, а лишь страдать.
Помоги мне в этом, не беги.
Сколько сможешь, столько помоги».

Поэт Галина Карева.

«Зачем я влюбилась,
В тебя, дорогой мой,
Спроси соловья, что поет над рекой.
Поймешь ли ты жаворонка, если, играя,
Щебечет в лазури он, скользя, голубой.

И шепчет дубрава,
И речью, как птица,
Как солнышко светит, не зная совсем,
Успела сама за тобою стремиться,
Люблю и пою – сама не знаю зачем.
Люблю и пою – сама не знаю зачем.

Поэт Галина Караева. «Уголок».

«Дышала ночь восторгом сладострастья.
Неясных дум и трепета полна,
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала так долго у окна.

Свой уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои.
Минуты мне казались часами,
Я вас ждала, а вы, вы все не шли.

Мне эта ночь навеяла сомненья,
И все в слезах задумывалась я.
И вот скажу теперь без сожаленья:
Я не для вас, а вы не для меня.

Любовь сильна не страстью поцелуя,
Другую жизнь вы дать мне не могли.
О, как же вас теперь благодарю я,
Что вы тогда на зов мой не пришли».

Поэт Галина Караева. «Вернись, я все прошу:

Упреки, подозренья,
Мучительную боль невыплаканных слез,
Укор речей твоих
Безумные мученья,
Позор мне всех твоих угроз.

Я упрекать тебя не стану,
Я не смею.
Мы так недавно, так нелепо разошлись,
Ведь ты любил меня, и я была твоею.
Зачем же ты ушел, - вернись!

Как солнечно! И сколько раз
Вечернею порою
В запущенном саду, на каменной скамье
Рыдала я, забытая тобою,
О милом, дорогом, о многом, о весне.

И вот все прошлое благословляю.
О, если бы мечты мои сбылись!
Ведь я люблю тебя, люблю и проклинаю
О, дай мне снова жить, - вернись!»

Голос Ведущего. Николай Рубцов – музыка Леонарда Золотарева. Поэт Леонард Золотарев а'капелла.

«Чудный месяц»

«Чудный месяц плывет над рекою.
Где-то голос поет молодой.
И над Родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой.

Не пугают разбойные лица
И не мыслят пожары зажечь
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших,
Не встают, не подходят ко мне
И, тоскуя, все меньше и меньше
Словно бог, я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса.
И над Родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам голоса.

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы.
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Оркестр Поля Мориа. «Токката». Постскриптум.*
Константин Бальмонт – музыка Леонарда Золотарева.

«Сан muedo» (исп.)

(«Будь бесстрашен»)

«Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо,
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись «Сан muedo».
Будь всегда бесстрашен, властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор.
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитных – разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблестили,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И где-то вдали поет уже слышанное, возникающее, как эхо, откуда-то свыше, с небес.

«Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы.
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы».

Картина вторая

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Русский романс. «Ой, орелики, касатики мои!».
Сторона В. Оркестр Рихарда Клайдермана. «Кумпарсита».

ГОЛОС АВТОРА. Из репертуара Петра Лещенко. Поем мы с ансамблем Надежды Кадышевой.

«Прощай, мой табор!»

«Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане.
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

Цыганский табор покидаю,
Довольно мне в разгуле жить.
Что в новой жизни ждет меня, не знаю,
А в прошлом не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня, совсем уйду от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!»

Поем мы с ансамблем Надежды Кадышевой.

«Чубчик»

«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, на ветру.
Ты, карман – карманчик мой дырявый,
Ты не нра – не нравишься вору.
Раньше, чубчик, я тебя любила,
А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку наденешь на затылок,
Пойдешь гулять и днем и вечеру.
Из-под шапки чубчик так и вьется
Так и вьется чубчик на ветру.

Пройдет зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут.
А мне, бедному мальчонке,
Цепями ручки да ножки закуют.

Но я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля.
Ах, вейся, вейся, чубчик кучерявый!
Развевайся, провожай меня!»

Мелодия из песни Ободзинского «**Эти глаза напротив**».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. *Поет Петр Леценко. «Черные глаза»* Оскара Строка.

«Был день осенний. И листья грустно опали,
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Грусти тогда мы с тобою не знали,
Ведь мы любили и для нас весна цвела.

Ах, эти черные глаза меня пленили!
Их позабыть не в силах я, они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза меня любили!
Куда же скрылись вы теперь, кто близок вам другой?

Ах, эти черные глаза меня погубят!
Их позабыть нигде нельзя,
Они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза! Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда и сердце, и покой.

Очи черные, очи страстные,
Очи милые и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я не в добрый час.

Ах, эти черные глаза,
Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда
И сердце и покой».

Поэт Петр Леценко. «Любви вино»

«Проходят дни и годы,
И бегут века.
Уходят и народы,
И нравы их, и моды,
Но неизменно, вечно
Лишь одной любви вино.

Пускай проходят века,
Но власть любви велика.
Она сердца нам пьянит,
Она, как море, бурлит.

Любви волшебной вино
На радость людям дано.
Огнем пылает в крови
Вино любви.

Вино любви недаром
Нам судьбой дано,
Раз даже в сердце старом
Оно горит пожаром.
И, как Пьеро влюбленный,
Старичок жене поет:

«Пускай проходят века,
Но власть любви велика.
Она сердца нам пьянит,
Она, как море, бурлит.
Любви волшебной вино
На радость людям дано.
Огнем пылает в крови
Вино любви».

Поет Петр Леценко. «У самовара»

«У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре, так и песня наша,
И песня наша смотрит нам в окно.

Маша чай мне наливает,
А взор ее так много обещает.
У самовара я и моя Маша,
Вприкуску чай пить будем до утра.

У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
У самовара я и моя Маша,
Вприкуску чай пить будем до утра».

Поэт Петр Лещенко. «Татьяна»

«Встретились мы в баре ресторана,
Как мне знакомы твои черты.
Помнишь ли меня, моя Татьяна,
Мою любовь и наши прежние мечты?

Вижу губ накрашенных страданья,
В глазах твоих молчанье пустоты.
Где же, где, скажи, моя Татьяна,
Моя любовь и наши прежние мечты?

Татьяна, помнишь дни золотые,
Кусты сирени и луну в тиши аллей?
Татьяна, помнишь грезы былые?
Тебя любил я, не вернуть нам юных дней.

Упали косы душистые, густые,
Свою головку ты склонила мне на грудь.
Татьяна, помнишь дни золотые?
Весны прошедшей мы не в силах вернуть».

Поэт Петр Лещенко. «Скажите, почему?»

«Вчера я видел вас случайно,
Об этом знали вы едва.
Следил все время я за вами тайно,
Тоска туманила печаль.

Нахлынули воспоминанья,
Воскресли чары прежних дней,
И пламя прежнего желанья
Зажглось опять в крови моей.

Скажите, почему
Нас с вами разлучили?
Зачем навек ушли вы от меня?
Ведь знаю я, что вы меня любили,
Но вы ушли, скажите, почему?»

Голос автора. Пою а'капелла. «**Прощание с Киевом**»

(Моя авторская песня)

«Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация,
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено все.
- О, это различие в нациях.
Вы, русские, странны, мусье...

Над Киевом чайки кричали
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит среди зноя,
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мною,
В ее утопая руках».

Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне мелодии*). Когда я иду зелеными, этими зелеными полями, к своей деревеньке, заброшенной где-то в срединной Руси, тут у нас, на Орловщине, в местах, связанных с именем Льва Толстого, Тургенева, Фета, я слышу в себе эту прекрасную мелодию Кониффа. И здесь, на виду села Высокого, она звучит во мне, как исповедь сердца, сливаясь с народными песнями о жизни сиюминутной и вечной, о нашей душе человеческой.

И я иду навстречу новым словам, в душе моей созревающим, навстречу новым книгам в поэзии, прозе, драматургии, навстречу любимым людям – Нюре и Ивану Тихоновым из нашего поселка Синяевский, навстречу Солнцу, встающему из-за горизонта, навстречу моим новым песням.

И вечер уже, и звезды над головой, как яблоки, а рукой не достать.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И мелодию Кониффа сменяет живой, трепетный голос Автора, запевающего:

«Ехали цыгане из дома домой да домой,
Они остановились под яблонькой густой.
Эх, загулял, загулял, загулял
Парень молодой, молодой, молодой.
В красной рубашончке,
Хорошенький такой».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Из репродуктора звучит голос Вадима Козина.
Поет сам Вадим Козин.

«Ехали цыгане с ярмарки
Домой да домой.
Они остановились под яблонькой густой.
Не-не-не... не-не-не...
Они остановились под яблонькой густой.
Эх, да загулял, загулял, загулял
Парень молодой да молодой,
В красной рубашончке-то
Веселенький такой.
Эх, ехали цыгане с ярмарки
Домой да домой.

Эх, да они остановились под яблонькой густой.

Нарина, нарина...

Эх, остановились под яблонькой густой.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Вадим Козин. «**Забывтое танго**»

«Сияла ночь, в окно врывались гроздьи белые.

Цвела черемуха, но как цвела она.

Тебя любил, шептал тебе слова несмелые.

Ты в полночь лунную мне сердце отдала.

Рояль раскрыт был. Ты подошла, и ты промолвила:

«Твоя любовь запала в сердце глубоко.

И вот, когда пройдут года, не забывай меня,

Ты вспоминай мое весеннее танго».

Пришла весна. Но нет тебя, моя любимая.

Так хорошо с тобой мне было и легко...

Рояль закрыт - и не звучит мое любимое,

Тобой забытое весеннее танго».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Включается Радио России. Звучит женский голос:

«... Козин прекрасно играл на рояле. Вы услышите в его исполнении романс «Твои глаза зеленые». Это одна из его последних записей, сделанных в Магадане».

К.Подревский, музыка В.Козина. «**Твои глаза зеленые**»

«Так хочется хоть раз, в последний раз поверить.

Не все ли мне равно, что сбудется потом.

Любви нельзя понять, любви нельзя измерить,

Ведь там, на дне души, как в омуте речном.

Пусть эта глубь бездонная,

Пусть эта даль туманная

Сегодня нитью тонкою

Связала нас сама -

Твои глаза зеленые,

Твои слова обманная,

И эти песни звонкая

Свела меня с ума.

Не нужно ничего, ни поздних сожалений,
Покая все равно мне больше не вернуть.
Так хочется хоть раз, на несколько мгновений,
В речную глубину без страха заглянуть.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама -
Твои глаза зеленые,
Твои слова обманные,
И эти песни звонкая
Свела меня с ума».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И без перехода, сразу же, песня Валерия Ободзинского. Поет Леонард Золотарев.

«Эти глаза напротив –
Калейдоскопа дней.
Эти глаза напротив
Ярче и все теплей.
Эти глаза напротив –
Чайного цвета.
Эти глаза напротив –
Что это, что это?
Пусть я впадаю, пусть
В сентиментальность и грусть.
Воли моей супротив
Эти глаза напротив...
Вот и свела судьба,
Вот и свела судьба,
Вот и свела судьба нас.
Только не подведи,
Только не подведи,
Только не отведи глаз...»

ГОЛОС АВТОРА. Пою а'капелла.

«Зеленые глаза»

(Моя авторская песня)

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют как примета лет.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того? – она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходит понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда.
Проходит день за днем – и слава богу,
Приходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень.
Не выпадай, зеленый, из огня».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И в заключение Сергей Есенин. **«Капли жемчужные»**, из кинофильма «Золотая голова на плахе». Поет Леонард Золотарев вместе с Николаем Басковым.

«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы - чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете».

Оркестр Рихарда Клайдермана. **«Кумпарсита».**

ГОЛОС АВТОРА. Ой, орелики, касатики мои! Впустишь вас в душу, звуки желанные, канут в самое сердце эти капли жемчужные - в самые трудные, кризисные моменты истории, жизни, станет как-то легче дышать, просветы покажутся. А все эти перлы душ человеческой в словах, в музыке слов, в этом танго.

Опять Клайдерман. «Кумпарсита». И на фоне упругих танцевальных ритмов бегут по занавесу строки:

«Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней»

Занавес.

«ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ»

Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.

(Одноактная мелодрама)

Вместо пролога

Георгий Свиридов. Романс, вальс из «Метели».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Александр Подболотов. «Что взгрустнулось?»

«Что взгрустнулось в тиши?

Все не так, не по себе.

Значит, пенье уж не пенье.

То ли милая ушла,

С кем-то вихрем закружила,

То ли молодость прошла,

Как подруга изменила.

.....

Хоть бы застрелиться, что ли?»

.....

ГОЛОС АВТОРА. Пою а' капелла.

«Шагреневая кожа»

(моя авторская песня)

«Страдаю, как уходят дни.

Как пролетает время, Боже!

Все до минуты, все они –

Моя шагреневая кожа.

Найти слова, свои слова,

Без них мир просто невозможен.

Пока она еще жива –

Моя шагреневая кожа.

По дню за строчку?

Вот я, на!

Режь по живому, сколько можешь!

И сокращается она –

Моя шагреневая кожа.

А ведь единственна, одна.
Уже с ладонь, а дышит все же.
И в этом все она, она –
Моя шагренева кожа».

Картина первая

«Золотое кольцо». Надежда Кадышева. «Течет ручей».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Леонард Золотарев поет с Кадышевой.

«Хоть и прошли года, но мы не старые,
Недолюбившие, сидим, усталые.
Весна счастливая, а сколько красок в ней,
Под старой ивою течет, течет ручей.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

И только помнится, как мы лопатили,
Не стали все-таки людьми богатыми,
Рядились простенько, гуляли все гурьбой,
Теперь я с проседью, а ты как лунь седой.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Судьбе, наверное, так было надобно -
Сердца открытые, как перед ладаном.
Недолюбившие, поведать есть о чем,
Любовь остывшая зажглась седым огнем.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Золотой поэт России. Поэт Леонард Золотарев
а' капелла. Сергей Есенин – музыка Леонарда Золотарева.

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Читает Леонард Золотарев. Серебряный поэт
России, северное сияние. Николай Рубцов. Стихи.

«Зеленые цветы»

«Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает..
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев. Николай Рубцов -
музыка Леонарда Золотарева.

«Добрый Филя»

«Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев. Николай Рубцов -
музыка Леонарда Золотарева.

«Видения на холме»

«Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя!...
Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы -
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Кресты, кресты... Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной – бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье.
И надо мной – бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Сергей
Есенин – музыка Леонарда Золотарева.

«Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящим
Я не в силах скрыть своей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,

И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящим
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла. Анатолий
Передреев – Леонард Золотарев.

«Еще не все потеряно, мой друг»
«Как эта ночь пуста, куда ни денся,
Как город этот ночью пуст и глух.
Нам остается, друг мой, только песня,
Еще не все потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором все в цветенье и разгаре.
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню все, что ты не позабыл.

Все, что такой отмечено судьбою
И так звучит на сердце и на слух,
Что нам всего не перепеть с тобою,
Еще не все потеряно, мой друг.

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль.

И дорогая русская дорога
Еще слышна, не надо даже слов,
Чтоб разобрать издалека-далека
Знакомый звон забытых бубенцов».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Владимир
Костров – музыка Леонарда Золотарева.

«Лунное пенье трубы полковой»

«А-а-а-а, мелодия под вальс «Амурские волны».

«Лунное пенье трубы полковой,

Честно прошедшей сквозь годы и войны,

Тихо играет оркестр духовой

Вальс незабываемый «Амурские волны».

А-а-а...

В старых Сокольниках около ив

Музыка льется свежо и просторно,

С детства тревожащий сердце мотив

Просто и грустно выводят валторны.

А-а-а...

Стало больнее и стало живей

Память о дальних и близких походах.

Руку сжимает девчонке своей

Юный влюбленный солдат – первогодок.

А-а-а...

Нет, несмотря на его старину,
Вальс этой может еще пригодиться.
В парке Сокольники прямо в волну
Красное солнышко плавно садится.
А-а-а...

Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой».

Испанская гитара, Армик.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*на фоне ее*). «Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Все равно глаза твои, как море,
Полыхают голубым огнем».

Мелодия как позывные, приглашение поэта.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*на фоне позывных*). Валентин Сорокин.

Стихи как песни, на музыку Леонарда Золотарева. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

«Две радости»

«У меня две радости, два долга,
Дар судьбы, не сам я выбирал –
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень Урал.

Я хотел, чтоб крепче отточилось
Вечное, как солнце, мастерство.
Чтоб душа чуть-чуть ожесточилась
Разным прихлебателям на зло.

Среди пестрых кепок и косынок
Я мечтал под скрипы якорей,
Как мне стать защитником и сыном
Родины березовой моей.

У меня две радости, два долга,
Дар судьбы, не сам я выбирал –

Голубая зыбчатая Волга
И я скуластый увалень Урал».

Поет Леонард Золотарев а' капелла. Валентин Сорокин – Леонард Золотарев.

«Чудо земное»

«Я верю в бессмертие дня
И в честную жизнь государства.
И в то, что на свете меня
Никем заменить не удастся.

За внешней похожестью фраз
Пусть даже потянутся люди.
Но рук моих, губ моих, глаз
Не будет, не будет, не будет.

Не ветер же я, не вода,
А мудрое чудо земное.
И я ненавижу, когда
Меня разлучают со мною».

Валентин Сорокин – Леонард Золотарев. Поет Леонард Золотарев а' капелла.

«Под свисты ятагана»

«Я славянин, и стать моя крепка,
И вижу мир я добрыми очами,
За мной летят сказанья сквозь века
И затихают рядом, за плечами.

Меня крылом пожары били в грудь,
Я приседал под свистом ятагана.
Мой путь прямой, и я не мог свернуть
Перед ордой лавинной Чингисхана.

Голодный, непричесанный, босой,
В стране своей измученный и жалкий,
Я их сшибал оглоблей, стриг косой,
Я их лупил простой, обыкновенной палкой.

Но, обретая силу и красу,
Я говорю, перебивая ропот:
– Да, я не раз еще тебя спасу,
Запуганная до смерти Европа!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Леонард Золотарев поет а' капелла.

«Забывтые хутора»

(Моя авторская песня)
«Жили-были мы, люди,
В православной России.
Да и думали будем
Крест нести, как всегда.
Но с Чернобылем солнце
Вдруг испили до донца,
С польнями в оконце
К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели.
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы чего ожидаем?
Уж на юг не летаем,
Все гробы забиваем
На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
Еще церкви сияют,
Купола обжигают
Дух святой в небеси,
А уж тут вымирают,
Нами рай заселяют,
Пустырями зияют
Хутора по Руси.

Мимо нас караваны
Пролетают, гортанны.
И зовут за туманы –
На красивую жизнь.
Мы еще напоемся,
Новых песен дождемся,
Навсегда остаемся
Там, где мы родились.

Доживем еще, люди,
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Села и города.
Верю – вижу ночами
И над нами, грачами,
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы не гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты,
Спим, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

«Кукушкины дожди»

(Моя авторская песня)

(лирическая)

«Нежный-нежный, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.

Милый мой, зачем же ты идешь?
А не та, кого желаю с дрожью?

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной.

Нежный-нежный, то не дождь, не дождь –
Шелковые, медленные руки.
Милая, зачем ты их кладешь
Мне на плечи – колдовские звуки?

Мягкий-мягкий, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.
Милый мой, когда опять придешь
В сердце мое милостию божьей?

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Русская народная песня. Хор русской песни. Поет
Леонард Золотарев, подпевает хор.

«Уральская рябинушка»

«Вечер тихой песнею
Над рекой плывет.
Дальними зарницами
Светится завод.
Где-то поезд катится
Точками огня.
Где-то под рябинушкой
Парни ждут меня.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка
Что взгрустнула ты?

Лишь гудки певучие
Смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке
Тропкою крутой.
Треплет под кудрявою
Ветер без конца
Справа кудри токаря,
Слева – кузнеца.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка,
Что ж взгрустнула ты?

Днем в цеху короткие
Встречи горячи.
А сойдемся вечером,
Сядем и молчим.
Смотрят звезды летние
Молча на парней.
Но не скажут ясные,
Кто из них милей?

Укрывает инеем
Землю добела.
Степью журавлиною
Осень проплыла.

Но все той же тропкою,
Тропкой между гор
Мы втроем к рябинушке
Ходим до сих пор.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка
Что ж взгрустнула ты?

Кто из них желаннее,
Руку жать кому?
Сердцем растревоженным
Так и не пойму

Оба парни смелые,
Оба хороши.
Милая рябинушка,
Сердцу подсажи.

Ой, рябина кудрявая
Оба хороши.
Ой, рябина, рябинушка
Сердцу подсажи».

Картина вторая

Георгий Свиридов. Вальс из пушкинской «Метели».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поют Алла Пугачева и Леонард Золотарев.
«**Осенние листья**». Слова Лисянского, музыка Мокроусова.

«Осенние листья шумят и шумят в саду,
Знакомой тропкою я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот, в ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет.

Пусть годы проходят, живет на земле любовь.
И там, где расстались, мы встретились нынче вновь.
Сильнее разлук тепло твоих рук,
Мой верный, единственный друг.
А – а – а ...
В саду опустевшем тропа далеко видна,
И осень прекрасна, когда на душе весна.
Пусть годы летят, но светится взгляд,
И листья над нами шумят.
А – а – а ...
Осенние листья шумят и шумят в саду,
Знакомой тропой я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот, в ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Три богатыря (Смоленская застава). Музыка Леонарда Золотарева. Поет Леонард Золотарев а'капелла. М.Исаковский. «**На заречьи**», Н.Рыленков. «**Бродит ветер**», А.Твардовский «**Полночь**».

М.Исаковский. «**На заречьи**»
«На заречьи, прошлым летом,
Помнишь, ты бродил в лугах?
Ты - на том, а я - на этом,
Мы на разных берегах.

Ты бродил, и так хотелось,
Чтоб меня ты вспомнил вдруг.
Не пилося мне и не елось,
Не спалось и не сиделось,
Ни на что мне не гляделось,
Лишь на твой заречный луг.

Я следила зорким глазом,
Я ждала, не шла домой.

Ну, а ты на ра - ни разу
Не ступил на берег мой.
На заречьи, прошлым летом,
Помнишь, ты бродил в лугах?
Ты - на том, а я - на этом -
Мы на разных берегах.
А - а - а ...
Мы на разных берегах».

Н.Рыленков.

«Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

Обмахну слезу с ресницы,
 Попрошу: «Возьмите, птицы,
 Не тоску мою с собой,
 Так платочек голубой».

Станет спрашивать он птицу
Обо всем, что сердцу снится.
О девчонке молодой,
О раките над водой.

О тропинке под ракитой,
Месяц листьев золотых.
Мой платочек, шелком шитый,
Вы отдайте в тот же миг.

На кайме его нашиты
Все тропинки, все ракиты,
Все лощины и холмы,
Где хоть раз встречались мы».

А.Твардовский. «**Полночь**»
«Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами.
Позднее небо полным полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле
Скопища эти холодным огнем
Точно мне в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило:
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние свету,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

Леонард Золотарев

«**Зеленые глаза**»

(Моя авторская песня)

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача
Виски белеют как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.

Себе погоду делаем мы сами.
И что с того – она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу.
Проходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!»

Испанская гитара. Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. «Три сестры»

(Моя авторская песня)

«Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Если вдаль ведет тебя Любовь
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой
Ты устал от всех своих тревог.
Если Верой держится Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал в пути и занемог,

Но живет Надеждою Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Три сестры сжимают посох твой,
Значит, ты, мой друг, не одинок».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Марина Цветаева. «Марина», Юлия Друнина «Орлы», Ольга Фокина «Шукшину». На музыку Леонарда Золотарева.

«Марина»

«Кто создан из камня, кто создан из глины,
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело - измена, мне имя - Марина,
Я - бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти,
Тем гроб и надгробные плиты...
В купеле морской крещена и в полете
Своем непрестанно разбита.

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня - видишь - кудри беспутные эти,
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной воскресаю.
Да здоровствует пена, веселая пена,
Высокая пена морская!»

* * *

«Орлы»

«Два сильные, два хрупкие крыла
И шеи горделивый поворот.
Да здравствует безумие орла,
Бросающегося на самолет!»

Он защищал свое гнездо, как мог, -
Смешной бунтарь, пернатый Дон Кихот.
Да здравствует взъерошенный комок,
Бросающийся в лоб на самолет!»

Ах, Дон Кихот, и как вы не смелы,
Геройство ваше – темы для острот.
И все-таки да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолет!»

* * *

«Шукшину»

«Ты был моей далью,
Ты был моей высью,
Когда опадали
Кленовые листья.

Когда пламенела,
Красуясь, рябина.
И тихо летела,
Светясь, паутина.

Во влажных низинах
Роились туманы.
Я шла, мой желанный,
По гиблым трясинам.

И звери, и гады
Ползли по поднизью.
Но шла я, как надо,
Ты был моей высью.

Кусты и колючки
За платье хватали.
Но надо ли лучше –
Ты был моей далью.

Я шла, не сгибаясь,
По белым метелям,
Я шла, улыбаясь,
Не шла, а летела.

И время настало,
Ты близко, ты рядом –
Смертельно усталый,
С угаснувшим взглядом.

О, что же случилось,
Кто выкрал, упрятал
Все то, что светилось,
И кто виноват в том?

Ты был моей высью,
Ты был моей далью,
Когда опадали кленовые листья.
Когда пламенела,
Красуясь, рябина.
И тихо летела,
Святясь, паутина».

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Классика. «Песня певца за сценой» из оперы
Аренского «Рафаэль».

Неополитанская песня. «Вернись в Сорренто».

Поет Леонард Золотарев (а' капелла).

* * *

«Страстью и негою сердце трепещет,
Льются томительно песни любви,
Страстью и негою взор ее блещет,
Блещут в нем звезды, звезды любви.

Грудью, взволнованной в жарких объятьях,
Нежится море в сверкающем сне.
Как я люблю, не в силах сказать я,
Страшно и сладостно мне!

Ах! Сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови!

Жизнь моя - сердца восторг и мученье,
Ясное небо цветущей весны.
Голос твой - сказки задумчивой пенье,
Пенье иль ропот, ропот волны.

О, если б мог я волне беззаботной
Нежное слово безумно сказать!
Рад бы я чайкою быть быстролетной,
В бурю с волнами рыдать!

Ах! Сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови!»

* * *

«Помнишь ли ты это море?
Здесь, в лазоревом просторе,
Что обвило, словно лента,
Берег дивного Сорренто?»

Иль тебе милей другое –
Край неведомый, далекий?
Иль Сорренто позабыла
Ты в разлуке роковой?

О, вернись сюда скорее,
На простор морей широких!
Здесь и песня веселее,
Аромат цветов пленяет.

Ночи лунные над морем
Неужели ты забыла?
Во вражде мы были с морем
Я любил, и ты любила.

А цветов благоуханье
И призывный звон гитары,
И горячие лобзанья, –
Неужель забыто все?

Нет, я знаю, все вернется
Мы увидим снова счастье,
Сердце радостно забьется,
Позабыв разлуки зло.

О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!

Вернись в Сорренто.
Вернись, молю!
Вернись в Сорренто.
Вернись, молю!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А.В.Кольцов «Соловушка». На музыку Леонарда
Золотарева. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

*Пройдет время, и песни Кольцова
пройдут по всему пространству
беспредельной Руси.*

В. Белинский

«Ты не пой, соловей,
Под моим окном.
Улети в леса
Моей родины.

Ты скажи, как без нее
Пропадаю я,
Что трава по степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе девице!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

«Ноченька»

(Русская народная песня)

«Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя!

Что ж ты, ноченька,
Принахмурилась?
Что ж, осенняя,
Затуманилась?
Что ж ты, девица,
Призадумалась?
Или нет у тебя
Друга милого?

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя!»

Георгий Свиридов. Романс, Вальс из «Метели».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*читая*).

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Все равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем».

Занавес.

УТРО ТУМАННОЕ

Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.

(Одноактная мелодрама)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Русский романс. «Золотая двадцатка». Сюда входят двадцать русских романсов, на мой взгляд, лучших в нашей культуре.

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ. Оркестр. Романс из пушкинской «Метели».

ГОЛОС АВТОРА. «Утро туманное». Тургенев – музыка Юлии Абазы. Гимн русской интеллигенции, всего Мценского края. Пел а'капелла в среде ученых Днепропетровска, Запорожья, Твери и Орла. Пел соседям - мценским крестьянам, в нашем саду, в поселке Синяевском.

Здесь пою на фоне вокально-инструментального ансамбля.

«В дороге (Утро туманное)»

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный
Глядя задумчиво в небо широкое».

Картина первая

И снова Георгий Свиридов. Романс из «Метели». И все эти романсы «серебряного века», т.н. городские, взамен прошедшего «золотого века» нашей поэзии: Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (на фоне его). Пою а'капелла.

«Темно-вишневая шаль»

«Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомним
Эта темно-вишневая шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал.
Я стыдливо лицо закрывала,
А он нежно меня целовал.

Говорил мне: «Прощай, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль.
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта темно-вишневая шаль!»

Я о прошлом теперь не мечтаю,
Только сердце затмила печаль,
И я молча к груди прижимаю
Эту темно-вишневую шаль».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. З.Н.Листов. **«Я помню вальса звук прелестный»**. Пою а'капелла.

«Я помню вальса звук прелестный
Весенней ночью в поздний час.
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.

Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс!

Теперь зима, и те же ели
Покрыты сумраком стоят.

А под окном шумят метели,
И звуки вальса не звучат...

Где ж этот вальс, старинный, томный,
Где ж этот дивный вальс!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Иннокентий Анненский. «Среди миров».

Пою а'капелла.

«Среди миров, в мерцании светил,
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому что я ее любил,
А потому что мне темно с другими.

И если мне в сомненье тяжело,
Я у нее одной ищу ответа.
Не потому что от нее светло,
А потому что с ней не надо света!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. М.Языков. «Ночь светла». Пою а'капелла.

«Ночь светла, над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
Темный лес...
Там в тиши
Изумрудных ветвей
Звонких песен своих
Не поет соловей.

Под луной расцвели
Голубые цветы.
Они в сердце моем
Пробудили мечты.
К тебе грезой лечу,
Твое имя шепчу,

Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла, над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
В эту ночь при луне
На чужой стороне.
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне».

Оркестр Поля Мориа. «Токката».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. В.Шумский. «Хризантемы».

«В том саду, где мы с вами встретились
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви...

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
Но любовь все живет
В моем сердце больном.

Опустел наш сад, вас давно уж нет.
Я брожу один, весь измученный,
И невольные слезы катятся
Пред увядшим кустом хризантем...

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,

Но любовь все живет
В моем сердце больном».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Белогорская – Козин. «Осень» Пою а'капелла.

«Осень. Прозрачное утро.
Небо как будто в тумане.
Ясная даль перламутра.
Солнце холодное, дальнее.

Где наша первая встреча?
Острая, жаркая, тайная.
Тот летний, памятный вечер,
Милая, слово прощальное.

Не уходи, тебя я умоляю,
Слова любви сто крат я повторю.
Пусть осень у дверей, я это твердо знаю,
«А все ж, не уходи, - тебе я говорю. -

Наш уголок нам никогда не тесен
Когда ты в нем, то в нем цветет весна.
Не уходи! Еще не спето столько песен,
Еще звенит в гитаре каждая струна».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Павел Герман. «Только раз». Пою а'капелла.

«День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова.

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить!

Гаснет луч пурпурного заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где во мне будившая мечты?

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить!»

Испанская гитара, Армик.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Яков Полонский – музыка Пригожева,
Чайковского. Пою а' капелла.

«Мой костер»

(Песня цыганки)

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут налету...
Ночью нас никто не встретит
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет - и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни.
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Н.Дервиш. **«Всегда и везде за тобою...»**

Пою а'капелла.

«Всегда и везде за тобою
Как призрак я тихо брожу.
И с тайною думой одною
Я в ясные очи гляжу.

Полны они негой и страсти,
Они так приветно глядят.
И сколько любви, сколько счастья
Они мне порою сулят.

Быть может, и время настанет,
С тобою не будет меня.
И в очи те чудные станет
Смотреть тот другой, а не я.

Другому приветно заблещут
Твои огневые глаза.
Как вспомню, так сердце трепещет
И тихо струится слеза».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Евгений Гребенка. **«Очи черные».**

Пою а'капелла.

«Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Скатерть белая залита вином,
Все цыгане спят беспробудным сном.
Лишь один не спит, пьет шампанское
За очи черные, за цыганские.

Не любил бы вас, не страдал бы так,
Я бы прожил жизнь припеваючи.
Вы сгубили меня, очи черные!
Очи страстные и прекрасные!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Будищев-Обухов. Пою а'капелла.

«Калитка»

«Лишь только вечер затеплится синий,
Лишь только звезды зажгут небеса,
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса,

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик, как тень.
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку надень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
У беседки тебя подожду
И на самом пороге беседки
С милых уст кружева отведу».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Гердель. «Милая».

«Милая, ты услышь меня,
Под окном стою
Я с гитарою!

Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз,
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз!

Много мук я терпел
И страдать был бы рад,
Если б душу согрел
Мне твой ласковый взгляд.

Ночь тиха была,
Соловьи поют,
Чудный запах роз
Всюду носится...

Мы гуляем с тобой,
Луна светит на нас
И в лазурной воде
Отражается!

Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз,
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз!

Милая, ты услышь меня,
Под окном стою
Я с гитарой!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Николай Рихтер. «Ямщик, не гони лошадей!»
Пою а' капелла.

«Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Теснит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Как жажду среди мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей...

Все было лишь ложь и обман,
Прощай и мечты, и покой,
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей...»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Гитара, Гойя. «Мари-Элен». Пою а' капелла.

«Любил я очи голубые...»

«Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были милые такие,
А эти непокорные.

Склони головку мне на прощанье,
Склони скорей мне на плечо.
В последний час наш расставанья
Целуй меня ты горячо.

Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.

Те были милые такие,

А эти непокорные».

Романтическая гитара. Испанская гитара, Армик. «Романтик».

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА (*в тишине, как эхо*). «Ночь светла. Над рекой тихо светит луна, и блестит серебром голубая волна».

Русский романс. «Золотая двадцатка».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев – золотой голос России.

Гитара Армик. «Фламенко».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поется а'капелла.

Маковский. «Прощай, мой табор».

«Цыганский быт и нравы стары,

Как песни, что мы все поем.

Под рокот струн, под звон гитары,

Жизнь прожигая, так живем.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,

И к новой жизни ухожу от вас.

Не вспоминайте меня, цыгане,

Прощай, мой табор, пою в последний раз...»

Гитара, Армик.

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне ее*). Стихи Леонарда Золотарева.

«Высока береза, только слово выше,

Солнца горячее, огненной ланит.

Дай скажу как лучше, что из песни вышел,

Дай скажу, то песней все во мне звучит.

Оркестр. Мелодия. Гитара, Гойя.

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне мелодии*).

«Поэзия – это такая река.

Свободна, свежа и легка,

Течет и течет сквозь меня протекла

Вся музыка, все облака».

Гитара, Армик. «Фламенко».

Поэт Леонард Золотарев (а' капелла).

«Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были милые такие,
А эти непокорные.

Склони головку
Мне на прощанье,
Склони скорей мне на плечо.
В последний час наш расставанься
Целуй меня ты горячо.

Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были милые такие,
А эти непокорные».

Гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Маковский **«Прощай, мой табор!»**.

Поется а' капелла (продолжение).

«Цыганский табор покидаю,
Довольно мне в разлуке жить.
Что в новой жизни ждет меня – не знаю,
А в прошлом не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня, совсем уйду от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане,
Прощай, мой табор, пою в последний раз!
Не вспоминайте меня, цыгане,
Прощай, мой табор, пою в последний раз!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*поется а' капелла*).

«Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло,

Я поцелуями покрою
Уста и очи, и чело.
Побудь со мной!
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.
Тебя я лаской о-о-огневою
И обожгу, и утомлю.
Побудь со мной,
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди.
Восторг любви нас ждет с тобою,
Не уходи, не уходи!
Побудь со мной,
Побудь со мной!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*поется а 'капелла*). Матусовский – Баснер.

«Белой акации гроздь душистые».

«Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже! Какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда.

Боже! Какими мы были наивными.
Как же мы молоды были тогда.

Годы промчались, седыми нас делая
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистовый,
С новой силою чувствую я,
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.
Белой акации гроздь душистые
Неповторимы, как юность моя.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев вместе с Николаем Басковым.
«Капли жемчужные» (из кинофильма «Золотая голова на плахе»).

«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы, чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев вместе с группой
«Белый Орел».

«Как упоительны в России вечера,
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное, забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера.

Балы, красавицы, лакеи, юнкера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки, -
Как упоительны в России вечера.

Как упоительны в России вечера,
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта,
Как упоительны в России вечера.

Пускай все сон, пускай любовь игра,
Ну что тебе мои порывы и объятья.
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера».

Романтическая гитара.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*читая*). «Ночь светла. Над рекой тихо светит луна, и блестит серебром голубая волна». Поется а' капелла.

«Под луной расцвели
Голубые цветы
Они в сердце моем
Пробудили мечты».

Оркестр Поля Мориа. «Токката».

Мелодия. Романтическая гитара.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*читая*).

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Поэт Леонарда Золотарева (*на фоне хора*).

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые.
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Романтическая гитара.

Занавес.

«АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ»

(«Виноградная косточка»)

«С добрым утром»

Оптимистический концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.

Одноактная мелодрама

Вместо пролога

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Андрей Миронов. Музыка Евг. Крылатова.

«Кто на новенького?»

«Шпаги звон, как звон бокала,
С детства мне ласкает слух.
Шпага многим показала,
Шпага многим показала,
Что такое прах и дух.

Вжик вжик вжик, о, уноси готовенького!
Вжик вжик вжик, кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?

Подходите – ближе, ближе!
Вам урок преподнесу.
Подлецов насквозь я вижу,
Подлецов насквозь я вижу,
Зарубите на носу!

Вжик вжик вжик, о, уноси готовенького!
Вжик вжик вжик, кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?

На опасных поворотах
Трудно нам, как на войне.
И, быть может, скоро кто-то,
И, быть может, скоро кто-то
Пропоеет и обо мне.

Вжик вжик вжик, о, уноси готовенького!
Вжик вжик вжик, кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?

Юный друг! В бою открыто
Защитить готовься честь.
И оружием забытым,
И оружием забытым
Совершить святую месть.

Вжик вжик вжик, о, уноси готовенького!
Вжик вжик вжик, кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?
Пам – пам, траля – ляля...
Пам – пам, траля – ляля...

Эх, морозец нынче хилый!
Посреди зимы.
Мне помериться бы силой,
Мне помериться бы силой
С чертом, черт меня возьми!

Вжик вжик вжик, о, уноси готовенького!
Вжик вжик вжик, кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?»

Картина первая

Песни Трофима

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет сам Трофимов – современный
эстрадный певец.

«С добрым утром!»

«Аты-баты»

«Бьюсь как рыба»

«Зарумянился рассвет за окошком,
И будильник залился соловьем.
Я себя осознаю понемножку
Мужем, зятем, гражданином, отцом.

А жена уже на кухне хлопочет,
Варит кофе и кромсает бекон.
Видно, денег попросить снова хочет,
Ну а я иду курить на балкон.

Ветерок нынче вроде бы попутный,
В небе солнце появится вот-вот.
С добрым утром, мужики! С добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет!

Во дворе уже народ колготится,
Выгоняет из «ракушек» авто.
Кто-то в черную «Феррари» садится,
Кто-то в «Таврию» вползает бочком.

А по радио прогноз сообщают,
Обещают ураган и чуму.
Для чего нас так усердно пугают,
Я никак чего-то в толк не возьму.

Ветерок нынче вроде бы попутный,
В небе солнце появится вот-вот.
С добрым утром, мужики! С добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет!

Кто-то будет в этот день в шоколаде,
Кто-то свалится на дно кошелька,
Кто-то просто отдохнет - бога ради,
Это будет впереди, а пока...

Ветерок нынче вроде бы попутный,
В небе солнце появится вот-вот.
С добрым утром, мужики! С добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет!
С добрым утром, мужики! С добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет!»

* * *

«Мои друзья начальники, а мне не повезло:
Который год скитаюсь с автоматом.
Такое вот суровое мужское ремесло.
Аты-баты, аты-баты!

Афганистан, Молдавия и вот теперь Чечня
Оставили на сердце боль утраты
За всех, кого не вывел – из-под шквального огня,
Аты-баты, аты-баты!

Жена моя, красавица, оставила меня,
Она была ни в чем не виновата!
Ни дома, ни пристанища, какая ж тут семья,
Аты-баты, аты-баты!

Служил я не за звания и не за ордена,
Не по душе мне звездочки по блату,
Но звезды капитанские я выслужил сполна.
Аты-баты, аты-баты.

Россия нас не жалует ни славой, ни рублем,
Но мы ее последние солдаты,
И, значит, надо выстоять, покуда не помрем.
Аты-баты, аты-баты!»

* * *

«Я сутки напролет «бомблю» на «жигуленке»,
Работаю, как вол, а денег ни гроша.
Стучит карданный вал, как в брюхе селезенка,
Сцепленье барахлит, и мается душа.

А дома ждет жена и хочет жить красиво.
Попробуй, не подмажь - сорвется с тормозов.
И почему-то мне от этого тоскливо,
К тому же, как на грех, пробило колесо.

Бьюсь как рыба, а денег не надыбал.
Отбойным молотком по скатам бьет дорога.
Я, кажется, в пути глушитель потерял.
У нас кладут асфальт местами и немного,
Чтоб всякий оккупант на подступах застрял.

А тут еще ГАИ, с купюрой на кокарде,
Мол, угадай с трех раз, на сколько ты попал?
У них карманы брюк - как лузы в бильярде,
А ты вгоняешь в них наличный капитал.

Бьюсь как рыба, а денег не надыбал.
Отбойным молотком по скатам бьет дорога.
Я, кажется, в пути глушитель потерял.
У нас кладут асфальт местами и немного,
Чтоб всякий оккупант на подступах застрял.

В машине у меня народ бывает разный,
И каждый норовит проблемой загрузить.
Но думается мне: у них один диагноз -
Им, просто, довелось в стране российской жить.

А, может, бросить все и съездить за границу,
Купить там барахла и здесь наваром сдать!
Но что я без руля? Мне даже ночью снится,
Как я свою судьбу пытаюсь обогнать!

Бьюсь как рыба, а денег не надыбал...
И навалилась глыбой деньговая нужда.
Бьюсь как рыба, а денег не надыбал,
А где же мне их взять, туда-сюда...»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И тут для разрядки ударимся в лирику. Поет Людмила Сенчина. «Белой акации гроздь душистые».

«Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда!
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая

Напоминают сегодня о них.
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
С новой силою чувствую я,
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя»

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев «**Рыжая буфетчица**». Алле Пугачевой от настоящего полковника.

Моя авторская, ироничная песня. Поем мы с Аллой Пугачевой.

«Повстречал я крутую девицу
На скалистом морском берегу.
Ой, ребята, ту рыжую птицу
До сих пор позабыть не могу.

Гложет сердце кручина,
Вбил на счастье подкову.
Это ж, блин, я – я у нее настоящий мужчина!
Настоящий полковник.

Помню, братцы, гремела фиеста,
Где-то в темном буфете мы пили.
Во кино! Три писательских съезда
Ту буфетчицу после клеймили.

Пойте, пойте куплеты
Про красивую ночь.
Эх, буфетчица! Где ж ты, где ты?
Где ты, рыжая, чертова дочь!

Глядь, вчера в голубой телевизор,
Пугачева весь вечер одна.

Все крапленые ставлю на «мизер»,
Что буфетчица эта она.

Как на подиум влазит творчески,
Как купается творчески в звуках.
То царица, то роза – налетчица.
Ну-ка, ну-ка еще, ну-ка, ну-ка!

Я ж по гроб твой поклонник,
Ты ж мне Богом обещана.
Вот кто, блин, настоящий полковник!
Настоящая женщина!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла.

А это моя авторская песня «**Акулья перчатка**».
«Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском!
Весь я в чем-то испанском,
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо!
И берусь за перо.

Стрекот аэропланов, беги автомобилей,
Ветропосвисты стрессов, крылолет буеров.
Кто-то здесь зацелован, там кого-то побили.
Ананасы в шампанском - это пульс вечеров,
Это пуль вечеров.
В группе девушек нервных,
Остром обществе женском
Я в трагедию жизни
Претворю этот фарс.
Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском,
Из Москвы в Нагасаки, из Нью-Йорка - на Марс.

Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском!
Весь я в чем-то испанском,
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо!
И берусь за перо».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А это слова К.Бальмонта на музыку Л. Золотарева.

Экспромт, спел сходу, с листа.

«На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят смерть и страх
И не доходят великаны,
На Макарийских этих островах.
На Макарийских островах,
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут, текут, текут, текут
Пурпуровые реки.
Там камни сонные цветут,
Там все в цветенье вечно юно,
Там птицы райские живут, живут,
Там птица Сирин с Гамаюном.
На Макарийских этих островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят смерть и страх
И не доходят великаны,
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах,
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут, текут, текут, текут
Пурпуровые реки.
На Макарийских островах,

На Макарийских этих островах,
Там в изумрудных, изумрудных
Изумрудных берегах
Текут, текут пурпуровые реки...»

* * *

Л.Золотарев. Моя авторская песня «Акулья перчатка».

«По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет.

Джек Лондон все это поведал,
Я сам у него прочитал.
На острове маленьком кредо:
Качать океанский причал.

Патрон там, как барин, на стуле
И парень как все, как жури:
Вдоль шкуры перчаткой акульей,
И смейся, о черт побери!

Но вот лихорадка со стула
Патрона взяла моего,
И черный уж этот акула,
Перчаткою белой его.

В Москве по Останкино пуля,
Какой-нибудь насморк в Твери,
А парень перчаткой акульей,
И смейся, о черт побери!

Кораллы хрустят, аж картина.
Баян же играет, браво!
У нас тут одна Акулина
За сына считает его.

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет, там в рабстве живет».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Денис Давыдов. Романс.

«О, пощади! Хочу молчать я лаской слов.
Зачем сей взгляд, зачем сей взор глубокий,
Зачем скользить небрежно по кругу
С плеч белых и груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
И я немею, я замираю
При легком шорохе прихода твоего,
Я звуку слов твоих внимая,
Пьянею – ю – ю.
Но ты прошла, ты - дрожь любви,
И смертью жизнь,
И бешенство желанья
Пусть будет, пусть
Во вспыхнувшей крови.
И разрывается дыханье.
С тобой летят,
Летят, летят часы.
Язык безмолвствует,
Одни мечты и грезы.
И мука сладкая,
И восхищенья слезы,
И взор в сердцах своих возник,
Как жадная пчела,

Летит листок весенней розы.
О, пощади!.. О, пощади!..
О, пощади!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Песни Михаила Шуфутинского.

«Сёма», «Зойка», «Графиня», «Графиня» (дуэт).

* * *

«Сёма».

«... Помнишь, Сёма, лестницу у Думы?
Помнишь переулок Поварской?
Только дожил, что тревожат думы:
Что же мы напугали с тобой?

Ах, Сема, там мы были дома,
Для нас играл в "Астории" джаз-банд.
Ах, Сема, вы были член месткома,
Сейчас вы кто? Вы - бедный фабрикант.

Ах, Сема, у вас в башке солома.
И сами мы наделали беду.
Сема! Все было б по-другому
- Зачем мы брали Эрмитаж?
- Скажи, когда?
- В семнадцатом году».

«Зойка»

«Написала Зойка мне письмо,
А в письме два слова: «Не скучай».
Мы расстались с ней еще весной,
А теперь пора февраль встречать.

И сюда не ходят поезда,
В наш забытый Богом уголок,

Разве же тебя моя беда
Не зовет на северо-восток?

Эх, Зойка, когда я на тебя смотрел,
Зойка, я задыхался и бледнел,
Зойка, ты кровь и плоть моя была,
Любовь мою ты продала...»

* * *

«Графиня»

«Не пишите мне писем, дорогая графиня,
Для сурового часа письма слишком нежны.
Я и так сберегу ваше светлое имя,
Как ромашку от пули на поле войны.

Пусть в безумной России не найти мне приюта
И в крови захлебнулись луга и поля.
Но осталась минута, нашей боли минута,
Чтоб проститься с Россией с борта корабля.

Не хочу пропадать я в Истамбуле турецком,
Без любви и без славы, орденов и погон.
Ах, Россия! Поверьте изболевшему сердцу
Я ведь в вас и в Россию был так страстно влюблен.

Не пишите, графиня, нет в живых адресата,
Упустили Россию, как сквозь пальцы песок.
Ах, Россия, Россия, разве ж ты виновата,
Что пускаю я пулю в посевший висок?»

Романтическая гитара.

Картина вторая

Энрико Карузо. «Голос в ночи».

ГОЛОС АВТОРА. Се манифик! Это прекрасно! И тут же песня «В таверне».

Голос под оркестр.

«А в таверне тихо плачет скрипка,
Нервы успокаивая мне,
И твоя раскосая улыбка
В бархатном купается вине».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Патриция Касс. «Очи черные» (с хором).

«Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

БАРИТОН. Как люблю я вас!

ТЕНОР. Как боюсь я вас!

ПАТРИЦИЯ КАСС. Знать, увидел вас

Я в недобрый час!»

МУЖСКОЙ ГОЛОС (на французском).

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Фредерик Франсуа. «Чикаго».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «Марсель».

«Стою я раз на стреме,
Держуся за наган,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне гражданин.
Он говорит мне тихо:
- Куда бы нам пойти?
Что можно было лихо
Нам время провести.

Он предложил мне денег
И жемчуга стакан,
А был он в дупель пьяный.

Он говорит: - В Марселе
Такие кабаки!
Какие там девчонки!
Какие бардаки!..

Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак...
Мы сдали того фраера
Войскам НКВД.
С тех пор его по зонам
Я не встречал нигде...
Менты меня хвалили,
Жал руку прокурор,
А после посадили
Под усиленный надзор.
С тех пор, друзья и братцы.
Одну имею цель:
Чтоб как-нибудь пробраться
В тот солнечный Марсель,
Где девочки танцуют голые,
Где дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак.
Там же ж девочки танцуют голые,
Там же ж дамы в соболях.
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак...»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Булат Окуджава.

«Не закрывайте вашу дверь»

«Когда метель стучится в дверь
Протяжно и сердито,
Не закрывайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.

И, уходя в ночной тиши,
Без долгих слов решайте,
Огонь сосны с огнем души
В печи перемешайте.
И, отправляясь в дальний путь,
Нелегкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть,
Открытой дверь оставьте.

И будет теплою стена,
И мягкой скамейка.
Дверям закрытым - грош цена,
Замку цена – копейка.
Дверям закрытым - грош цена,
Замку цена – копейка».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Булат Окуджава. **«Виноградная косточка»**

«Виноградную косточку в теплую землю зарю,
И лозу поцелую и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву,
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для меня моя Тани,
В черно-белом своем преклоню перед нею главу,
И заслушаюсь я и умру от любви и печали,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И, когда заклубится закат, по углам заметая,
Пусть опять и опять предо мной проплывут наяву
В синеву и белый орел, и форель золотая,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?
В синеву и белый орел, и форель золотая,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?»

Испанская гитара, Армик. «**Аранхуэзский концерт**».
АВТОРСКИЙ ГОЛОС. «А иначе зачем я на свете живу?»
ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «**Очи черные**»

Поет Леонард Золотарев а'капелла.
«Очи черные, очи жгучие!
Очи страстные и прекрасные!
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас.
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас.

Ах, скатерть белая залита вином.
Все цыгане спят беспробудным сном.
Лишь один не спит, пьет шампанское
За очи черные, за цыганские.

Ах, цыганочка, ты мне нравишься!
Поцелуй меня не отравишься!
Поцелуй меня, потом я тебя,
Потом вместе мы поцелуемся!

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас,
Знать, в недобрый час
Повстречал я вас».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Русская народная песня «Шумел камыш».

Поет народный хор, и с хором голос Леонарда Золотарева.

«Шумел камыш. Деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они проснулись,
Кругом помятая трава.
– Ведь не одна трава помята,
Помята молодость моя.

Приду домой, а дома спросят,
Где ты гуляла, где была.
А я скажу, в саду гуляла,
Домой тропинки не нашла.

– А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда.
Она пришла – его там нету,
Его не будет никогда.

Шумел камыш. Деревья гнулись.
А ночка темная была».

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. Слова европейских поэтов, положенные на музыку
моей души.

Редъярд Киплинг. «Томми Аткинс».

Поет Леонард Золотарев а' капелла.

«Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
- Нельзя! – трактирщик говорит, взглянув на мой мундир.
Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:

«Солдат – туда, солдат – сюда! Солдат крадись, как вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» - когда играют сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь!» - когда играют сбор.

Явился трезвого трезвей я в театральный зал,
Но пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спроводили меня, под самый небосвод.
Но, если пушки загремят, меня пошлют вперед!

Солдат – туда, солдат – сюда! Гони солдата – вон!
Но, если надо на войну, - пожалуйста в вагон.
В вагон пожалуйста, друзья, пожалуйста в вагон.
Но, если надо на войну, - пожалуйста в вагон.

Пускай вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.

Солдат – такой, солдат – сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан.
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан!

Мы не шеренга храбрецов и не толпа бродяг,
Мы просто холостой народ, живущий в лагерях.

Но, если мы подчас грешим, - народ мы холостой, -
Уж извините: в лагерях не может жить святой!

Солдат – такой, солдат – сякой, но он свой помнит долг.
И, если пули засвистят, - в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк.
Но, если пули засвистят, в огонь уходит полк!

Солдат – такой, солдат – сякой, и грош ему цена.
Но он надежда всей страны, когда идет война.
Солдат – такой, солдат – сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит все насквозь».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Роберт Бернс. «Шелла О’Нил». Поэт Леонард
Золотарев а’капелла (на музыку Леонарда Золотарева).

«Когда волочиться я начал за нею
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шелла О’Нил».

Дождался я брака, но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шеллу О’Нил.

Решился я вскоре бежать через море.
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам, ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шелла О’Нил.

У Фридриха в войске я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала острее, чем жало,
Безжалостной женщины Шелли О’Нил».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев (*читая*). «**Лопата, похожая на весло**» (песня из моей «Белой Скифии» - продолжения «Одиссеи» Гомера).

«Я – Скиф, по свету белому мотался,
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим великий князь.

(Запевая)

На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя Лопата там, – а как иначе, -
И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату,
Перед окошком в тучный чернозем,
И превращу Весло опять в Лопату.
На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб в закрома за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на юг, как всякий скифский сброд.

С Лопатой вдруг опять уйду из дому,
А возвращусь опять-таки с Веслом.
Как воля, так Весло нам, царство грома,
А как Лопата – тишина и дом».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев (дуэт Царицы всех скифов Несмеяны и Одиссея).

«У Скифского Кургана»

«Увидела, узнала, полюбила
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, что ждет меня? Могила.
Возьми меня, возьми меня с собой.

- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез.
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.

- Так улыбнемся вместе, Несмеяна?
- Мой Одиссей, ответим на любовь.
Соединим у Скифского Кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у Скифского Кургана».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поэт Леонард Золотарев. Группа «Белый Орел».

«Как упоительны в России вечера,
Любовь. Шампанское. Закаты. Переулки.
Ах, лето красное! Забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера.

Балы. Красавицы. Лакеи. Юнкера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь. Шампанское. Закаты. Переулки,
Как упоительны в России вечера.

Как упоительны в России вечера,
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта,
Как упоительны в России вечера.

Пускай все сон, пускай любовь - игра,
Ну что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера,
Как упоительны в России вечера,
Как упоительны в России вечера».

Поэт Трофим. «С добрым утром!»

«Зарумянился рассвет за окошком,
И будильник залился соловьем.
Я себя осознаю понемножку
Мужем, зятем, гражданином, отцом.

А жена уже на кухне хлопочет:
Варит кофе и кромсает бекон,
Видно, денег попросить снова хочет,
Ну, а я иду курить на балкон.

Ветерок нынче вроде бы попутный,
В небе солнце появится вот-вот.
С добрым утром, мужики, с добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет.
С добрым утром, мужики, с добрым утром!
Пусть сегодня нам чуть-чуть повезет».

Занавес

«СПАСИБО, МУЗЫКА!...»
(Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла)
(одноактная мелодрама)

Вместо пролога

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Владимир Соколов

«Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделаться».

ГОЛОС АВТОРА (*запевая а'капелла*).

«Ничто на земле не проходит бесследно,
И молодость все же бессмертна.
Как молоды мы были, как искренне любили,
Как верили в себя».

Картина первая

И.С.Тургенев

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое».

Голос Леонарда Золотарева (*поет а'капелла*).

«Вечерний звон»

(Русская народная песня)

«Вечерний звон. Вечерний звон.

Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,

И, как я с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И скольких нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых!

И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой,
Напев унылый надо мной.
Вечерний звон, вечерний звон.
Как много дума наводит он».

ГОЛОС АВТОРА. (Поет Леонард Золотарев а'капелла).

«Орлиная земля»

(Моя авторская песня)

«Кленовый лист в холмах и перелесках,
А по холмам раскинуты крыла.
Я здесь живу, мое родное место
Под сердием у державного орла.
Взгляну на Север – русские столицы,
Шагну на Юг – все русские края.
А тут мой дом, Орел мой тут гнездится,
Любовь моя, Орловщина моя.

К звезде своей за тучею –
Орлы – летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, срединная,
Коренная русская земля.
Русь – милая моя,
Русь – отчие края.
Ключ – синяя Ока,
Солнце размыкает облака.
Тут – все мои друзья,
Тут – все моя семья,
Тут – все мои дела
На широких крыльях у орла.

Вновь облетают вековые клены.
Кладу листок кленовый на ладонь.
Прожилки, совместясь, в душе влюбленной
В который раз вдруг высекут огонь.
Сжигало нас и в осенях, и в войнах,
Но Русь стоит, живет, как и жила.
Все золотеет мой вечнозеленый,

Все в синеве орлиные крыла.
К звезде своей за тучею –
Орлы – летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, срединная,
Коренная русская земля.
Русь – милая моя,
Русь – отчие края.
Ключ – синяя Ока, -
Солнце размыкает облака.
Тут – все мои друзья,
Тут – все моя семья,
Тут – все мои дела
На широких крыльях у орла.

(Петь на мелодию припева)

К звезде своей за тучею –
Орлы – летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная, срединная,
Коренная русская земля.
Орлиная, любимая,
Моя неповторимая,
Коренная русская земля».

Мелодия, под эту мелодию. Голос Леонарда Золотарева.

«СОЛОВЬИ»

(Фатьяновская песня)

«Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат.
Пусть солдаты немного поспят,
И к нам на фронт пришла весна,

Солдатам стало не до сна.
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи...
Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла. А.С.Пушкин.
«Я помню чудное мгновенье».

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Ф.И.Тютчев. «Я встретил вас». Поэт Леонард Золотарев а'капелла.

«Я встретил вас, и все былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло.

Так поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в вас.

Там не одно воспоминанье,
Там жизнь заговорила вновь,
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поэт Леонард Золотарев а'капелла.

«Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная.
Ты у меня одна заветная,
Других не будет никогда.

Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много блещет в небесах.
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поэт Леонард Золотарев а'капелла.

«Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.
Вы руку жали мне,
Промчался без возврата
Тот сладкий миг, его забыли вы.

Но смерть близка, близка моя могила,
Когда умру под тихий шум травы.
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло,
Тот сладкий миг, его забыли вы».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

«Темно-вишневая шаль».

«Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомним
Эта темно-вишневая шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал.
Я стыдливо лицо прикрывала,
А он нежно меня целовал!

Говорил мне: «Прощай, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль.
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта темно-вишневая шаль!»

Я о прошлом теперь не мечтаю,
Только сердце затмила печаль.
И я молча к груди прижимаю
Эту темно-вишневую шаль».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Шишкин –
Языков. «Ночь светла» (под ансамбль)

«Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

Темный лес там в тиши
Изумрудных ветвей.
Звонких песен своих
Не поет соловей.

Милый друг, нежный друг,
Я, как прежде, любя,
В этот час при луне
Вспоминаю тебя.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Под луной разцвели
Голубые цветы
Это в сердце любовь
Это в сердце мечты.

И к тебе я лечу,
Твое имя шепчу,
Милый друг, нежный друг,
Я с цветами грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. **«Ямщик, не гони лошадей...»**

«Как грустно, туманно кругом.
Тосклив, безотраден мой путь.
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь!

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Как жажду средь мрачных равнин,
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Все было лишь ложь и обман,
Прощай, и мечты и покой!
А боль не закрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей.
Мне некуда больше спешить,

Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. «Мой костер».

Музыка Пригожева, Чайковского.

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут налету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет, и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни.
Как концы ее с тобою,
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет,
Кто-то завтра сокол мой.
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой.

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя.

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев под ансамбль

«Прощай, мой табор».

«Цыганский быт и нравы стары,
Как песни, что мы все поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане,
Прощай, мой табор, пою в последний раз.

Цыганский табор покидаю,
Довольно мне в разгуле жить.
Что в новой жизни ждет меня, не знаю,
А в старой - не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня, и я уйду от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане,
Прощай, мой табор, пою в последний раз!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «**Чубчик**» (поем мы с Петром Лещенко).

«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, на ветру.
Раньше, чубчик, я тебя любила,
А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку наденешь на затылок,
Пойдешь гулять и днем, и в вечеру.
Из-под шапки чубчик так и вьется,
Так и вьется, вьется по ветру.

Пройдет зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут.
А мне, бедному мальчонке,
Цепями ручки да ножки закуют.

Но я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля!
Вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Эх, развевайся, чубчик, по ветру!».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Мелодия Валерия Ободзинского «Эти глаза напротив». Поет Леонард Золотарев (с ансамблем).

«Эти глаза напротив,
Калейдоскоп огней.
Эти глаза напротив
Ярче и все теплей.
Эти глаза напротив
Чайного цвета.
Эти глаза напротив
Что это, что это?

Пусть я впадаю, пусть
В сентиментальность и грусть,
Воле моей супротив.
Вот и свела судьба,
Вот и свела судьба,
Вот и свела судьба нас.
Только не отведи,
Только не отведи,
Только не отведи глаз»...

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев (а'капелла). «Осень».

«Осень. Прозрачное утро.
Небо как будто в тумане.

Ясная даль перламутра.
Солнце холодное, дальнее.

Где наша первая встреча?
Острая, жаркая, тайная.
Тот летний памятный вечер,
Милая, слово прощальное.

Не уходи, тебя я умоляю,
Слова любви сто крат я повторю,
Пусть осень у дверей,
Я это твердо знаю,
И все ж «не уходи» тебе я говорю.

Наш уголок нам никогда не тесен.
Когда ты в нем, то в нем цветет весна.
Не уходи, еще не спето столько песен,
Еще звенит в гитаре каждая струна».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев (с ансамблем). Песни,
романсы **об этих глазах напротив**.

Евгений Гребенка. **«Очи черные»** (с ансамблем).
«Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Скатерть белая залита вином,
Все цыгане спят беспробудным сном.
Лишь один не спит, пьет шампанское
За очи черные, за цыганские.

Ой, цыганочка, ты мне нравишься,
Поцелуй меня, не отравишься.

Поцелуй меня, потом я тебя,
Потом вместе мы поцелуемся.

Очи черные, очи жгучие!
Очи страстные и прекрасные!
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас,
Знать в недобрый час
Повстречал я вас.»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев (а'капелла). Попурри.

«Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Склони головку
Мне на прощанье.
Склони скорей мне на плечо.
В последний час наш расставанья
Целуй меня ты горячо.

Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные,
Те были милые такие,
А эти непокорные».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Леонард Золотарев (а'капелла). **«Зеленые глаза»**
(Моя авторская песня).

«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют как примета лет.

Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того? Она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходит понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда.
Проходит день за днем – и слава богу,
Приходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень.
Не выпадай, зеленый, из огня».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Сергей Есенин. «Капли жемчужные» из кинофильма «Золотая голова на плахе». Поет Леонард Золотарев вместе с Николаем Басковым.

«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.

И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы - чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых».

Романтическая гитара.

Картина вторая

Голос ведущего. Поет Леонард Золотарев а'капелла. А.В.Кольцов, музыка
Л.Золотарева.

«Расступитесь, леса темные,
Разойдитесь, реки быстрые,
Запылись ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка.

Я рекой пойду да по бережку,
Полечу горой да за облаком,
На край света, на край белого,
Искать стану друга милого.

Я найду его, где бы ни был он,
Я скажу ему, стыдно-совестно
Бросить дом свой, отца старого
Да Бог весть, ох, да куда завихриться.

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует, скажет ласково:

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка!»

Голос автора. Пою под свою музыку а'капелла.

«Судьба-судьбинушка»

«Песня орловских казаков»

Про казачка Володеньку

«Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сном у краешка крутого.

Какие кони мимо хлопца скачут?

Кого еще за стремя долом тащат?

Ушел в Чечню парнишка наш горячий,

А из Чечни домой вернулся спящий.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,

Где вся на кончике клинка

Судьба-судьбинушка-судьбища,

Лихая доля казака.

Под ивою под плакучей под молоденькой,
В земле Орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки –
Все спящие, все имени святого.

Еще царь Петр Лексеич с Тиха Дона
Прислал сюда полки, как для щита.
Храня Москву, Расеи край исконый,
Казачи не жалели живота.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Спи, казачок! Святой ты наш Володенька.
Спи, казачок! У краешка крутого.

Гей, кони, кони – рыжие, гнедые!
Гей, ввысь бунчук, наш грозный атаман!
Эй, запевай! Про ивы молодые,
Про казачка, уснувшего от ран».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев.

«То не вечер»

(«Сон Ермака»)

(Русская народная песня)

«Ой, то не вечер! То не вечер!
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось!
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось!

Ой да, во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Ой, да разыгрался, разрезвился,
Расплясался подо мной.
Ой да, разыгрался, разрезвился,
Расплясался подо мной.

СЛОВАМИ. *И снится Ермаку Тимофеевичу сон.*

Двое. Один говорит: На Сибирь пойдешь -

Может, голову сложишь.

Другой: всю бери, всю, всю-у-у...

Ой да, налетели ветры злые,

Да с восточной стороны.

И сорвали черну шапку

С моей буйной головы.

И сорвали черну шапку

С моей буйной головы.

А есаул догадлив был,

Он сумел сон разгадать:

- Ой, да не сносить, - мне говорил он, -

Тебе буйной головы.

- Ой, да не сносить, - мне говорил он, -

Тебе буйной головы.

Ой, да не сносить мне головы,

Ой, да не сносить мне головы,

Мне малым-мало спалось.

Ой, да, во сне привиделось.

Мне малым-мало спалось.

Ой, да, во сне привиделось.

Ой ты, конь мой, конь вороной

Расплясался подо мной»...

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Сергей Есенин.

«Песнь о собаке». Музыка Леонарда Золотарева.

«Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд,

Семерых оценила сука,

Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком.
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Сергей Есенин.
«Просто песня». Музыка Леонарда Золотарева.

«Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей головушке.
Цвела – забубенная, росла – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.
Как случилось – случилось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня, звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется – обнимаю милую.
За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю – милая никогда не встретится.

Эх, любовь – калинушка, кровь – заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая!
С теми же улыбками, радостью и муками
Что певалась дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха –
Все равно любимая ответит черемухой!
Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.
Эх, раз! Еще раз! Еще много-много раз!
Песня панихидная по моей головушке».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Сергей Есенин
«Вечер черные брови насопил».

«Вечер черные брови насопил,
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил,
Разлюбил ли тебя не вчера.

Не храпи, запоздалая тройка,
Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый, облик милый,
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая,
Наша жизнь, что былой не была.
Голова ль ты, моя удалая,
До чего ж ты меня довела!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Николай
Рубцов – Леонард Золотарев. **«Видения на холме».**

«Взбегу на холм и упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батя!..

Россия, Русь - куда я ни взгляну,
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы.

Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя.
И шепот ив у омутной воды
Люблю навек, до вечного покоя.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Кресты, кресты... Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они - и где-то у осин
Подхватит это медленное ржанье,
И надо мной - бессмертных звезд Руси,
Спокойное звезд безбрежное мерцанье.
И надо мной - бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Николай Рубцов – Леонард Золотарев. Поет Леонард Золотарев свою мелодию а'капелла.

«Чудный месяц плывет над рекою,-
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших,
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно бог я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поэт Леонард Золотарев а'капелла. Константин Бальмонт – музыка Леонарда Золотарева.

«Мои песнопенья»

«В моих песнопеньях журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них женственно-страстные шепоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песни не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

Воздушные песни с мерцанием страстей
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий свет
Подглядел в сочечаньях планет.

И я в человеческом не человек,
Я захвачен разливами рек.
И, в море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою и пою».

Константин Бальмонт – Леонард Золотарев.

«Гармония слов»

«Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что, когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен».

Константин Бальмонт – Леонард Золотарев.

«San muedo» (исп.)

«Будь без страха»

«Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «San muedo», —
Будь всегда бесстрашен, властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблестили,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
(что я и делаю – Л.З.)

Влей огонь застывший в звонкие слова».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев (Моя авторская песня, под баян).

Одинокая дача

(Песня из электрички, песня Василия
из моего романа в стихах «Арсений Чигринев»)
«Дача моя, дача, ты, моя удача.
Солнце закатилось в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички.
Выгоню самогоночки – свойской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь гуляет – окает.
Русь гуляет – матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая.
Степь моя раздольная, ветерок хмельной».

«Ракитушка»

Моя авторская песня

«Край ты мой раKITный, лунь зеленоглазый!
В серебре макушка, хлопоты в гнезде.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка – эхо по реке.
Тысячу просил я – сто накуковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею раKITу с берега свалило.
Вот стою – горюю: «Берег-то крутой».
Как ее любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляню с сеновала – нет ее, не стало!
Уж другие птицы выются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Ветлы да ракиты клонятся ко мне».

«На прекрасной голубой Оке»

(Вакхическая песня)

В память о «Луне вековой»

«На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем,
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, мой книга, мой том!

Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальем.
И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.

И шумит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Леонард Золотарев «Гимн Орлу». Слова и музыка Леонарда Золотарева, поет автор а'капелла.

«Крылатой птицей над Окой летящий
Орел наш – город славы боевой.
Уж пятый век, как друг твой настоящий,
Он задушевно говорит с тобой.

ПРИПЕВ. Боянный, среднерусский, синеокий –
В музейный город едет вся страна.
Пусть мелки воды – берега высоки,
И все нам имена, все имена.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы – розы, улицы – крылья,
Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,
Кремлем – красавцем искренне горжусь.
Тут мелки воды – глубоко таланты,
Могучая тургеневская Русь!

ПРИПЕВ. Боянный, среднерусский, синеокий –
Гербовный город знает вся страна.
Пусть малы воды – велики дороги,
Овеянная славой сторона.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы – розы, улицы – крылья,
Город любимый, Отечества дым!
Улицы – розы, улицы – крылья,
В небе России к Солнцу летим!
В гербе России Счастья хотим!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Русские народные песни. Леонард Золотарев поет
вместе с Ансамблем русской песни:

«Начинаются дни золотые», «Ой, мороз, мороз!».

Занавес.

*Декабрь 2008 г.,
г. Орел, Россия*

БОГАТЫРСКАЯ ЗАСТАВА

Концерт-шоу

Одноактная музыкальная мелодрама. Прилагается аудиокассета.

Вместо пролога

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО.

«Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, -
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

Сергей Есенин

«Золотое кольцо». Поем с Надеждой Кадышевой. «Яблоневый вечер».

«Яблоневый вечер звездами расцвечен.
Из краев далеких вновь пришла весна.
Снова за окошком слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна.

Нелегко порою было нам с тобою.
Но о зимних вьюгах лучше позабыть.
Мы еще не спели все, о чем хотели,
Мы с тобой еще не начинали жить.

Наклоняет ветер розовые ветви,
Вот уже рассвета наступает час.
Звезды догорают, годы пролетают,
Только верь, весна придет еще не раз.

Яблоневый вечер звездами расцвечен,
Из краев далеких вновь пришла весна.

Снова за окошком слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. «Старый рынок» (стихи).

«Мы – поэты с реки,
Вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.
Уж не помню, когда ел я те шашлыки,
Спал под крышей, а не у причала.

Но, как только весна,
Только вздрогнет блесна,
Вижу, солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи – раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь».

* * *

ГОЛОС АВТОРА. Русская застава. Три богатыря. Смоленские поэты.
На мою мелодию, пою а' капелла.

Михаил Васильевич Исаковский. «Моя золотиашка»

«Так уж, видно, пришлось,
Так наметилось,
Что одна ты двоим
В жизни встретилась.
Что и мне, и ему примечталася,
Но пока никому не досталася.

Где бы не была ты,
Он проведает,

За тобой, словно тень,
Всюду следует.

Для тебя, для одной,
Он старается,
Курит только "Казбек",
Разоряется.

Для тебя надо мной он подшучивает,
Для тебя под гармонь выкаблучивает.

Чтоб его одного
Ты заметила,
А меня ты совсем
Не заметила.

Ну я не такой удивительный
Не такой, как мой друг, обходительный.

Молча я подойду,
Сяду с краюшка,
Золотая моя,
Золотаюшка».

ГОЛОС АВТОРА. Николай Иванович Рыленков. На мою мелодию, пою
а'капелла.

«Шел я полем, как ты рожь косила,
Ряд вела на сажень в ширину.
Свистнул я, откуда эта сила,
Вот бы мне такую бы жену.

Возвращался, ты снопы вязала,
Не давала сыпаться зерну.
Солнце скрылось, а тебе все мало,
Вот бы мне какую бы жену.

Слышал я, как песню ты запела,
Окликая ночи тишину.
И на песню сердце полетело,
Вот бы мне какую бы жену».

ГОЛОС АВТОРА. Александр Трифонович Твардовский. На мою мелодию,
пою а'капелла.

«Полночь»

«Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами.
Позднее небо полным-полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле,
Скопища эти холодным огнем
Точно мне в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Грозное небо томило.
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние свету,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Александр Подболотов.

«Лето, мое лето,
Край тепла и света!
Черная смородина, рожь за бугром
Погоди немного, не спеши в дорогу,
Дай налюбоваться мне твоим теплом.

Дай налюбоваться,
Волей надыхаться,

Промотал я молодость,
Воля не всегда.
Ой, цветы, ромашка,
Белая рубашка!

Завтра уж не спросят,
Рожь твою покосят.
В чистом, в чистом поле я
Остануся один.

Ой, цветы, калина,
Горькая рябина!
В небе журавлином
Принимай-ка клин,
Лето, мое лето...
Лето, мое лето»...

ГОЛОС АВТОРА. Воронежские голоса. Алексей Васильевич Кольцов.
На мою мелодию, пою а'капелла.

«Соловушка»

«Ты не пой, соловей,
Под моим окном.
Улетай в леса
Моей Родины.

Ты скажи, как без нее
Пропадаю я,
Что трава по степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь положу,
Склоню голову?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе – девице».

ГОЛОС АВТОРА. Алексей Прасолов. На мою мелодию, пою а'капелла.

«Вокзал с огнями»

«Вокзал с огнями неминуем.
Прощальный час над головой.
Дай трижды накрест поцелуем
Схватить последний шепот твой.

И, запрокинутая резко,
Увидишь падающий мост.
И на фарфоровых подвесках
Летящий провод среди звезд.

А чтоб минута стала легче,
Когда тебе уже не в мочь.
Я, наклонясь, приму на плечи
Всю перекошенную ночь.
«Эх, загулял, загулял, загулял
Парень молодой, молодой!..»

Вокзал с огнями неминуем.
Прощальный час над головой.
Дай трижды накрест поцелуем
Схватить последний шепот твой».

ГОЛОС АВТОРА. Анатолий Жигулин. На мою мелодию, пою а'капелла.

«Земля, поросшая травой,

Какое это чудо.

И запах мяты луговой

Неведомо откуда.

И эти низкие дома,

По-южнорусски хаты,

И эти нивы у холма

Просторны и покаты.

И этот рокот спелой ржи,

Звенящие косилки,

И эти вечные стрижи

Над лужей у развилки.

Какой рассвет моей судьбы

Летит со мною вместе!

Туда, где старые дубы,

Такие же, как в детстве.

«Летят утки и два гуся...»

На мою мелодию, пою а'капелла.

«Опять я подумал о Родине,

Где стынет в росе лебеда,

Где в старой, замшелой колодине

С утра холодеет звезда.

Там черные тени в дубраве

И белый над берегом сад.

И можно не думать о славе

И слушать, как листья летят.

А речка прозрачна, как детство.

Там рыжим кустам камыша,

Наверное, точно известно,

Бессмертна ли наша душа».

ГОЛОС АВТОРА. «Песня про подлодку». Пою а'капелла.

(Моя авторская песня)

*Памяти погибшего экипажа
подводного атомохода «Курск»*

«Пепел подлодки стучит в мое сердце.

Павшие листья летят в облака.

В северном море, - а некуда деться, -

Ком шелестящий сжимает рука.

Павшие листья... А некуда деться...

В курских местах уж отпел соловей.

В северном море на дне мое сердце.

Стуки все глуше, а души живей.

Как на ладони, по линиям жизни

Пепел подлодки стучит и стучит.

Русские мальчики – дети Отчизны.

Лист, зацепясь, одиноко висит.

В северном море не обогреться.

В волнах крутых коченеет страна.

Где-то на дне там лежит мое сердце.

Павшие листья уносит волна».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. На мою мелодию, пою а'капелла.

«Одинокая дача»

(Песня Василия из моего романа в стихах

«Арсений Чигринев»)

«Дача моя, дача, ты моя удача.

Солнце закатилось в топотах коня.

Отшумела молодость, старость обознача.

Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке

Из большого города, мрака этажей.

Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички.
Выгоню самогоночки – своейской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь гуляет – окает.
Русь гуляет – матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая.
Степь моя раздольная, ветерок хмельной».

ГОЛОС АВГОРА. Надежда Бабкина. «**Москва златоглавая**».

«Москва златоглавая! Звон колоколов!
Царь-пушка державная,
Аромат пирогов!

Конфетки-бараночки,
Словно лебеди, саночки.
Ой вы, кони залетные!
Рыхлый снег с каблучка.

Гимнастки румяные,
От мороза чуть пьяные,
Грациозно сбивают
Рыхлый снег с каблука.
Трам – тарай - ра...»

Кубанский казачий хор. «**Есаул**».

«Под ольхой задремал есаул молоденький
И поник головой в сторону седла.
Не буди казака, ваше благородие,
Он от смерти тебя спас в лихом бою...
Гуляй да пой, станичники!
Гуляй да пой, казачий Дон!..
Не буди, атаман, ты судьбу свою..
Полыхнули кусты и умчали розовым,
Да с подкошенных трав тянется туман.
Задремал под ольхой есаул на роздыхе,
Не буди своего друга, атаман...»

Гуляй да пой, станичники!

Гуляй да пой, казачий Дон!..»

ГОЛОС АВТОРА. Пою а' капелла «**Ой, мороз, мороз!**». Георгий Свиридов.

Оркестр. Романс.

«Ой, мороз, мороз!

Не морозь меня,

Не морозь меня,

Моего коня.

Не морозь меня,

Моего коня,

Моего коня,

Белогривого.

Моего коня,

Белогривого...

У меня жена,

Ой, ревнивая!

У меня жена,

Ох, красавица,

Ждет меня домой,

Ждет-печалится.

Я вернусь домой

На закате дня -

Обниму жену,

Напою коня».

ГОЛОС АВТОРА. Змиев вал. Огненный полоз то с Востока, то с Запада, но застава тут стоит насмерть – княжее око. Каждый голос богатырский, запоет – мало не покажется.

Сергей Есенин. «**Клен ты мой опавший**» (вокально-инструментальный ансамбль).

«Клен ты мой опавший,
Клен заледенелый,
Что стоишь, качаясь,
Под метелью белой?

Или что увидел?
Или что услышал,
Словно за деревню
Погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож,
Выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе,
Приморозил ногу».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Артур Эйзен (бас). «**Гори, гори, моя звезда**».

«Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная.
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много блещет в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах».

ГОЛОС АВТОРА. Поет Федор Иванович Шаляпин – наша гордость
российская XX-го да и других веков.

«Ноченька»

«Ах, ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя.

С кем я ноченьку,
С кем осеннюю,
С кем да тоскливую
Коротать буду?
Нет ни бабушки,
Нет ни матушки,
Только есть одна
Эх да, зазнобушка...»

ГОЛОС АВТОРА. Верди. «Набукко». Оркестр и хор с Николаем Басковым.
«Прошу, любовь, не покинь меня».

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Россия – Русь. Змиев вал. Огненный полоз то с Востока, то с Запада. Но застава тут стоит насмерть – княжее око.

Оркестр. поет Николай Басков. «Верю, надеюсь».

«Мы были вместе. Сияло небо.
Твои ладони дрогнули в первый раз.
Таким счастливым я раньше не был,
Мечтой недолгой мир этот смотрел на нас.

Солнце и тьма стелятся в душах.
Не исчезай, не надо, не надо, не надо!
Не исчезай!
Верю, надеюсь, на чудо снова уповаю,
И в молитве это останется только:
Не покидай меня, прошу, не покидай...
Мгновенья счастья тревожат душу.
Как мимолетны письма, дошли они.
Дай мне понять, я тебе пою, слушай,
Не исчезай! Не надо, не надо, не надо,
Не исчезай!

Верю, надеюсь, на чудо снова уповаю.
И в молитве останется только:
Не покидай меня, прошу, не покидай!..»

ГОЛОС АВТОРА. «Верю, надеюсь на чудо! Не покидай меня, не покидай!..» Мои стихи. Пауза.

«Мы вымираем Русь, мы вымираем!

Звезда – полынь, тебя за то виню.
Я каждый год имею дело с раем
Я что ни год, то друга хороню.

Они уж там, они – мои святые,
А тут по ним чернеет скорбь травы.
Все меньше тех, с кем был всю жизнь на «ты» я.
Все больше тех, с которыми – на «вы».

Куда идем, за что мы натерпелись,
Потерянные дети той войны?
И снова бродят пастыри и ересь
Среди несуществующей страны.

Мы – призраки, мы – дырка на медали.
Кричи, кричи над ним, грачиный грай.
Его вот с этим холмиком сравняли,
Пир жизни не впустив в тот самый рай.

Ударит ком о крышку гроба глухо.
Он был мой друг. Прости, святая Русь!
Себя хороним, а земля ей пухом.
Я тихо, тихо в голос ей молюсь:

«Россия, Русь! Спаси себя, спаси!»
Не дай иссякнуть людям на Руси!
Не дай погибнуть слову в наши дни!

Россия, Русь, спаси себя, спаси -
Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь».

ГОЛОС АВТОРА. Сам пою а' капелла.

«Черная вуаль»

(Моя авторская песня)

«Уж не зальется Россия гармониями,
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.

Было ль бывшее да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали дотла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла.

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты.
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то – в Париж, а кого-то – в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами даму пиковую –
Вас, как в шампанском, купают, мадам!

Круглая-круглая, - от постороннего
Черной вуалью укрыта луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна!

ГОЛОС АВТОРА. Поет Алекс Шоу.

Сергей Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу».

«Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком.
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все реже-реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скуперее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвествать и умереть.

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым».

ГОЛОС АВТОРА. Золотой, солнечный поэт России Сергей Есенин и тут же за ним серебро севера, северного сияния - Николай Рубцов.

Николай Рубцов. **«Видения на холме»**

Слова Рубцова, пропущенные через музыку моего сердца. Сам и пою.

«Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола.

И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Заржет табун, и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье.
И надо мной бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд, безбрежное мерцанье».

ГОЛОС АВТОРА. Пою а' капелла. «**Забывтые хутора**»

(Моя авторская песня).

«Жили-были мы, люди,
В православной России
Да и, думали, будем
Крест нести, как всегда.
Но с Чернобылем солнце
Вдруг испили до конца,
С полынами в оконце
К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы чего ожидаем:
Уж на юг не летаем,
Все гробы забиваем
На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
Еще церкви сияют,

Купола обжигают
Дух святой в небеси,
А уж тут вымирают,
Нами рай заселяют,
Пустырями зияют
Хутора по Руси.

Мимо нас караваны
Пролетают, гортанны,
И зовут за туманы –
На красивую жизнь.
Мы еще напоемся,
Новых песенждемся,
Навсегда остаемся
Там, где мы родились.

Доживем еще, люди,
И воспрянет Россия.
Воскресется из буден
Села и города.
Верю, вижу ночами,
И над нами, грачами,
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты,
Спим, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле».

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. Наша великая, дорогая, равная воину на заставе русская певица Лидия Русланова, спой нам свою и нашу любимую.

«По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Ташился с сумой на плечах.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет,
Унылую песню заводит,
Про Родину что-то поет.

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
- Ах, здравствуй, ах, здравствуй, родная!
Здоров ли отец мой и брат?

- Отец твой давно уж в могиле,
Землею сырою зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Подойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш родной.
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой».

ГОЛОС АВТОРА. Наша дорогая, богатырская певица русская, Лидия
Русланова, послужи-ка еще разок Руси, людям.

«Валенки»

«Валенки, валенки,
Не подшиты, стареньки.
Нельзя валенки носить,
Легче к миленькой сходить.

Валенки, валенки,
Не подшиты, стареньки.

Эх, Никола, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй!
Не ходи на тот конец,
Не носи им там колец.

Валенки, валенки
Не подшиты, стареньки.
Чем подарочки носить,
Лучше б валенки подшить,

Валенки, валенки,
Ох, не подшиты, стареньки.

Люди, люди, видит бог,
Как же я любила,
По морозу босиком
К милому ходила.

Валенки, валенки,
Не подшиты, стареньки».

ГОЛОС АВТОРА (*улыбаясь*). Бог любит троицу! Спой-ка еще одну –
нашу, русскую, народную.

«Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал.

- Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

- Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

- Нельзя, почему ж, дорогой мой?
Как в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменщик коварный,
Как я доверяла тебе?

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал».

Испанская гитара, Армик. «Фламенко».

ГОЛОС АВТОРА. И снова Воронеж. Классики – богатыри. Алексей
Васильевич Кольцов. Пою на музыку моей души а'капелла.

«Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылились ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка!

Я рекой пойду да по бережку,
Полечу горой да за облако,
На край света на край белого,
Искать друга, друга милого.

Я найду его где бы ни был он.
Я скажу ему, стыдно – совестно
Бросить дом свой, отца старого
Да бог весть куда, эх, да завихриться.

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует меня ласково...

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь-дороженька,
Дай мне весточку, моя пташечка».

ГОЛОС АВТОРА. Иван Саввич Никитин – Леонард Золотарев.

«Русь – кормилица»

«Эх, родимая мать,
Русь-кормилица,
Не пришлось тебе знать
Неги – роскоши.
Под грозой ты росла
Да под вьюгами.
Буйный ветер тебя
Убаюкивал.
Умывал белый снег
Лицо полное.
Холод щеки твои
Подрумянивал.
Много видела ты
Нужды с молодю,
Часто с злыми людьми
Насмерть билася.
Все друзья твои врозь
Порассыпалися.
Ты одна под грозой,
Стой, Русь-матушка!
Не дадут тебе пасть
Дети – соколы.
Встань, послушай их клич
Да порадуйся.
Пронесется гроза,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься.
Пронесется гроза,

Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься».

ГОЛОС АВТОРА. Иван Саввич Никитин – Леонард Золотарев.
Я пою а'капелла. Моя авторская.

«Судьба – судьбинушка»

«Песня орловских казаков»

Про казачка Володеньку

«Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сном у краешка крутого.

Какие кони мимо хлопца скачут?

Кого еще за стремя долом тащат?

Ушел в Чечню парнишка наш горячий,

А из Чечни домой вернулся спящий.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,

Где вся на кончике клинка

Судьба-судьбинушка-судьбища,

Лихая доля казака.

Под ивою под плакучей под молоденькой,
В земле Орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки –
Все спящие, все имени святого.

Еще царь Петр Лексеич с Тиха Дона

Прислал сюда полки, как для щита.

Храня Москву, Расеи край исконный,

Казачки не жалели живота.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,

Где вся на кончике клинка

Судьба-судьбинушка-судьбища,

Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,

Спи, казачок! Святой ты наш, Володенька.

Спи, казачок! У краешка крутого.

Гей, кони, кони – рыжие, гнедые!

Гей, ввысь бунчук, наш грозный атаман!

Эй, запевай! Про ивы молодые,

Про казачка, уснувшего от ран.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,

Где вся на кончике клинка

Судьба-судьбинушка-судьбища,

Лихая доля казака.

Лихая слава казака,

Лихая слава казака!»

ГОЛОС АВТОРА. «Золотое кольцо». Надежда Кадышева.

«Край ты мой любимый».

«Край ты мой любимый,

Край обыкновенный,

Знаю, есть на свете лучшие места.

Только сердце все же выбирает этот,

Если вдруг приходит странная тоска.

Встану я на зорьке,

Выйду в сад зеленый,

Выйду и умоюсь утренней росой.

Обниму березку, поцелуюсь с кленом...

Песня уходит вдаль, затихая.

...Я сорву подснежник раннею весной.

Босоногим детством пробегу по лужам,

Что засеребрилось первою красой...»

ГОЛОС АВТОРА. Богатырская застава. Русь – кормилица.

Огненный полоз то с Востока, то с Запада.

Но застава стоит тут насмерть – княжее око!

Каждый голос – богатырский, равен воину на заставе.

Запоет – мало не покажется.

«Россия, Русь, храни себя, храни!»

Занавес.

МОЙ ОБЕРЕГ

Песни военных лет

Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.

Одноактная мелодрама.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Что с детства помню: песни военных лет. Накануне 9 мая 2004 года я побывал в Москве, в Кремле, в Кремлевском дворце съездов. К Дню Победы был устроен большой прием, концерт. Я видел ветеранов войны, строителей Москвы, здесь были и мы – московские, орловские, российские журналисты. Впервые дети войны были с ветеранами накануне Дня Великой Победы. Звучали эти песни.

Оркестр. Поет Иосиф Кобзон.

«Весна 45-го года,

Как ждал тебя синий Дунай.

Народам Европы свободу

Принес жаркий солнечный май.

На площади Вены спасенной

Собрался народ – стар и млад.

На старой, израненной в битвах гармонии

Вальс русский играл наш солдат.

ПРИПЕВ. Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай

Тот цветущий и поющий яркий май.

В вихре, в русском вальсе сквозь года

Помнит сердце, не забудет никогда.

Легко, вдохновенно и смело

Солдатский вальс этот звучал.

Кипело, кружилось и пело,

Как будто сам Штраус играл.

А парень с улыбкой счастливой

Гармонь свою к сердцу прижал,

Как будто он волжские видел разливы,

Как будто Россию обнял.

ПРИПЕВ. От Вены, седой и прекрасной,
Плыл вальс, полон грез и огня.
Звучал он то нежно, то страстно,
И всех опьяняла весна.

Весна 45-го года,
Как долго Дунай тебя ждал!
Вальс русский на площади Вены спасенной.
Солдат на гармонии играл.

ПРИПЕВ. Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай
Тот цветущий и поющий яркий май.
В вихре, в русском вальсе сквозь года
Помнит сердце, не забудет никогда».

И фанфары. Хор. «День Победы». Поет Лев Лещенко.

«День Победы! Как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты обгорелые, в пыли,
Этот день мы приближали, как могли.
ПРИПЕВ. Этот день Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы! День Победы! День Победы!

Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей.
Дни и ночи битву трудную вели,
Этот день мы приближали, как могли.
ПРИПЕВ. Этот день Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы! День Победы! День Победы!»

ГОЛОС АВТОРА. Никто из нашей семьи не вернулся живым с войны. Я помню эту величайшую битву, развернувшуюся тут у нас, на Орловско-Курской дуге, этот треугольник кровавый «Малоархангельск – Поньри – Глазуновка». Может быть, а скорее всего, не менее кровавый, чем под Прохоров-

кой. Тут, в этих местах, за один день сражения было отмечено сразу 17 героев, и ни одного в живых. Вот каков был накал! Помню израненные, окровавленные внутри танки, которые стаскивали, выводя из сражения под станицей Малоархангельск, в Луковец, где мы были тогда. В ремонтную бригаду, к берегу речки Сосны, где вечерами танкисты-ремонтники читали у костра поэму про солдата Василия Теркина. Помню на подступах поля окровавленные. Помню солдатские песни, русские романсы, помню и пою до сих пор...

Десять тысяч на каких-то десяти гектарах - в одной атаке, брошенные в бой почти без оружия, - молодежь, хлеборобы, белобилетники; «штрафбаты», ... штрафная Армия Рокоссовского... После приказа №221 ... Прохоровка, Бородино, Куликово поле. А кто знает это Сабуровское поле – четвертое поле России?..

Войска схлынули на Запад, и мы из Луковца вернулись в Малоархангельск – в свой фронтовой городок. Вечерами дома мы присаживались у печурки, из которой шел красноватый, таинственный свет. Сестра моя Лида с подружкой своей Клавой брали в руки гитару, я подсаживался к ним, и, заглушая в себе постоянный голод, пели мы эти песни, романсы, которые слышали от солдат.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. И я пою а'капелла. «В землянке».

«Вьется в тесной печурке огонь.

На поленьях смола, как слеза,

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты

В белоснежных полях под Москвой

Я хочу, чтобы слышала ты,

Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко.

Между нами снега и снега.

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге на зло!

Заплутавшее счастье зови!

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО Читает стихи Константина Симонова. «**Жди меня**».

«Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «**Дороги**» *(одна из лучших песен военных лет)*.

«Эх, дороги! Пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.

Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь посреди степей.

Вьется пыль под сапогами
Степями, полями,
А кругом бушует пламя,
Да пули свистят.

Эх, дороги! Пыль да туман.
Холода, тревоги да степной бурьян.
Выстрел грянет! Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне неживой лежит.

Вьется пыль под сапогами
Степями, полями,
А кругом бушует пламя,
Да пули свистят.

Эх, дороги! Пыль да туман.
Холода, тревоги да степной бурьян.
Край сосновый, солнце встает.
У крыльца родного мать сыночка ждет.

И бескрайними путями,
Степями, полями
Все глядят вослед за нами
Родные глаза.

Эх, дороги! Пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.
Снег ли, ветер, вспомним, друзья,
Нам дороги эти позабыть нельзя».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «Темная ночь». Пою а' капелла.

«Темная ночь.

Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.

В темную ночь
Ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком
Ты слезу утираешь.

Как я люблю
Глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу
К ним прижаться сейчас губами.

Темная ночь
Разделяет, любимая, нас.
И тревожная черная степь
Пролегла между нами».

Оркестр Поля Мориа. «Ностальгия» Затем романтическая гитара.

Издалека наплывает голос.

«День Победы порохом пропах
Это праздник с сединою на висках.
Это радость со слезами на глазах,
День Победы! День Победы-ы-ы...»

Ритмы марша Георгия Свиридова из «Метели».

ГОЛОС АВТОРА (*под эти ритмы*).

Мой отец был до войны тоже строителем, строил в Воронеже завод имени Коминтерна, ныне экскаваторный завод, что выпускает гигантские шагающие экскаваторы. Эмблема завода - буква «К» - «Катюша». Из ворот завода выходили «Катюши» - гвардейские минометы. Я видел фото отца, среди ударников, на слете; отец был сфотографирован вместе со «всесоюзным старостой» Калининым.

Итак, «Катюша» - любимая песня отца. Поет Ансамбль русской песни.

Попурри.

«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...

Эх да, казачок!..
Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт...»

Переход к «Подмосковным вечерам».

«Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера».

И переход к «Калинке». Залихватски, по-русски.

«Калинка, калинка моя!
В саду ягода-малинка моя!
А-а-а-а...»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Как сейчас помню те времена. Пою и вижу нашу малоархангельскую дубовую рощу Мурашиху – от города в сторону фронта, к Сабурово.

«В лесу в прифронтовом»
«С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом.
И каждый думал и молчал
О чем-то дорогом.

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал, дорога к ней
Ведет через войну.

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы.
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А эту песню пела Клавдия Шульженко. И кто знал тогда, что она родом была из-под Харькова, из Чугуева, откуда и мать моей двою-

родной сестры Лиды, с которой мы тогда пели все эти песни. Даже соседями были они там в Чугуеве, жили рядом и знали друг друга всегда. Пою а' капелла.

«Синий платочек»

«Синенький, скромный платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты говорила, что не забудешь

Ласковых, радостных встреч.

Порой ночной

Мы расставались с тобой.

Нет больше ночек,

Где ты, платочек,

Милый, желанный, родной?

Помню, как в памятный вечер

Падал платочек твой с плеч.

Как провожала и обещала

Синий платочек сберечь.

И пусть со мной

Нет сегодня любимой, родной,

Знаю, с любовью

Ты к изголовью

Прячешь платок голубой.

Письма твои получая,

Слышу я голос живой.

И между строчек

Синий платочек

Снова встаёт предо мной.

И часто в бой

Провожает меня облик твой.

Чувствую рядом,
С любящим взглядом
Ты постоянно со мной.

Сколько заветных платочков
Носим в шинелях своих.
Нежные речи,
Девичьи плечи
Помним в страде боевой.

За них, родных,
Любимых, желанных таких,
Строчит пулемётчик,
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «Смуглянка»

«Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград.
Я бледнею, я краснею,
Захотелось вдруг сказать:
«Станем над рекою
Зорьки летние встречать».

Припев.

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка-молдаванка
Отвечала парню в лад:

«Партизанский молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждет тебя дорога
К партизанам в лес густой».

Припев.

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здесь у клена мы расстанемся с тобой!
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка-молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.
О смуглянке-молдаванке
Часто думал по ночам.
Вдруг свою смуглянку
Я в отряде повстречал!

Припев.

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здравствуй, парень! Мой хороший, мой родной!
Клен зеленый, да клен кудрявый
Да раскудрявый, резной!»

Возникают четкие ритмы музыки.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*на фоне ее*). Эту песню «Смуглянку» мы пели когда-то, сидя в обнимку с поэтом Яковом Шведовым, который написал слова к песне, создавал ее вместе с композитором Новиковым. Пели ее, эту песню, сидя рядом на вечере встречи, орловские и брянские журналисты – «Орловской правды» и «Брянского рабочего». Я любил эту песню всегда.

А это поет Леонид Утесов. **«Офицерский (случайный) вальс».**

«Ночь коротка, спят облака,
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро в поход снова зовет
Хорошо, что мы встретились снова,
Проходя мимо ваших ворот».

Это прямо-таки будто про наш городок Малоархангельск, про нашу улицу. Мимо нашего дома проходили тогда наши войска, уходили на Запад – в бой, на Берлин.

«Хоть я с вами совсем не знаком,
И далёко отсюда мой дом,
Но как будто бы снова
Я у дома родного,
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём.
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чём».

И сейчас эти ритмы, кружение вальса переносят меня туда, в детство, когда что-то предчувствовалось: радость освобождения – будущее, сама любовь и, может быть, эта песня, эти стихи.

«Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*и тут же, без всякой паузы*).

**«На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь».**

Про то, как ночи жаркие
С подружкой проводил,
Какие полшалки ей
Красивые дарил.

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка сама
О том, как черноглазая
Свела с ума.

Боец среди дыма, пороха
С тальяночкой дружил.
И в лютой битве с врагом
Медаль он заслужил.

Пришло письмо летучее
В заснеженную даль,
Что ждёт, что в крайнем случае,
Согласна на медаль.

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка сама
О том, как черноглазая
Свела с ума».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (тут же, без паузы, сыпя, как из рога изобилия).

«Моя любимая»

«Я уходил тогда в поход,
В далекие края,
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья.
Привет, поклон тебе он шлет,
Моя любимая!

Чтоб все мечты мои сбылись
В походах и боях,
Издаю мне улыбнись,
Моя любимая!

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так значит мы всегда вдвоем,
Моя любимая».

Романтическая гитара мелодии сменяются тревожными, биоэнергетическими ритмами марша Георгия Свиридова из «Метели».

ГОЛОС АВТОРА (на фоне ритмов). И этот треугольник бессмертия «Малоархангельск – Поныри – Глазуновка» - самый центр битвы на Орловско-Курской дуге – я называю еще и «Треугольником Свободы», именно там, в Свободы, был штаб Центрального фронта, штаб Рокоссовского.

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Песни, которые помню всегда, песни моего военного детства. Песни, которые слышали мы от солдат. Ансамбль Русской песни.

«Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком милую в садочке,
Сразу жизнь становится иной.

Мое счастье где-то недалеко
Подойду да постучу в окно:
«Выйди на крылечко ты, мое сердечко,
Без тебя тоскую я давно».

В нашей жизни всякое бывает,
Набегает с тучами гроза.
Туча уплывает, ветер утихает,
И опять синеют небеса.

Хороши весной в саду цветочки
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком милую в садочке,
Сразу жизнь становится иной».

Опять возникают те же тревожные, биоэнергетические ритмы.

ГОЛОС АВТОРА (*под эти ритмы*). Проходила Неделя литературы, мы выступали где-то под Прохоровкой. И я прочитал там пронзительные стихи о войне в своем переводе – стихи Артура Рембо.

«Спящий в ложбине»

«Зеленый дол, куда течет река,
В траве пожухлой стыннут берега.
И солнце, и гора молчит, строга.
Долина вся в лучах невелика.

И молодой солдат с открытым ртом
Лежит, весь обнаженный перед небом.
Один среди волнуемого хлеба,
Весь распростерт, на ложе спит своем.

Шаги в цветах. А он лежит, лежит.
Все улыбается, как в детстве дома спит.
И бледен он, и в тело входит холод.

От запахов уж ноздри не трепещут.
И рядом два пятна краснеют, плещут.
А он лежит, солдат, который молод».

ГОЛОС АВТОРА. И что-то вспыхнуло у меня в груди! И я вспомнил недавнюю перед тем поездку с поэтами Львом Котюковым и Виктором Дронниковым в Хотынецкий район, в окрестности тургеневского села Льгов, в Ильинское, где как раз перезахоранивали тогда останки молодого солдата – из Узловой Тульской области.

При стечении народа в центре села, в братскую могилу, переносили останки героя войны. Пахали поле механизаторы и распахали эти останки. В кленке сохранились письма сестре, узнали: «18 лет, рядовой Василий Елисеев».

И вот после того и написались эти стихи. А тут, под Прохоровкой, что-то вспыхнуло у меня в груди, и я прочитал те стихи.

«Елисейское поле»

«Пахали поле, выпавав останки
Солдата, погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских,
Полуистели, сделались трухой.
Но имя это все же сохранили:
«В.Елисей. Восемнадцать лет».
На нем же рожь могучую косили,
В любви встречали не один рассвет.
Скорби же, Елисейское поле!
Простреленная русская земля.
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля».

ГОЛОС АВТОРА. Вскипел зал. Ахнули люди от боли и сострадания! И что я могу сказать? Казалось, Рембо своим «Спящим в ложбине» еще когда дал такой урок человечеству. И опять этот «спящий», это поле, Сабуровское поле. Да не хочу я, чтобы сердце сжималось еще в третий, четвертый, пятый раз. Елисейские, Сабуровские поля да не будут разбросаны по всему миру! Пусть лучше властвуют на Земле стихи и песни.

«Святая Русь»

«Страна моя, страна не на подносе,
На всем столе, равнинная, своя, -
Она лежит, как яблоко под осень,
Ну, откуси, попробуй, от нея!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Пою а' капелла.

«Огонек»

«На позиции девушка
Провожала бойца.
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца».

И, пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке у девушки
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтальная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабить он не мог:
Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.

Все, что было загадано,
Все исполнится в срок,
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И спокойно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмаца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За любимую Родину,
За родной огонек».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Пою а'капелла. «**Любимый город**».

«В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает.
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

Пройдет товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.

Когда ж домой товарищ мой вернется,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнется
Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд».

ГОЛОС АВТОРА. Пою а'капелла под постукивание деревянных ложек, имитирующих цокот копыт. Слова Сельвинского, музыка Блантера.

«**Черноглазая казачка**»

«Черноглазая казачка подковала мне коня.
Серебро с меня спросила, труд недорого цена.
- Как зовут тебя, казачка?
А казачка говорит:
- Имя ты мое услышишь
Из-под топота копыт.

Я по улице поехал,
По дороге поскакал,
По дороге между сопок,
Между серых между скал.

Маша, Даша, Вера, Нина,
Все как будто не она.
«Катя», «Катя» высекают
Мне подковы скакуна.

С той поры хоть шагом еду,
Хоть галопом поскачу,
«Катя, Катя, Катерина», -
Безотвязно я шепчу.

Черноглазая казачка подковала мне коня.
Серебро с меня спросила, труд недорого цена.
- Как зовут тебя казачка?
А казачка говорит:
- Имя ты мое услышишь
Из-под топота копыт».

Романтическая гитара. Мелодия «Мисяць на нэбі зироньки сяють»...

ГОЛОС АВТОРА. Пою а' капелла.

И снова песни военных лет. Из кинофильма «Небесный тихоход».

«Перелетные птицы»

«Мы, друзья, перелетные птицы,
Только быт наш одним нехорош:
На земле не успели жениться,
А на небе жены не найдешь!
Припев.
Потому, потому что мы пилоты,
Небо наш, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом - самолеты.
- Ну а девушки?
- А девушки - потом.

Нежный образ в мечтах ты голубишь,
Хочешь сердце навеки отдать.
Нынче встретишь, увидишь, полюбишь,
А назавтра приказ - улетать.
Чтоб с тоскою в пути не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат.

Припев.
Потому, потому что мы пилоты,
Небо наш, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты.
- Ну а девушки?
- А девушки – потом».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Пою а'капелла. **«Давно мы дома не были»**

«Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке -
По нашей фронтовой!

Не тратя время попусту
По-дружески да попросту,
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были.
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.

На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.

Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке -
По нашей фронтовой!

Не тратя время попусту
По-дружески да попросту,
Поговорим с тобой».

Как эхо, вдалеке, врывается: «... порохом пропах.

Это праздник с сединою на висках,

Это радость со слезами на глаза».

ГОЛОС АВТОРА (*под ритмы биоэнергетические*). Было пятьдесят лет освобождения Орловщины. Я пришел в Союз писателей, а тогдашний секретарь и говорит мне:

- А у нас гостя – жена поэта Алексея Фатьянова, Галина Николаевна.

И я сказал ей тогда слово о том, как наши осенью сорок первого уходили, покидая нас, наш Малоархангельск, измученные, усталые, а вернулись 23 февраля 1943 года бойцы-сибиряки, в день нашей армии, с новенькими автоматами, в полушубках, шапках и с песнями Алексея Фатьянова.

И спел я тогда песню фатьяновскую «Соловьи». Галина Николаевна подбежала ко мне, обняла и в порыве поцеловала. Вот что дорого, жжет щеку до сих пор! Пою а'капелла. «Соловьи».

«Соловьи, соловьи,

Не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят.

И к нам на фронт пришла весна,

Солдатам стало не до сна.

Не потому, что пушки бьют,

А потому что вновь поют,

Забыв что здесь идут бои,

Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи,

Не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят».

ГОЛОС АВТОРА. Сколько же фатьяновских песен даже в этом концерте!

Романтическая гитара.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*на ее фоне*). Памяти Алексея Фатьянова - замечательного поэта – песельника эта мелодия. На войну поэт Алексей Фатьянов ушел из нашего города – из Орла, он был тут художественным руководителем ансамбля песни Орловского военного округа.

И голос свыше. «Где же вы, моя друзья – однополчане?»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поппури. Пою а'капелла.

«Ехал я из Берлина

По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла.

Эх, встречай, с победой поздравляй,
Белыми руками покрепче обнимай!

Очень дальние дали
Мы с друзьями прошли,
Но нигде не видали
Лучше нашей земли.
Наше солнышко краше!
И скажу, не тая:
- Лучше девушек наших
Нет на свете, друзья!

Эх, встречай, с победой поздравляй,
Белыми руками покрепче обнимай!

За весенние ночи,
За родную страну
Да за карие очи
Я ходил на войну.
Вы цветите пышнее,
Золотые края!

Ты целуй горячее,
Дорогая моя!

Эх, встречай, с победой поздравляй,
Белыми руками покрепче обнимай!
Эх, встречай, с победой поздравляй,
Чарочку хмельную полнее наливай!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Пою а' капелла. «Эх, как бы дожить бы...»

«Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем вороном коне».

* * *

«Где же вы теперь, друзья-однополчане?»
«Майскими короткими ночами
Отгремев, закончились бои,
Где же вы теперь, друзья однополчане,
Боевые спутники мои?»

Я хожу в хороший час заката
У сосновых новеньких ворот.
Может к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?»

ГОЛОС АВТОРА. А это Павел Шубин – поэт-орловец, наш земляк.

Его стихи «Полмига», может быть, самые пронзительные о войне. Это – солдат за полмига до смерти в июне 42-го где-то под Мгой. Я положил эти слова в недра души, они пропущены через мелодию моего сердца, я их и пою.

Павел Шубин – Леонард Золотарев.

«Полмига»

«Нет, не до седин, не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;

Прижаться к земле и в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить её, врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот.

Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву...
Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!»

Мелодия. Романтическая гитара.

ГОЛОС АВТОРА *(на фоне ее)*. Леонард Золотарев. Стихи.

«Под куполами тянет к высоте,
Уводят в небо певчие скрижали.
И через шпиль выводят к Красоте,
В надзвездные святые вертикали».

Анна Герман «**Дубрава**».

«... от счастья замирая,
Как к нему я шла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была.
Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.

Каждый кустик, каждая березка
Улыбались нам.

Вся земля дышала и светилась,
Но прошла весна.
Птицы смолкли,
Небо помутилось.
Началась война

Он погиб у города Медьни -
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые,
Ясные глаза...

Боль по нему, как горькая отравка,
Сердце мне прожгла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была ...»

И тревожные, биоэнергетические ритмы оркестра.

Боль и грусть, боль и слеза.

ГОЛОС АВТОРА. «Скорби же, Елисейское поле!

Простреленная Русская земля.
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля».

И возникает голос Иосифа Кобзона:

«... и Дунай тебя ждал.
Вальс русский на площади Вены спасенной
Солдат на гармонии играл.
Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай
Тот цветущий и поющий яркий май»...

*И эта мелодия сменяется бодрым, ясным ритмом другой, ныне главной
песни о великой войне. И голос Льва Лещенко:*

«...День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.

Были версты, обожженные в пыли,
Этот день мы приближали, как могли.

Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы! День Победы..»
«Зелена была моя дубрава,
Зелена была...»

Конец

МЮЗИКЛЫ

«ТОТ СОЛНЕЧНЫЙ МАРСЕЛЬ

(Хромая лошадь)»

музикл, музыкально-лирическая мелодрама

В трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЧУЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ – мэр крупного города, мужчина лет 50.

АГЛАЯ – их дочь, лет 22, из золотой молодежи.

КСЮША НИФОНТОВА – ее подруга, бывшая одноклассница, аспирантка университета.

АРТЕМ КАРНАЕВ – механик кораблей дальнего плавания, друг Аглаи.

ВАСИЛИЙ БРЕДИХИН – его друг, водитель междугородного автобуса.

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА ПОЛЕТАЕВА – школьная учительница, бывший классный руководитель Аглаи и Ксюши.

ВЕХ, он же РОБИН ГУД – хозяин ночного клуба «Хромая лошадь».

ПТИЧКИН – директор – распорядитель таверны «Марсель».

ТИДЖЕЙ – в «Хромой лошади», из Москвы.

ТУМАНЦЕВ – руководитель ВИА, слуга двух господ - «Хромой лошади» и «Марсея».

ЖЕНЩИНА, БАЯДЕРА – солистка ВИА.

МУЖЧИНА ОЛЕГ КРЕМЕНЦОВ – солист ВИА.

БАРМЕН МУХА – разносчик острых напитков в «Хромой лошади».

Подполковник Гречишкин – из Райотдела милиции.

Следователи Кострецов и Вострецов.

Голос Радио России.

ГОЛОС АВТОРА – сочинителя песен.

ВАНГА – человек с глубоким внутренним зрением.

Человек с вокзала, приезжий из Серединной Руси.

Милиция, пожарники, родителя потерпевших, их друзья, жители города.

ПРОЛОГ

Авансцена. Перед занавесом – двое: солидный человек в черных очках и Ванга – человек с глубоким внутренним зрением.

ВАНГА (*поднимая в небо пустые глаза*). Вы – человек из России, мэр крупного города.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ. И что скажете? О моем будущем – плохо или хорошо?

ВАНГА. Плохо.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ. Плохо?

ВАНГА. Да, плохо. В вашем городе будет пожар, великий пожар, в котором сгорит ваше будущее.

АКТ ПЕРВЫЙ

«ХРОМАЯ ЛОШАДЬ»

Сцена первая

Крупный город России. Площадь. Ночной клуб с таким названием. Перед входом – стайка молодых людей, это позавчерашние выпускники соседней школы. Бывший 11-й «А». Собираются отметить дату своего выхода в свет.

Дверь распаивается – в помещении слышится музыка, знакомая мелодия. Это известная всем песня «Марсель».

«Стою я раз на стреме,
Держуся за наган.
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне граждан.
Он говорит мне тихо:
- Куда бы нам пойти,
Чтоб можно было лихо
Нам время провести?
Он предложил мне денег
И жемчуга стакан...

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА (*подруге*). Что-то тут не пойму. Что хоть он сказал-то?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Да ладно тебе, закройся. Он говорит, «в Марселе

Такие кабаки,
Такие там девчонки,
Такие бардаки.

ДЕВОЧКИ (*все рядом, подхватывая*). Там девочки танцуют голые,

Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак.

МУЖИКИ. Мы сдали того фраера

Войскам НКВД.
С тех пор его по зонам
Я не встречал нигде».

ГОЛОС ИЗ ДВЕРЕЙ. Проходите, проходите, граждане и гражданочки,
по рюмочке или по баночке, проходите, не стесняйтесь.

«Менты меня хвалили,
Жал руку прокурор,
А после посадили
Под усиленный надзор.

С тех пор, друзья и братцы,
Одну имею цель:
Чтоб как-нибудь пробраться
В тот солнечный Марсель...
В тот солнечный Марсель...»

ГОЛОС ИЗ ДВЕРЕЙ (*все настойчивее*). Проходите, проходите! А то
скоро не будет местов... все под контролем... все ограничено...

Стайка молодежи, проваливается в приоткрытую дверь.

Сцена вторая

Внутреннее помещение. Тесно уже, поднакуруно. Все танцуют вплотную друг к другу, полюбнявшись, с интересом разглядывают на потолке над собой сухой тростник. Отыскав уголок, стайка молодежи дружно плюхается в сиденья.

Через минуту поднимаются, идут танцевать.

ВЕДУЩИЙ (*появляясь, кланяется, объявляет залу*):

Я - Тиджей! Из Москвы...

Щелчком пальцев обращаясь к ансамблю: Маэстро, музыку!..

Парень из стайки срывается с места, подбегает к Тиджею, шепчет на ему что-то на ухо. Сует что-то в руку, берет за микрофон.

А я - Артем Карнаев! Механик кораблей дальнего плавания. А это моя подруга – Аглая, лучшая девушка на земле. И тут все мои друзья.

ТИДЖЕЙ (*объявляя*) Лучшим людям города – лучшая песня! Для вас специально написана, слова на музыку Леонарда Золотарева.

Белый вальс... Дамы приглашают кавалеров...

Карнаев приглашает Аглаю, они танцуют.

В Перми. **Последняя любовь.**

ЖЕНЩИНА - БАЯДЕРА из ансамбля.

«Я стою - под кленами зелеными,

Я пою – со всеми тут влюбленными.

Брызги шампанского летят

На меня, на меня в мой сад,

В мой одинокий, опустевший сад.

Кленовый лист, кленовый лист

Упал на плечи мне.

В твои глаза гляжу я, как во сне.

И кружится, и кружится, кружится, чист,

Раскошный мой, зазолотевший лист.

Я стою – под взглядами горящими,
Говорю – словами, грудь щемящими.
Фужер судьбы искрится в тростнике,
В твоих руках тону я, как в реке».

Подходит мальчик с подносом.

МУХА (*представляясь*). Разносчик острых напитков.

ЖЕНЩИНА БАЯДЕРА.

«Кленовый лист, как снег в кино,
Где птицы белые летят
В мое открытое окно –
В наш этот рай, в наш этот сад,
В наш этот райский, очень странный сад.

МУЖЧИНА (Тиджей, склоняясь к певице).

«Хромая лошадь»...
Назвали так, назвали так! И вот Фру-Фру
Уже затеяла игру,
Как будто снег в последний раз
Идет и падает на нас.

ЖЕНЩИНА. Я стою – под взглядами горящими,

Говорю – молчаньями щадящими.
В наш тонкий мир, в наш рай и ад
Брызги французского летят.
Как этот снег, касаясь нас,
Надеюсь, не в последний раз».

Артем Карнаев с Аглаей возвращаются к столику. Артем настроен решительно.

АРТЕМ. Аглая! Дорогая, родная! Ну не уезжай ты, не уезжай в Москву к этому псу! Ну и что ж, что он владелец столичных гостиниц и ресторанов! У тебя самой отец – мэр этого города. Наконец, у тебя есть я – Артем Карнаев,

механик кораблей дальнего плавания. Сегодня - механик, а завтра – капитан...

Я тебе весь мир покажу...

АГЛАЯ. А сомалийские пираты?

АРТЕМ. Пушку установим на корабле, пушку. Или торпеду.

АГЛАЯ. Потопят. Сам, голубчик, пойдешь ко дну, к акулам.

Сцена третья

Тут же за столиком их друзья: Ксюша Нифонтова – аспирантка и Василий Бредихин – водитель междугородного автобуса. Муха подлетает и к ним.

КСЮША НИФОНТОВА (*глядя в сторону*). Не верю я тебе, Вася, не верю! В Аглаю ты влип по уши, еще с пятого класса школы.

ВАСИЛИЙ БРЕДИХИН. Да нет, ну что ты? Это уже прошло, былшем поросло. Ты мне нравишься, Ксюша, ты!

КСЮША. Со мной карьеры не сделаешь. Так и останешься водителем «междугородки». А ты – Д'Артаньян, ты из Гаскони, тебе Париж завоевывать надо.

ВАСИЛИЙ. Все подчеркиваешь, что я из деревни? А ведь я из райцентра, из районного городка. Это вы с Аглаей – из краевого... А мы – люди маленькие... и автобус мой поломался, хоть на себе груз вози...

КСЮША (*целкая его по носу*). Маленькие люди, но с большими амбициями!

ВАСИЛИЙ (*решительно*). Все, Ксюша, все! Я пошел!

КСЮША (*загораживая дорогу*). И куда это?

ВАСИЛИЙ (*отстраняя ее*). К микрофону!

КСЮША. Да что вы с Артемом – с ума, что ли, походили сегодня?

Василий поднимается на сцену.

ТИДЖЕЙ (*залу, торжественно*). Видали? Творчество масс, массовая культура. Штучный товар, в единственном экземпляре. Простите, вы случайно не Василий Лановой?

ВАСИЛИЙ (*в микрофон*). Случайно Василий, но не Лановой (*Мухе*). Представляю свой «пале-рояль», коктейль собственного производства.

Марш достойных. Песенка «Простите нас...»

«Прости меня, простите нас,
Что мы гуляем тут и пьем.
Что пиво нам! Что русский квас!
Их бочки, целый водоем.

Мы – золотая молодежь,
Мы тут веселые ребята,
А как какая-нибудь вошь,
Года копеешна зарплата.

ПРИПЕВ. Пойдем в свою «Хромую лошадь»!
Побыть, забыться, станцевать.
Хромую, бедную хорошей
Жизнь нашу будем называть.

Пойдем с подружками, вампирчик,
Но не туда, где «слон» с «ослом».
Пока не сгинул наш трактирчик,
Столмы содвинем, попоем.

Пока свет белый не померк!
Пока сердца для чести живы!
И нам устроят фейерверк
Все те, кто денежны и лживы.

ПРИПЕВ. Пойдем в свою «Хромую лошадь»!
Испить, вкусить, погарцевать!

Хромую, бедную хорошей
Отныне будем называть.

Свой кровный рубль, потертый евро
Без сожаленья отнесем.
Швырнем в лицо! В бармена – стерву!
И тем основы потрясем!

Мы – золотая молодежь,
А золотишко в том кармане,
Нас всех, увы, бросает в дрожь,
Как только рыкнут на баяне.

ПРИПЕВ. Пойдем в свою «Хромую лошадь»!
Сравнить, сравнять, потанцевать.
Хромую, бедную хорошей
Россию будем называть!
Прости меня, прости нас, мать».

Сцена четвертая

ТИДЖЕЙ (*щелкая по микрофону*). Раз, два, три. А теперь пройдемся по залу. Соберем так сказать, как Басков, цветы удовольствия.

Каждый может тут высказываться, острую мысль отточить на нас. Ну так что? Говорим сюда, в микрофон... Не толпиться, как на телепередаче про миллион. У нас все тут по полочкам, у кого какая заготовочка?.. На всякий пожарный случай, на любые темы...

Например, «**Когда взятки гладки**».

Разговорчики по залу.

ТИДЖЕЙ. Ну вот вы, что скажете?

ОДИН ЧЕЛОВЕК. «Бег, как обычно, трусцой, -

Так завещал Виктор Цой.
Или на лапах, как пума, -
Рекомендует Госдума.
Устроит вас эта сумма?
Пять тысяч (конечно, в рублях)
Можно с любого взять,
Не опасаясь, что крах, что страх
Загонит вас под кровать».

ТИДЖЕЙ. Хорошо. Следующий кто, вы?

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. «Мы на острове живем,

Мы по чуточку берем.
Мы свой этот малый остров,
Океан Индийский, просто
До кипенья доведем».

* * *

ТИДЖЕЙ. Спасибо, а вы?

ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК. «Себя, начальник, обижаем,

Пока мы всех, кто обожаем,
На стулья не пересажаем».

ТИДЖЕЙ. Идем дальше, вот вы.

* * *

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕЛОВЕК. «Гражданин! Вы – «кровник», это месть?

Почему же вас содержат тут?

- Ваша, честь! Я взял буквально шесть,

Да и то... на несколько минут...

- Действительно, ведь не тебе, не твоей Насте,

А Гитлеру «капут»,

Ведь кризис власти».

ТИДЖЕЙ. Ну-ну! Идем еще дальше! Вот вы, отцы!

ПЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«То революции и войны,
А то гармония века.
Не с язычка коровок дойных
Мы прихитренные слегка.

Меняем рифмы, ритмы остаются,
Когда идеология – «таньга».
Где тонко, там материи и рвутся.
И все латаем Тришкино. Слуга

Народа «сладкий», оттого что «с латкой».
Кроме того, он, откровенно говоря,
Слуга Госдумы, Неба и Царя.
Конечно, откровенно говоря».

ТИДЖЕЙ (*возвращаясь на сцену*). Ну молодцы, все! А теперь все вместе, сплотясь. Весь зал, хором! (*Обращаясь к ансамблю*). Маэстро, музыку!.. Туманцев, давай!..

МОНОЛОГ ПРЯМОЙ ЛОШАДИ ХРОМОЙ
АНСАМБЛЬ (*начиная*).

«Полями, полями, полями,
Лесами, лесами, степями
Скачу я, скачу я, скачу!
На крыльях лечу, Свободы хочу!
Садись, до Кремля, прокачу!

ВСЬ ЗАЛ (*раскачиваясь справа налево, слева направо*).

И вот тот Пегас,
Крылатый Пегас,
Кричит во весь голос в село:

- Меня хоть под воду,
Хоть под воеводу!
Под бочку, а хоть под седло!
Под сына, под дочку,
По пням и по кочкам,
По травке, цветочкам...
Алло! Не слышите, что ли?
Алло!
Служу я, служу трудовому народу
И, ногу пока не свело,
Вожу, вывожу на простор, на свободу
И город большой, и село».

ТИДЖЕЙ *(в зал стихами)*. «Бивни мамонтов – березы

Прорубились из земли.
Рассекаю грозы, грезы,
Брошу бивню вместо прозы:
- Ну-ка на-ка порули!
Обнимаю степь – алло!
Боги, слышите меня?
Ладно, прыгайте в седло!
Люди, слушайтесь коня!

Коль телегу замело,
Путь в болота завело,
Конь мой будет за трамвай!
Пассажиров только дай!
Если ж ногу я сломаю,
На бурчаге оступясь,
Буду лошадь я хромая,
Не какая-то там мразь.

Стану ездить на трамвае,
Не теряя с рельсом связи,
Связи с рельсом не теряя,
Вывозить из безобразий
Всех людей – из грязи в князи.
Хоть я лошадь и хромая,
«Конкой» быть, друзей нажить
Стороне родной служить!
Жизнь люблю я, я – такая!»

(И снова все хором). «Полями, полями, полями,

Лесами, лесами, степями
Скачу я, скачу я, скачу!
На крыльях Пегасом лечу!
Свободы, простора хочу!
Садись – до Москвы прокачу!
Садись – до Кремля прокачу!
Садись – до Кремля прокачу!»

Сцена пятая

ГОЛОС АВТОРА. Ночной клуб в работе. Танцы в разгаре кто-то целуется, кто-то к открытую пьет.

БАРМЕН *(весь в поту и брызгах)*. Братцы! Не только где-нибудь в Москве или Питере, но и у нас тут можно хорошо посидеть!

В зале начинают жечь бенгальские свечи, запускают один фейерверк за другим. Кто-то выражает сомнение в целесообразности этого предприятия, но его не слушают. И тут на сцену вылезают два друга, скорее всего, из одной автоколонны, но на машинах, едущих в разные стороны.

ТИДЖЕЙ *(объявляя)*.

Здравствуй, друг! Мой верный, дорогой!

Лет уж сто, наверно, не видались?
Помолчим. Опять не в зуб ногой?
Ты - на Юг, я в Мурманск - за пургой,
В общем, врозь мы вдоволь напахались.
«- Где наш столик? Сядем, посидим.
И зачем нам эти фейерверки?
Вздоргнем, поговорим не про Рим,
А про ножки Крутиковой Верки.

Про деревню, милые снега,
Про забытых – грузы эти «двести».
- Это отголоски все, ага.
- Это все невольники мы чести.

- Это все афганские дороги.
Все Чечня, она у нас в груди»...

ГОЛОС АВТОРА. Сели, рюмки тронули. И многих
Бог недосчитал им позади.
Густо сходят! Жить неинтересно!
Не с кем поделиться в день иной.

ГОЛОС СВЫШЕ.

И не знали, им уж спета песня
Лошадью – старушкою хромой.

Надо же! Тут же по телефону Саше Логвинову я показал свою «Песню про мужиков» из этого мюзикла с Сашиной строкой «Идут, идут упрямо мужики». А через день у Саши случился инсульт, еще через три дня Саши не стало. Вот какую песню и еще способна спеть эта «хромая старушка».

ГОЛОС АВТОРА (*с дрожью*). Тут-то и началось! Настоящее свето-представление! Фейерверк, огни фейерверка! Кто-то глянул наверх, на сухой тростник – вспыхивает, искрится под потолком.

В толпе голос: - А-а-а-а...

ТИДЖЕЙ (*живо поднимаясь на сцену, говорит как можно спокойнее лапидарную фразу*):

- Господа, мы горим!

Ансамбль встает дружно и движется за кулисы по направлению к выходу. Тиджей подбегает к окну и плечом тужится вышибить раму, чтобы вывалиться наружу.

А пламя уже бушевало.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

ГОЛОС АВТОРА. Площадь перед «Хромой лошадьё». Черные окна, черные двери. Зловещая тишина. Жалкая кучка из спасшихся чудом. Прибежали люди из таверны «Марсель», что по соседству, напротив, тут же на площади.

Еще не съезжались пожарные и милиция, не сбегался народ. Появляется Глафира Павловна Полетаева – учительница, бывшая классная руководительница бывшего П «А».

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*как-то потерянно*). Так же дети мои, дети... они приглашали меня... а я опоздала...

ВЕХ, ПО КЛИЧКЕ РОБИН ГУД (*хозяин ночного клуба, озираясь по сторонам*). А где же мой заместитель?

ПТИЧКИН (*директор-распорядитель соседней таверны «Марсель», что напротив*). Робин Гуд! Уж, лучше бы и ты там остался!

Подскочила машина. Выходит подполковник Гречишкин – из Райотдела милиции.

ПОДПОЛКОВНИК ГРЕЧИШКИН (*сквозь зубы*). Тэ-экс...

Подкатывают пожарные, милиция, возникает народ. Появляется оцепление.

Светает. У таверны «Марсель» одиноко стоит человек.

ЧЕЛОВЕК этот. Я прямо с вокзала, проездом. Орловские мы, из Серединой Руси. Услышал удары колокола – и прямо сюда.

И тихо, вполголоса про себя.

– Скорбит Россия.

ГОЛОС АВТОРА.

Человек с вокзала, стоя у таверны слушает всю эту площадь. Что-то возникает в нем, не отпускает душу - про Прометея, про Бога Тора и про Огонь.

«Монолог Человека с площади»

(песня)

«Портреты поставить и свечи зажечь!

А в символы взять Россинанта!

Не делать из каменки русскую печь!

Полковника – из лейтенанта!

Погудина, х-ха, из бельканто!

А то холстомера приставить,

Пусть меряет горе холстами.

Теперь без «Хромой» невозможно представить

Ни речку, ни мост, где мы сами.

Бывает, конечно!

Конечно, бывает!

Там вспыхнуло, тут обожгло.

Но даже Антарктика уж не питает

Великое общевселенское зло.

Мы – люди, прямые!

Гореть – не впервые!

И это немудрено.

Да здравствуют лошади, даже хромые,

Какие нас вяжут в одно!»

ГОЛОС АВТОРА. О пощади, огонь, нас всех живущих!

Сцена вторая

*Там же, на площади, напротив ночного клуба, в таверне «Марсель».
Через несколько дней.*

ГОЛОС АВТОРА. У «Хромой лошади» гора цветов, горят свечи. А люди все идут и идут.

ГОЛОС РАДИО РОССИИ (*На всю площадь*). Сегодня в больницах Москвы, Челябинска, Питера скончались еще трое... всего 142 человека.

Тут же, у дверей, стайка молодежи. Это уже другой – 11-й «Б» класс, все из той же соседней школы - пришли помянуть товарищей. Звучит мелодия фирменной песни: «В таверне».

«А в таверне тихо плачет скрипка,
Нервы успокаивая мне.
И твоя раскосая улыбка
В золотом купается вине».

С утра в помещении таверны мало кого: вот они – бывшие школьники да ВИА Туманцева, «слуги двух господ» - «Хромой лошади» и «Марселя». Все в черных свитерах.

ТИДЖЕЙ (*выходя на авансцену и кланяясь особо им, кучке вчерашних одиннадцатиклассников*). Лучшим людям города! Лучшая песня для моего друга Василия – водителя – «дальнобойщика»... Я дописал ее в память о друге... Маэстро, музыку! Туманцев, давай!..

Поет солистка нашего ВИА (вокально-инструментального ансамбля) Баядера.

ЖЕНЩИНА. «Я пою - под взглядами горящими,

Говорю - молчаньями щемящими.
В наш тонкий мир, в наш рай и ад
Брызги шампанского летят,
Как этот снег, касаясь нас,
Надеюсь, не в последний раз.

ВМЕСТЕ (*с Тиджеем*). Кленовый лист, кленовый лист

Упал на плечи мне.
В твоих руках горю я, как в огне.
Дымком пахнуло, и в стекло
Забилось черное крыло.

ЖЕНЩИНА. И кружится, и кружится, кружится, чист,

Наш белый вальс, о мальчик мой, бой!

Вечерний звон, погасший клен, клен.

И лист опадающий мой.

Вечерний звон, о аист наш, клен,

И лист угасающий мост.

Вечерний звон - погасший клен, клен

И лист опадающий мой.

ГОЛОС РАДИО РОССИИ (*по площади*). В больницах Москвы, Челябинска, Питера скончались еще двое... всего сто сорок шесть...

Сцена третья

Суббота. У таверны «Марсель» собираются люди. Стоят, как-то поникнув, невесело. Знакомая мелодия в приоткрытую дверь:

«Стою я раз на стреме,

Держуся за наган,

И вдруг ко мне подходит

Незнакомый мне гражданин.

Он говорит, мне тихо:

- Куда бы нам пойти,

Чтоб можно было лихо

Нам время провести?

Он предложил мне денег

И жемчуга стакан...»

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ (*другу*). Что хоть он, не понял. Что он сказал-то?

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Да ладно тебе, закройся.

«Он говорит в Марселе

Такие кабаки...

Подпевая вдвоем. Такие там девчонки...

Такие бардаки.

Там девочки танцуют голые,

Там дамы в соболях...
С тех пор, друзья и братцы,
Одну имею цель:
Чтоб как-нибудь пробраться
В то солнечный Марсель...

Голоса перед таверной.

В тот солнечный Марсель...
В тот солнечный Марсель...»

Голос у двери. Проходите, проходите граждане и гражданочки, все под контролем... места ограничены...

ТИДЖЕЙ (*подходя к столику*). Ну что объявлять? Хорошо.
Слово любителям поэзии.

«Атланты»

(Стихи, услышанные за соседним столиком)

ПЕРВЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ.

«- Атланты небо держат, -
Говаривал отец. -
Потверже стой, потверже!
А тот Земле конец.

- Людей Атланты держат, -
Говариваем тут. -
Кариатиды реже
До неба достают.

- И нас атланты держат, -
Говариваю я. -

Как проявление стержня
Они во мне, друзья.

В богах моих, надеждах,
Где мой четвертый том,
Атланты небо держат!
И я стою на том!»

ВТОРОЙ ЛЮБИТЕЛЬ. Песня про Атлантиду.

«Была когда-то Атлантида.
Уже тогда держал атлант,
Скорее, так – для всех, для вида –
Мой синтетический талант.

Вулкан взорвался, плиты сели.
Ушел под воду божий клан.
И, коль в огне мы не сгорели,
Так затопил нас океан.

Атланты небо держат, братцы!
В домах, где жители живут!
Все ищем Атлантиду в святцах,
А она где-то подо мною тут».

ГОЛОС АВТОРА. Появляются Ксюша Нифонтова и Артем Карнаев из бывшего 11 «А», подсаживаются к ребятам из 11-го «Б». Входит Полетаева Глафира Павловна – их бывший классный руководитель. Так и сидят втроем, и среди всех, и как-то особнячком. А по площадке продолжает лететь:

«... Он говорит, в Марселе
Такие кабаки!
Такие там девчонки,
Такие бардаки!»

ГОЛОС АВТОРА. И тут, в таверне, кое-кто подпевает под нос себе.

«Там же ж девочки танцуют голые,
Там же ж дамы в соболях.

КСЮША НИКИФОНТОВА (*со слезами на глазах*).

Лакеи носят вина,
А воры носят фрак».

Появляется Муха с подносом.

КСЮША (*шелча*). И ты жив, Муха!

Обнимает, притискивает к себе, кладет на грудь себе голову Артема Карнаева. Глафира Павловна обнимает обоих.

Артем вырывается, подбегает к распахнутой двери, кричит на всю площадь:

- А - а - а - а - а - я - я - я - я ...

ГОЛОС РАДИО РОССИИ. В больницах Москвы, Челябинска, Питера скончались еще четверо...

Сцена четвертая

Там же, те же. Двое в гражданском подсаживаются к ним, это следователи Кострецов и Вострецов.

Подходит подполковник Гречишкин.

ТИДЖЕЙ (*проверяя микрофон*). Раз, два, три... (*Залу*). Друзья! Верная клиентура нашей заведения! Открываем неделю русской кухни и французского шансона. Есть возражения? Принимается единогласно...

Это говорю вам я – ваш Тиджей из Москвы! Вам подадут меню, выбирайте.

Включают магнитофон.

«А в таверне тихо плачет скрипка,
Нервы успокаивая мне.
И твоя роскошная улыбка
В бархатном кулается вине».

КСЮША С АРТЕМОМ входят в ритмы – все энергичнее, энергичнее.

АРТЕМ КАРНАЕВ (*поднимая стакан*). Ну что – помянем святые души? Глафира Павловна, заказывайте... и ты, ты, Ксюша...

КСЮША (*тыча пальцем в меню*). Вот – «щи ленивые». Интересно, что это такое?

АРТЕМ КАРНАЕВ. Да так, лист капустный, изрубленный в три шлепка, а картошка целиком (*Щелкая пальцем по микрофону*). Раз два, три...

Итак, французский шансон, французская песня... Для вас, лучшие люди города! Поет Ив Монтан. «Опавшие листья».

Русский текст в своем переводе поет наш земляк – Леонард Золотарев.

ГОЛОС АВТОРА. И поют: сначала Ив Монтан (в записи 1959 года), затем наш современник.

СЛЕДОВАТЕЛЬ КОСТРЕЦОВ (*Артему*). А вы когда поняли, что горите?

СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТРЕЦОВ (*Ксюше*). А вы когда поняли, что горите?

АРТЕМ (*с досадой, отмахнувшись*). Мы ничего не поняли.

КСЮША. Погодите, погодите.

На эстраде та же мелодия, но другие слова, уже другой перевод.

«Опавшие листья»

«Северный ветер наносит кистью

В холодной ночи силуэт вдалеке,

И лижет волна опавшие листья,

И море стирает следы на песке».

ТИДЖЕЙ. Представим автора перевода Леонарда Золотарева. Только теперь наоборот: его музыка на слова поэтов Франции. Итак, шедевры шансона – песни о любви. Но прежде авторская песня Леонарда Золотарева.

«Прощание с Киевом»

«Мы встретились, чтобы расстаться,

Друг друга боясь полюбить.

Француженка – тонкая грация,

Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,

И будет окончено все.

О, это различие в нациях!

Вы, русские, странны, мусье.

Над Киевом чайки кричали

С холмов на великую Русь.

Где было нам столько печали,

Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит среди зноя,
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мной,
В ее утопая руках».

Возникает трепетная мелодия. Глубокий голос.

ТИДЖЕЙ. Это Далида. «En rose» – «В розовом свете».

Песня заканчивается, уходит в небытие.

ТИДЖЕЙ. А теперь шедевры французских поэтов, положенные на музыку души Леонарда Золотарева.

Сам же автор их и поет а'капелла в своих переводах.

Итак, песни любви.

Роберт Деснос. «**Куплет о стакане вина**»

«Когда поезд ушел, опустилась рука.
Ни платка твоего и ни зонтика.
Только полный стакан золотого вина,
Только поезд, к нему устремленный.

Это длинное, длинное пламя вина
И горит, и поет, и рыдает.
Разрушая дворцы, и меня от тебя,
От твоих алых губ отделяет».

ЖАК ПРЕВЕР. «**Это в Париже (сад)**»

«Тысячи, тысячи лет
Люди не знают страданий

Здесь даже слова ради.
Это, конечно, вечность.
Маленькая, но твоя.
Где ты меня обняла,
Где я обнял тебя –
Утром в сияньи Луны
В парке одном Монсури.
Это в Париже, на той земле,
Которая, как и звезда,
Сияет мне тысячи лет,
Тысячи лет».

Луи Арагон. «Руки Эльзы».

АКТ ТРЕТИЙ

Действие происходит там же, в таверне «Марсель».

Те же действующие лица.

Артем Карнаев берет руки Ксюши в свои руки, так и сидят.

ТИДЖЕЙ (делает акцент, повторяя).

Луи Арагон. «Руки Эльзы»

«Дай мне руки твои, дай мне руки,
О которых молчал и молчу.
Дай мне руки твои – мои муки,
Дай мне руки, спастись в них хочу.

Я беру их, ловлю, принимаю.
Вижу нежность, страдание, страх.
И, как воду, со льда поднимаю
И держу над собою в руках.

Убегает и снова мне в руки
Ледяная, живая вода.

Как меня потрясали разлуки,
Как они потрясают всегда.

Дай мне руки твои, дай согреться.
Пусть задержится миг для двоих.
Дай мне руки – возьми мое сердце
В эти нежные руки твои».

АРТЕМ КАРНАЕВ (*шепча Ксюше*). Мы остались вдвоем, мы
остались вдвоем.

ГОЛОС АВТОРА.

Сонет Стефана Малларме. «Умиряющий Лебедь»

«Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда, а пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.
Зима пришла, сурова и седа.
А он все тут – на милой на равнине,
Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шеей – тонкою, лебяжьей
И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.
Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.
В плену у льда, исполненный презренья,
Свободный – на свободе умереть».

Поль Элюар. «Свобода» (в переводе Леонарда Золотарева)

«На школьных тетрадях моих,
На парте моей, на деревьях,
На теплом песке, на снегу, -
Пишу я имя твое.

На каждой странице прочтенной,
На каждой белой странице,
На грубой бумаге иль пепле, -
Пишу я имя твое.

На синях расколотых неба,
На кратерах острых Луны,
На солнечных океанах, -
Пишу я имя твое.

На ветрах в витринах настужь,
На полуоткрытости губ,
Взывающих и молящих, -
Пишу я имя твое.

На брошенных бастионах,
На скрытых фонарных столбах,
На желтой тоске безмерной, -
Пишу я имя твое.

На одре своем безнадежном,
На вечном своем одиночестве,
На тризне, трауре черном, -
Пишу я имя твое.

На Солнце, в груди возвращенном,
На здравии возвращенном,
На дерзости тщетных надежд, -
Пишу я имя твое.

С могущества этого слова
Опять начинается жизнь.
И я возрождаюсь, как Феникс,
Чтоб только тебя называть –
О Свобода!»

Звучит песня Шарля Азнавура «Богема», переходящая в энергичную французскую песенку Масьяса «Каникулы».

Там же, те же.

ТИДЖЕЙ. Вторая часть нашего сегодняшнего Шансона продолжится завтра. А сейчас - по традиции – кто что желает сказать.

ЧЕЛОВЕК В ЗОЛОТЫХ ОЧКАХ (*явный интеллеktуал, поднимаясь в углу таверны*). Я желаю! От имени французского поэта Шарля Бодлера. Его программное стихотворение «Красота» (*в моем переводе*).

«Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.

А в ком любовь, тот создан для успеха.

Он – мой Поэт, он – вечность, Млечный Путь.

Парю в лазу – лебедь молодая,

Белее снега, холоднее льда.

Я - Красота, недвижна и горда я,

Слеза и смеха, я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,

В трудах души, во цвете своих дней,

Чтоб только я питала их сонеты,

Во имя благосклонности моей.

В два зеркала возьми и оглядись:

Прекрасен мир, покуда длится жизнь».

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ФРАКА (*просто в рубашке, как и все тут, в таверне, в другом углу*).

Моя авторская.

Песня мужиков из таверны «Марсель».

Все мы немного лошади,

А кто же еще?

Из разговора.

Песня мужиков

Саше Логвинову

«Сквозь снег и дождь, цунами, грозы
Библийским шагом от Луки,
От женщин отводя угрозы, от женщин отводя угрозы,
«Идут, идут упрямо мужики!»
ПРИПЕВ. В холодок нам солнышко обещано,
А в жару - тенок из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины!
А собаки – мужики!

«Идут, идут упрямо мужики!»
К своей мечте, к заветной цели.
Даль ни по чем, страх не при чем,
Плечом в плечо, в одной артели
«Идут, идут упрямо мужики!»
ПРИПЕВ. В холодок нам солнышко обещано,
А в жару - тенок из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины,
А собаки – мужики.

«Идут, идут упрямо мужики».

Зал встает, все поют стоя, аплодируя сами себе.

В холодок нам солнышко обещано,
А в жару - тенок из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины,
А собаки – мужики, а собаки – мужики».
К своей мечте, к заветной цели -
«Идут, идут упрямо мужики!».

ГОЛОС АВТОРА. И тут же возникает другая мелодия, другие слова – все та же музыка, те же слова.

«С тех пор, друзья и братцы,
Одну имею цель:

Чтоб как-нибудь пробраться

В тот солнечный Марсель!»

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. В Москву! В Питер! В Париж!

ГОЛОС АВТОРА. И опять же возникает женщина – Баядера. Эта певица из ансамбля Туманцева.

«Я стою – под взглядами горящими,

Говорю – молчаньями щемящими.

В наш тонкий мир, в наш рай и ад

Брызги французского летят.

Как этот снег, касаясь нас,

Надеюсь, не в последний раз.

ВСЕ ВМЕСТЕ (*на сцене*).

Кленовый лист, красивый лист

Упал на плечи мне.

Откуда птицы тут взялись?

В твоих руках я, как в огне.

Дымком пахнуло, и в стекло

Забилось черное крыло.

ЖЕНЩИНА. И кружится, и кружится, кружится, чист,

Наш белый вальс, о мальчик мой, бой!

Вечерний звон, погасший клен, клен.

И лист опадающий мой.

ВСЕ ВМЕСТЕ (*на сцене*). Вечерний звон и аист наш, клен

И лист угасающий мой.

Вечерний звон, погасший клен, клен.

И лист опадающий мой».

Медленно спускается занавес, на котором сверху написано:

«Хромая лошадь» – «Марсель». *И тут эсе еще мелодия, все та же.*

«А в таверне тихо плачет скрипка...» *И еще – другой голос, энергичные ритмы:*

«Мы – люди прямые!

Пути к нам – прямые!

И это немудрено.

Да здравствуют лошади, даже хромые,

Какие нас вяжут в одно!»

Ритмы «Песни мужиков» все энергичнее! Все энергичнее!

«Сквозь снег и дождь, цунами, грозы
Библейским шагом от Луки,
От женщин отводя угрозы,
От женщин отводя угрозы,
«Идут, идут упрямо мужики!»

В холодок нам солнышко обещано,
А в жару – тенок из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины,
А собаки – мужики, а собаки – мужики.
«Идут, идут упрямо мужики!»

Занавес.

Март 2010 г.,
г. Орел

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО
Новогодний мюзикл
(музыкально-лирическая мелодрама)

Действующие лица

МОРОЗОВ АРИСТАРХ СЕРГЕЕВИЧ – глава семейства, ныне учитель музыки, он же в прошлом Денис – воин-разведчик.

БАБУШКА АНЯ, АННА ГЕРАСИМОВНА – его супруга, в прошлом Аня, тогда девушка лет шестнадцати.

АННА, АННА АРИСТАРХОВНА – их дочь, врач, ныне живущая в областном городе.

АНЮТА – ее дочь, школьница лет двенадцати, внучка бабушки Ани и Аристарха Сергеевича, живущая в облаках.

ГЕРАСИМ МАКАРОВИЧ – СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА, в прошлом отец Анны Герасимовны, а также трех сыновей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

ОБЕРСТ – НЕМЕЦКИЙ ПОЛКОВНИК, старший офицер вермахта с плечеными погонами.

ГАУПТМАН – капитан, немецкий офицер средних лет, военный врач.

ГАНС – денщик, немецкий солдат средних лет.

ГЕСТАПОВЦЫ в черных мундирах.

ГОЛОС АВТОРА, он же ГОЛОС СВЫШЕ.

Мирные жители районного городка – соседи Морозовых, бойцы и командиры Красной Армии, солдаты и офицеры вермахта времен Второй мировой войны.

Действие происходит в сорок третьем под Новый год и в наше время, под Рождество, в небольшом степном городке Серединной Руси. В простой русской семье. Из областного города сюда, к родителям, приезжает на новогодние, рождественские праздники их дочь Анна Аристарховна с мужем, с дочкой своей, тоже Аней.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В небольшом деревянном доме, почти в центре городка, собралась вся семья Морозовых. В центре зальчика – нарядная елка.

ВНУЧКА АНЮТА (*включая магнитофон*). Бабушка, слышишь, какая хорошая музыка. Это тебе... мой новогодний подарок...

Звучит мелодия известной еще до войны песни «Бе саме мучо».

ВНУЧКА АНЮТА. А это дедушке. Тоже хорошая песня: «Маленький цветок»... Это играет кларнет...

Пауза. Все слушают музыку.

ВНУЧКА АНЮТА. Бабушка, дорогая! Расскажи мне что-нибудь из своей жизни... Про призраки какие-нибудь, что ли... Ну, бабушка, сделай мне тоже подарок.

А кларнет все звучит, елка играет огнями.

БАБУШКА АНЯ. Хорошо, хорошо, дорогая. Давай дослушаем и расскажу тебе про эти самые... призраки (*улыбаясь дедушке Анюты - Аристарху Сергеевичу*).

Затем, все так же улыбаясь под музыку, бабушка Аня встает перед Аристархом Сергеевичем. Положив руки на плечи друг другу, они интимно, вдвоем танцуют перед внучкой это слегка грустноватое танго.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Действие происходит в том же небольшом степном городке, в том же доме, но переносится в другое время – под Новый год сорок третьего. Тут все совсем по-другому. Городок занят оккупантами уже больше года. Все три сына старенького дедушки Герасима Макарыча воюют где-то на фронтах войны. А тут их все ждут вместе с надеждой на Освобождение.

Скрипнула дверь. Анна Герасимовна вздрагивает. Входит старенький дедушка- отец Анны Герасимовны. Держит под мышкой зеленую елочку.

Появляется Анюта – девица лет шестнадцати, его внучка.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Вот, принес. Специально ходил в Мурашиху, в урочище.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*вздыхнув*). Тебе, внучка.

Возникает гул самолета. Где-то поблизости падает бомба. Звучит протяжный звон гитары, висящей на стене.

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ. Примета есть: к нехорошему.

ГОЛОС СВЫШЕ. И не знали все они, что всех трех сыновей у бабушки уже нет в живых: все трое пали смертью храбрых еще в сорок первом, на главном - московском направлении. А Анютин отец, контуженный, лежит в госпитале где-то под городом Горьким...

АННА АРИСТАРХОВНА (*дочери*). Однако Новый год на носу, а что ж мы стоим-то? Елку надо наряжать. Анечка, ты игрушки доставай из шкафа, а я насчет стола похлопочу. А ты, отец, что?

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ (*грустновато*). А я? А я форточку открою, ветер впушу, песню нам принесет. Слышал вчера с вечера за сараем...

Открывает форточку. В самом деле, вместе с песней сюда к ним влетает песня.

Голос странный, извне.

«Страна Аэдия»

«Страна Аэдия – на крыльях у Орла,
Перебирает годы не спеша.
Зато летит, всего меня взяла
Моя поющая душа.

Моя душа, моя! И люди с ней,
Наверное, становятся нежней.
А может быть, а может, и не очень.
Вчера день был немножко подлинней,
Сегодня – чуточку короче.

Страна Аэдия – из грез моих страна,
Огромная, из пламени, прекрасна.
Если подумать, кажется, она
Вчера была безбожна и несчастна.

Мне Боги дам музу ни о чем,
А люди к Слову – копию, диплом.
Сегодня спел, дай, Боже, спеть еще.
Так и живем, от песен горячо.
К любви летит душа, когда – поем».

Сцена вторая

Там же, те же. В ночь под Новый год – 43-го.

АНЮТА (*одевая шубку, шапку, варежки*). Дай-ка выйду во двор, на свежий воздух. Гляну, откуда хоть дует этот ветер?

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*шепотом*). Какой он там свежий? Фугаска близко упала, рванула немецкую батарею (*вслух*). Ходил, внучечка, за дровишками (*и опять оглядливо, шепотом*), так за сараем слышал человеческий голос... Вчера только поставили немецкую батарею, а сегодня уже разбомбило...

АНЮТА (*подхватывая*). Вот я и сбегаю туда, дедушка, за сарай – в городской сад. (*И шепотом*). Погляжу, может, это Дед Мороз!

МАТЬ АНЮТЫ – АННА ГЕРАСИМОВНА. Шарфиком горло закутай, опять ангину подхватишь.

АНЮТА. Да ладно тебе, не подхватчу.

И вылетает за дверь, во двор.

АНЮТА (*подняв голову*). Ого, луница какая! Мороз. И звезды, как яблоки. Как у Чехова. Так крупны и так яркие, словно к празднику их помыли и потеряли снегом. Да! Если струна зазвенела... значит, что-то должно произойти?..

(*В сторону*). Пойдем за сарай. В городской сад. К елочкам, они давно тут растут. Одну перед самой войной уже наряжали, увешивали игрушками, к ней приходили дети из школы, водили хороводы... Светло-то как, хорошо...

Танцует вокруг первой елочка, напевая известную песенку «В лесу родилась елочка».

Ой, что-то это там? Под другой елкой. Кто-то лежит и след кровавый по снегу... Человек! В маскхалате разведчик наш... какой молодой...

Анюта переворачивает его. Паренек лежит без движения.

АНЮТА. Ранен. Бок вырван в белом халате...

Анюта дышит раненому в лицо, стараясь теплом своего дыхания привести его в чувство. Находит руку, одевает свои варежки, повязывает шарфик. Садится рядом, кладет голову паренька себе на колени.

Так и сидит, замерев. Наконец, улавливает его дыхание. Начинает качаться, раскачиваться, напевать ему свою песенку.

Песенка Анюты

«Бом – бом – ба, бом,
Бом – бом – ба, бом...
Звезды светят ярко
В ночь под Рождество.
Чуда ждешь, подарка
С Неба самого.

Звездочка за звездочкой,
Дед Мороз в саду.
Под зеленой елочкой
Паренек в бреду.
Бом – бом – ба, бом,
Бом – бом – ба, бом...

- Отогрею раны я,
Выживешь, родной!
Человек желанный мой,
Воин дорогой!
Искрами, порошею
Вспыхнуло в крови.
- Человек! Хороший мой!
Родненький! Живи!»

Паренек приподнимает голову, Анюта падает лицом ему в грудь.

Сцена третья

В том же доме. Только в комнатке – боковушке, через стенку от зала со входом от кухни. В комнате двое: Анюта и тот раненый, что Анюта притащила

сюда, из-под елки. Анюта укладывает паренька на свою постель. Входит мать ее - Анна Герасимовна, в руках ее таз с водой и бинты.

АННА ГЕРАСИМОВНА (дочери). Ну-ка снимай халат с него. Так, поливай вот сюда...

За окном слышно, как подъезжает машина.

Голоса, немецкая речь.

Вбегает старенький дедушка.

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ (испуганно). Немцы!

АННА ГЕРАСИМОВНА (Анюте). Бери лист бумаги! Пиши: «Тиф». Так, кнопочками прикрепляй – сюда на дверь. Да – оттуда, оттуда – с кухни. А эту дверь – в зальчик, на ключ закрываем, наглухо... Слышите? Это мой сын ... твой брат, Анюта. Как зовут-то тебя, сынок?.. Евсей?.. Это наш сынок Сева, и он болен тифом. Ах, не Сева, а Денис? Ну, значит, Денис. Всем все ясно?

АНЮТА (замирая). Всем.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Всем.

А в коридоре уж грохочут солдатские кованые сапоги.

Анна Герасимовна спешит им навстречу.

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР (отдавая честь). Матка! Гутен морген... гутен тах... гутен «ночь», о!... Вермахт, зольдат, офисир... я – оберлейтенант... Новый год, да, будем пить, будем петь... отдохайт!.. Дед! Давай дрова, много дров... Утром фронт... мы айда... как это, фшей кормить ... Баба топить и топить... была Сибирь, будет Африка... Ферштейен?.. Живо, бегом!..

Немецкая команда занимает зал с елкой. Старенький дедушка таскает из сарая дровишки под окрики немецкого офицера: «Еще и еще!» Анна Герасимовна растапливает оттуда, из зала, круглую, обтянутую эсестью грубку – голландку.

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР. Гут, гут, караше!

Дает Анне Герасимовне шоколадку.

ОФИЦЕР. Матка! Киндер, есть киндер?

АННА ГЕРАСИМОВНА. Двое (показывая на пальцах).

Немецкий обер порывается через кухню войти в боковушку-спаленку. Замахивает листок на двери.

НЕМЕЦКИЙ ОБЕР (делая большие глаза). «Тиф»?!

АННА ГЕРАСИМОВНА. Киндер мой, сын – тиф.

НЕМЕЦКИЙ ОБЕР (*убегая*). Топить и топить! Африка! Не входить, не входить! Гут морген, утром – фронт... Мы айда...

АННА ГЕРАСИМОВНА (*возвращаясь в спальню*). Тиф у нас, тиф! Утром они айда на фронт. А ночь эту будут гулять.

У раненого поднимается температура. Паренек бредит; лежа на снегу, он еще и простудился.

ПАРЕНЕК (*в бреду*). Гематоген, «медвежья кровь...» Медведь, медведь из угла... наваливается на меня, давит...

Все сидят перед ним, ни живы ни мертвы. Не знают, что и предпринять. Слышно откуда-то с потолка, свыше. Стихи.

ГОЛОС АВТОРА.

«В новогоднюю ночь»

«Прибыл из Африки в русский мороз,
Печку до трещин нажарил в момент.
Бесится в новогоднюю ночь, и всерьез,
Ромеллевский контингент.

Там же за стенкой перепились -
Шатия-братия, ну и картинка!
И по башке, по башке – расколись,
«Рашен» - эта пластинка!

Гага-гага! Топчут «Катюшу»
Под патефон чертовы сапожищи.
Обер! Не харкай «Катюше» в душу,
Сковырнет тебе завтра с носу прыщик.

Завтра, может, кого-то убьют,
А кто-то попадет, может, в плен.
В общем, «Гитлер капут», «Гитлер капут»,
«Ви айнс Лили Марлен».

Сцена четвертая

Там же, в доме, в комнатке – боковушке. Очнувшись, раненый прислушивается к вакханалии через стенку. Потихоньку начинает напевать песню, которую слышат Морозовы от наших солдат только через полгода, когда придет Освобождение.

«В землянке»

«Вьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло!
Заплутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви».

ГОЛОС АВТОРА. Утром команда из Африки отбывает в окопы, на линию фронта. От немецкой комендатуры, что в доме через дорогу, присылают переводчика.

ПЕРЕВОДЧИК (*объявляя*). Здесь будет комната для проезжих немецких офицеров.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*вслух*). Яволь (*и в сторону*). «Гитлер капут».

*В полдень в «проезжей комнате» поселяется старший немецкий офицер.
А к вечеру раненому пареньку становится хуже.*

Температура понижается под сорок.

Анюта не отходит от него ни на шаг. Держа руку его в своих руках, она что-то шепчет, шепчет ему.

АНЮТА (*живо*). «Ухожу, бегу к горе крутой,

Принесу воды, уйму в тебе пожар.

ВМЕСТЕ. Пьем живую воду из колодца.

Хоть с тобой нас, друг, и не венчали,

Изопьем, за жизнь чтобы бороться.

Утоли, душа, мои печали».

РАНЕНЬИЙ. Все горит внутри... Воды, воды!.. Святой воды из Андреевского колодца...

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Я пойду.

АНЮТА. Нет-нет, надо, чтобы я принесла ему, дедушка. Только тогда подействует.

Анюта собирается и уходит. Мать смотрит на старенького дедушку долгим, пронзительным взглядом.

АННА ГЕРАСИМОВНА. Что ж ты ее не остановил?

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. А если это любовь?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*присаживаясь на табурет*). Что ж, будем ждать.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Будем думать о ней. Проходить будем вместе с ней всю эту дорогу, через линию фронта, траншеи и часовых.

АННА ГЕРАСИМОВНА. Действительно, может, поможет?

Раненый приоткрывает глаза.

ДЕНИС (*едва шевеля губами*). Где Анюта?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*приложив ладонь ко лбу*). Горит весь... просто невозможная температура. Может, действительно, тиф? «Испанка», называется...

Стук в дверь. Появляется немецкий офицер с денщиком. Офицер пожилой, с витьми погонами. Денщик, небольшого росточка, во все стороны кругловат.

ОФИЦЕР (*делает двумя пальцами под козырек*). Оберст Флотов.

ДЕНЩИК (*с неподдельной живостью, по-русски*). Матка! Комната для офицеров? Комендатура сюда направила герра оберста... будет ночевать. Оберст – это немецкий полковник.

ГЕРР ОБЕРСТ. Яволь.

ДЕНЩИК (*испуганно косясь на дверь*). Тиф?

АННА ГЕРАСИМОВНА. А-а, не знаем... Надо врача...

ГЕРР ОБЕРСТ (*показывая на дверь*). Пан, панинка?

АННА ГЕРАСИМОВНА. Сынок заболел... тяжело ему, высокая температура...

ДЕНЩИК. Нужен кароший немецкий доктор.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*разводя руками*). Да где же его взять-то?

Офицер шагает по комнате, денщик хлопает коридорной дверью.

ДЕНИС (*слабеньким голосом*). Ушла?

АННА ГЕРАСИМОВНА. Кто?

ДЕНИС. Анюта.

АННА ГЕРАСИМОВНА. Денщик это. А Анюта ушла в Андреевку, за водой... Господи! Да что же это такое!

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. У нас там родственники. Анюта знает все стежки, дорожки.

ДЕНИС (*приподнимаясь на локте*). Анюта, Анюта – дорогая... Анюта, Анюта...

ГОЛОС АВТОРА. Радость – от надежды, а надежда – от веры. Голос в пареньке крепнет прямо-таки не глаза. Он что-то шепчет, шепчет, запекает сначала в полголоса, голос его, укрепясь, уходит в щель двери – туда куда-то, вслед за Анютой, до линии фронта, во широкую степь.

«Игра воды»

(*Песня Дениса*)

«Душа моя горит и разгорается,
Пожаром схвачена, ей не до шутки.
А вот долга сгореть не догадается, -
Игра воды, игра воды какие шутки.

Разбита трава,
Развеяна –
На тысячи брызг.
И в каждом – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждом жива –
Ты!

Прохладна ночь, пройдет – неповторимая.
Прильну к груди и от тебя ни шагу.
Но отчего в глазах твоих, любимая,
Дрожит, слегка покачиваясь, влага?

Разбита трава,
Развеяна –
На тысячи брызг.
И в каждой – цветы,
И в каждой – слова,
И в каждом жива –
Ты!»

АННА ГЕРАСИМОВНА. Песня? И чья, кто сочинил?

ДЕНИС. Моя. Перевел с французского.

Сцена пятая

Там же, но на кухне. Те же, но еще и пожилой немецкий офицер – Оберст с витыми погонами.

ОБЕРСТ (*доставая фото из нагрудного кармана кителя, мягко и доверительно хозяйке*). Это мутер... моя мутер... Это мой киндер... и это панинка... А это марки, но не тут, а там – в Германии... там такие дойч марки – Берлин, Гамбург...

АННА ГЕРАСИМОВНА (*вежливо разглядывая фото*). Ага, понимаем, ферштейн.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Ферштейн, ферштейн. А что-то вы ничего не едите, и уже второй день? Не носят вам с кухни... Аня, собери ему че-нить на стол, все же «святки».

АННА ГЕРАСИМОВНА. А где же денщик ваш?

ОБЕРСТ. Это не мой денщик, он привел меня сюда от комендатуры.

Появляется денщик, с ним еще один офицер.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Глядите-ка, легок на помине.

ДЕНЩИК. Я – Ганс, зовите так (*Анне Герасимовне, указывая на вошедшего следом за ним офицера*). Гауптман - капитан, кароший немецкий доктор... Киндер ваш, киндер. Лечить, лечить...

Побледнев, Анна Герасимовна растерянно смотрит на старенького денщика. Не обращая внимания, немецкий доктор в военной форме прямым ходом проходит в спальню.

НЕМЕЦКИЙ ДОКТОР. Это – киндер?

АННА ГЕРАСИМОВНА. Это – «испанка».

Поморщась на перевязанный бок, немецкий доктор тщательно выстукивает, выслушивает больного. Стоит в раздумье.

ДОКТОР (*делая быстрые стригущие движения пальцами*). Матка, папир! Бумага, бумага... писать... А-а, - *махнув рукой*. – Белая ткань, полотно...

ДЕНЩИК ГАНС (*с готовностью*). Простыню давать.

Доктор говорит ему что-то по-немецки.

ДЕНЩИК ГАНС. Матка, таз с жоплей... с теплой.. нет, с ледяной водой...

АННА ГЕРАСИМОВНА. Как с ледяной?

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Как с ледяной?

ДЕНЩИК ГАНС. Делать... Кароший немецкий доктор... Таз, простыня, ледяная вода... Нох айн маль...

Доктор сам окунает простыню в ледяную воду, обкручивает ею горящее тело больного.

Доктор уходит, Ганс на какое-то время задерживается.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*кланяясь ему*). Спасибо вам! Спасибо, люди...

ДЕНЩИК ГАНС. Матка! Жепла вода – теплая вода.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*выливая ему в котелок из кастрюли горячую воду и показывая на дверь, в «проезжую» комнату*). Ганс! Там герр Оберст – немецкий офицер. Третьи сутки не ест... Принеси ему что-нибудь с кухни...

ДЕНЩИК (*небрежно*). Оберст? А-а, в Германии он у меня ноги бы мыл, ферштейн?

(*Старенькому дедушке*). Там у меня земля, где Ляйпциг... много земли, а тут я зольдат, ферштейн?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*вслух*). Ферштейн, ферштейн! (*В сторону*). Что ж теперь будет-то с раненым?

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*угадав ход ее мыслей, денщику*). Спасибо, камрад. Дочка, положи ему в сумку картошки.

ДЕНЩИК (*довольный*). О, бульба, бульба. В суп- карашо, карашо.

АКТ ВТОРОЙ

Действие происходит все там же, в небольшом степном городке или в его окрестностях, в разных местах: в доме Морозовых; то у Андреевского колдунца, то в полях по дороге назад в городок. И все это на послерождественской неделе, на «святках».

Сцена первая

В том же доме, но в комнатке – боковушке. Раненый Денис, лежащий в постели. Хозяйка Анна Герасимовна, ее отец Герасим Макарыч – дедушка. Анюты. Резкий стук в ордорную дверь, прямо-таки грохот. Хозяйка бросается на кухню, притикает к дверной щели.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*обомлев всем сюда в спальню*). Гестапо! Трое в черных мундирах... Так, выводят Оберста... Сдирают погоны. Из брюк вытаскивают ремень, Оберст держит штаны руками... Один бьет хлыстом его по лицу, другой – толкает в спину, к выходу... Все, увели...

Анна Герасимовна тащится в спальню, обессилена падает на диванчик.

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ. Господи! Кто же он – дезертир, наш разведчик?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*зловещим шепотом*). Кто-то выдал.

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ. Кто?

АННА ГЕРАСИМОВНА. Ганс? Не может этого быть. Гауптман – врач... «кароший немецкий доктор...»

Слышится бодрый, веселый голос из двери. Это опять – таки Ганс. И опять-таки легко на помине.

ГАНС (*вбегая на кухню*). Матка! Дверь открыта... как это, как это?.. настежь. Матка, матка! (*звякая котелком*). Жепла – теплая вода. Мой офицер, надо бриться...

АННА ГЕРАСИМОВНА (*наливая ему в котелок прямо из чугунка*). Вишь? (*показывает она на ремень, валяющийся в коридоре*).

ГАНС (*изменившись в лице*). Вас ис дас – что такое?

Распахивает дверь в зал, манит пальцем хозяйку.

ГАНС. Ком, матка, ком – сюда, сюда.

Анна Герасимовна следом за Гансом входит в «проезжую» комнату. Стулья валяются, елка на боку, игрушки растоптаны ногами.

ГАНС (*обернувшись к хозяйке*). Гестапо?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*шепотом*). Яволь.

Вглядывается в денщика, прямо-таки впивается взглядом в него.

ГАНС (*боднув головой*). Найн, нет! Ганс – денщик, гауптман - кароший немецкий доктор...

Направляется в коридор, аккуратно держась в руках котелок, стараясь не расплескать воду из котелка.

Возвращается. Наклоняется к уху хозяйки.

ГАНС (*оглядливо*). Матка, киндер будет жив.

Анна Герасимовна запирает дверь за ним, возвращается в спальню.

ДЕНИС (*уже сидя в постели, но в полузабытьи*). Медведь ... темный угол... ушел туда, больше не возвращается... Анюта несет сюда бутылки... Святая вода из Андреевского колодца... И светлый столб перед ней – сияющий столб! Он вихрится, закручивает перед ней, ведет сюда ее по полям, перелескам, оврагам... показывает дорогу... через линию фронта... мимо траншей, часовых...

Анюта уже где-то близко, я слышу ее шаги, ее голос, она поет свою новогоднюю песенку, как тогда... в городском саду, под зеленой елкой...

Вот она – ее песенка (*Денис шевелит сухими губами*).

« Песенка Аниюты»

«Бим – бим, бом, бим – бим, бом,

Бим – бим, бом – ба.

Звезды светят ярко

В ночь под Рождество.

Чуда ждешь, подарка

С неба самого.

Звездочка за звездочкой,

Дед Мороз в саду.

Под зеленой елочкой

Паренек в бреду.

ДЕНИС (*дрожжащим голосом*). Это она про меня.

АНИЮТА.

Бим – ба, бим - бом, ба - ба,

Бом – бом, бом – ба.

Омываю раны я,

Выживешь, родной!

Человек желанный мой,

Парень дорогой!

Искрами, порошею

Вспыхнуло в крови.

- Человек! Хороший мой!

Родненький! Живи!»

ДЕНИС (*обеспокоясь*). «Бим – ба, бом – ба»? Похоже на бомбу...Страшно за нее, нехорошо... Однако столб стоит – светлый, сияющий закрученный кверху, как гриб...

И паренек снова валится на подушку.

Сцена вторая

Там же, в окрестностях городка, - в полях, в белоснежной скифской степи. Анюта с двумя полными бутылками возвращается из Андреевки сюда, в свой городок.

АНЮТА (*раскрасневшись*). Господи! Даже не верится, что прошла через этот ужас – туда и обратно. Набрала вот святой водички в Андреевке, несю тебе, дорогой... Денис... мой любимый...

Возникает призрак Дениса, лицо его брезжит, держится перед ней.

ПРИЗРАК ДЕНИСА. Я знал!.. Знал!.. Ты пройдешь через все, ты прине-сешь эту воду...

АНЮТА (*приоткрывая платок на шее*). Конечно, там живут родственни-ки, мамина двоюродная – тетя Настя... Конечно, я бывала там почти каждым летом, знаю все закоулки, все заросли. Конечно, чтобы обойти часовых, пройти через линию фронта... добраться до колодца, до святой воды... для тебя, для тебя, для тебя...

АНЮТА (*начиная напевать*). Для тебя, для тебя, для тебя.

ПРИЗРАК ДЕНИСА (*откуда сверху, со светового столба перед ней*). Вот так (*напевая*).

«О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование.
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье...

Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь предо мной, дорогая».

АНЮТА. Я устала уже, обессилена, иду еле-еле. Нахожу замерзаю, руки твердеют, не держат бутылки. Упаду вот в этих вязких и топких, выше колена, глубоких снегах, в этих бездонных оврагах. И волки нападут на меня, расхва-тают, разнесут по степи... Но ты говоришь мне, и я загораюсь, живу... Милень-кий ты мой...

Ты встал и стоишь предо мной большим светлым сиянием, словно солнце, столбом огненным, перуническим – стоишь, а столб вихрится, закручивается прямо предо мной, заслоняя меня от степных ветров, ты слепишь глаза мне и ведешь, ведешь меня по степи – чуть живую, слепую, ослепшую от сияния твоего.

«Я иду, я иду, дорогой,
Я несу тебе воду святую.
В самом сердце девичьем своем
Песню эту храню молодую».

ПРИЗРАК ДЕНИСА. Язычица! Берегиня моя, берегинюшка!

АНЮТА. Мы выживем с тобой. Даня. Мы станем когда-нибудь старенькими, сядем на лавочку, как наши бабушки, дедушки, да и вспомним все эти свои невозможные, страшные, но и златые, святые денечки...

ПРИЗРАК ДЕНИСА. «О тебе, о тебе, о тебе...»

АНЮТА (*приостановясь*). Гляди, что-то там впереди – поселок? Хатенки заснеженные? Брошен поселок, полусожжен? Прифронтовой. Кажется, поработала авиация. Что с тобой, тебе плохо? Ты ждешь эту воду из Андреевского колхоза вместе со мной... Родной, я нахожу в себе силы, я уже ничего не боюсь, я иду к тебе, я иду...

Анюта присаживается к стеночке первопопавшейся хатенки, к заметной двери. Ей тепло уже, хорошо. Сугроб замечает русскую печь.

АНЮТА (*едва размыкая веки*). Что это я – замерзаю, совсем, навсегда? А что это передо мной – елка? Ах ты, зеленая, колючая, славная! Я нашла тебя Даня, Данюшка в горсаду под такой же зеленой, на «святки»... Рождественская неделя, люди ходят сейчас по дворам, колядуют, собирают в мешок подарки. А тут они (кто они, кто они?), а тут они постреляли не только людей, но и голубей... и поели их, скорее всего, даже сырыми... кто они – те солдаты – окопники... ужасы, страхи войны...

ПРИЗРАК ДЕНИСА (*возникая перед ней*). Надежда умирает последней, она спасает нас и спасет.

АНЮТА (*повторяя следом*). Спасает нас и спасет. Сейчас мы встанем, нарядим елочку, повесим на ветку бутылку, ветку горькой рябины, кисть красной калины... красиво, и оттого на земле хорошо...

И мы поведем с тобой, дорогой, вокруг нее хороводы...

ГОЛОС АВТОРА. Где-то близко проходит машина. Четко работает мотор. Значит, это дорога – с твердым покрытием, дорога жизни.

Анюта стряхивает с себя снег, снимает с елки бутылки. Призрак Дениса, превратившись в светлый столб, снова стоит перед ней, играя лучами, как солнце, снова ведет ее к своему городку. Надежда умирает последней. Он жив, значит, будет жить и она. Люди на дороге раздевают Анюту, они принимаются тормозить, растирать водой из бутылки все ее молодое, тугое, кипучее тело.

Анюта дома. Старенький дедушка приносит ящик из-под батальонных мин, сооружается столик. Все усаживаются перед Денисом на корточки, раненый пригубливает чай, пьет его с домашним вареньем.

ДЕНИС (*Анюте в реальности*). Вишневое?

АНЮТА. Фирменное.

ГОЛОС АВТОРА. И кто-то с белого столба, свыше, им приветливо машет рукой.

Денис жадно пьет воду из ее рук. Откидывается на подушку. Улыбаясь, смотрит на нее из-под опущенных век.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*объясняя Анюте*). Это «кароший немецкий доктор»... ледяная простыня... она сняла жар...

АННА ГЕРАСИМОВНА (*счастливо глядя на всех*). А если это любовь?

Проходит какое-то время. Только теперь все начинают заниматься Анютой.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Краснищя какая.

АННА ГЕРАСИМОВНА – АНЮТИНА МАМА. Наоборот, гляди, белые щеки. Уж не обморозились ли?

МАМА АНЮТЫ - АННА ГЕРАСИМОВНА (*Денису, с готовностью*). С крыжовниковым листочком.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*отирая Денису пот со лба*). С крыжовниковым.

МАМА АНЮТЫ - АННА ГЕРАСИМОВНА. Какое счастье, счастье-то какое.

Пауза.

ДЕНИС (*напевая реально уже, не в забытьи*).

«О тебе, о тебе, о тебе

Я тоскую, мое ликование.

Самой страшной отдамся судьбе,

Только б ты позабыла страданье.

АНЮТА (*подпевая*).

Я к тебе из томленья, из тьмы

Простираю безумные руки.

О, когда мы увидимся вновь

И сольемся, как в пении звуки?»

АННА ГЕРАСИМОВНА (*отцу*). Ну а если это любовь?..

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ. Первая любовь, первая.

Анюта замечает брючный ремень, висящий на спинке кровати.

АНЮТА. Что это, мама?

АННА ГЕРАСИМОВНА (*переглянувшись с отцом*). А-а, да так.

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ. Да не так, внучка. Это ремень Оберста, что жил тут за стенкой у нас, в «проезжей» комнате.

АНЮТА. А где ж он теперь?

МАМА АНЮТЫ - АННА ГЕРАСИМОВНА. Кто?

АНЮТА (*настойчиво*). Да Оберст же, Оберст! Со своими витыми погонами.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Гестапо забрало.

АНЮТА (*испуганно, метнув взгляд на Дениса*). Гестапо?

Гнетущая тишина. Слышно, как капает вода со столика, из опрокинутой бутылки.

АНЮТА. Надо что-то предпринимать.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА (*на Дениса*). Он же нетранспортабельный.

АННА ГЕРАСИМОВНА. Куда его? Надо подумать.

Пауза. И снова гнетущая тишина.

ДЕНИС (*пошевелившись*). Уходить надо, не то и вас всех тут расстреляют.

В трубу начинает завывать ветер. Свистеть, грохотать.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*вслушиваясь*). Ведьмы! Прямо шабаш какой-то.

АНЮТА. Дедушка! Ну придумай что-нибудь, дедушка!

ГЕРАСИМ МАКАРЫЧ (*дочери, Анне Герасимовне*). Может, в сарай его, где корова?

АНЮТА. Как в сарай? Там же холод собачий.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Зато жив останется... Вон корова уже как месяц у нас там – за сеном... от немцев спасаем... Сверху воду ей на веревке

спускаю... Раскопаем сено, сделаем ход и перенесем туда – за сено, к стенке сарая. Я ему тулуп туда сброшу.

АННА ГЕРАСИМОВНА (*раздумчиво*). Тулуп? Ничего, теплая вещь. Для извоза самая подходящая.

СТАРЕНЬКИЙ ДЕДУШКА. Ну вот и придумали, внучка. Зато жив будешь, твой парень. А там поглядим.

Сцена четвертая

Там же, в городке, у Морозовых, но в сеновальном сарае, за сеном до самого потолка. Те же, Анюта и военный разведчик Денис, ее парень. Оба лежат на сене, завернувшись в огромный дедов тулуп.

ДЕНИС (*целюя Анюту*). Ловко устроились мы с тобой. А где же корова?

АНЮТА. В деревянном сарае, дедушка ее туда перевел.

ДЕНИС. Кабы немцы корову не обнаружили, слопают.

АНЮТА. Нас кабы не обнаружили.

ДЕНИС. Говори шепотом – вот сюда, на ухо.

АНЮТА. Ой, зажал меня!

ДЕНИС. Тихо. Хорошо тебе?

АНЮТА (*едва дыша*). Хорошо.

ДЕНИС. Ну вот, милая, а ты боялась.

АНЮТА. Я и сейчас боюсь... еще больше...

ДЕНИС. Бомбы надо бояться, а не этого дела. Это – жизнь, ее продолжение...

(*Запевая вполголоса*). И опять продолжается жизнь...

АНЮТА (*закрывает ему рот ладошкой*). Тихо ты! Немцы же.

ДЕНИС. А мы вызовем наши самолеты – вот по рации, и они их разбомбят.

АНЮТА. А они нас с тобой не запеленгуют?

ДЕНИС. А мы выключим рацию.

АНЮТА. А они...

ДЕНИС (*закрывая ей рот ладонью*). Что они? Потом дорасскажешь во второй серии. Когда городок наши освободят.

АНЮТА (*вставая и потягиваясь до хруста*). Пойду домой хлебушка принесу.

ДЕНИС. И картошечки.

АНЮТА. И картошечки. С капусткой.

ДЕНИС. Мясо вы тут, небось, забыли, когда и ели.

АНЮТА. Дедушка уже старенький, а мы с мамой – женщины. Это вам, воинам, надо мясо есть.

ДЕНИС. Да дают кой-когда тушонку американскую, мы же разведка.

Загудел самолет. Прошел низко-низко. «Кукурузник» - легкий ночной бомбардировщик. И голос женский оттуда сверху - сюда на землю. И матом летчица сюда на немцев, отборной русской словесностью.

АНЮТА (*прислушиваясь*). Немцы зовут их «ночными ведьмами». Собыют если – в плен не берут, сразу к стенке. Как евреев и коммунистов. Говорят, они добровольно на войне, по своей воле...

ДЕНИС. Знакомый голосок. Разведрота наша – стоит в лесочке, возле ихнего аэродрома.

АНЮТА (*прислушиваясь*). Каждую ночь летают, на днях батарею грохнули тут... едва немцы установили...

ДЕНИС. Это я их навел по рации. Сейчас мы им тут сообщим, что мы с тобой тут.

АНЮТА. Да ты что! Немцы же кругом.

ДЕНИС. Они сейчас в норы попрятались. А мы тут запоем, туда наверх... девочкам передадим.

Напевает потихонечку:

«О тебе, о тебе, о тебе

Я тоскую, мое ликование».

С неба слышится его голос, только громкий, пропущенный через динамик. Так и летает этот «кукурузник» с включенным динамиком, с песней Дениса про Анюту, гремит сверху на весь этот ночной маленький городок.

АНЮТА (*прижавшись к Денису*). Выключи! Перестань...

ДЕНИС (*засмеявшись*). Что – ревнуешь? Эй, Марина, мы тут... С кем?.. Да с Анютой, с подружкой.

АНЮТА. Марина? Чечнева, что ли? Так она наша тут, из ближнего села, из Протасово. Мама моя ее в школе учила. Говорили, что потом она стала летчицей... Передай ей от мамы приветик...

ДЕНИС (*со смехом*). Не занимай эфир, не используй рацию не по назначению.

АНЮТА. На днях Николай - одноклассник мой к нам приходил.

ДЕНИС (*насторожась*). Ну и что?

АНЮТА. Говорит, немцы у кладбища зенитки установили, новую батарею.

ДЕНИС. Сам видел?

АНЮТА. Зенитчики за картошкой приходили. Угощали сладким таким, розовым морсом, что ли. Дают зенитчикам, чтобы лучше видели, сбивать самолеты.

ДЕНИС. Вот мы сейчас их и долбанем, ясновидящих. Марина, Марина, слушай сюда... У кладбища объект, да, у кладбища, приглядишь... Все, улетела туда к кладбищу, а тут у нас тишина. И мы тише мышки... «фрицы» из нор сейчас же повывлезают...

АНЮТА. Ну, я пошла.

ДЕНИС. За картошечкой?

Анюта уходит. Пауза. Мертвая тишина. Раздается повизгивание собаки, погромче человеческие голоса. Денис: «Пронеси, господи!» Появляется Анюта.

АНЮТА. Вот принесла – капустки с хлебом. А картошка сырая, не сварена, утром маманя целую кастрюлю наварит.

ДЕНИС (*прикрывая рот ей ладонью*). Тихо... собака, слышишь?..

АНЮТА. Это патруль. Ходят по горсаду с овчаркой... Что-то вынохивают...

И машина проезжала с усами во все стороны...

ДЕНИС. Да, что-то вынохивают.

Сцена пятая

Раннее утро. Еще только начинает светать, но человек уже где-то в поле, перед этим небольшим городком. Это военный разведчик Денис. С большим трудом, опираясь на суковатую палку, он передвигается по глубоким снегам, припадая на одну ногу.

ДЕНИС (*оглядываясь*). Овчарка не взяла след. А может, и не было никакой овчарки? Не было ни сарая, ни Анюты в сарае, не было ничего... Нет, конечно, все это было, было... Хорошо, что ушел. Чтобы не подвергать Анюту, семью всю опасности... Утром Анюта прибежит в сарай с вареной картошкой, а там никого, что подумает?..

Паренек останавливается, отдыхает, не в силах идти дальше по глубоким топким снегам.

ДЕНИС. Рассвело. Скоро совсем станет видно. Днем идти нельзя, это ведь фронтовая полоса. Сотни глаз вопьются в тебя, идущего по этим снегам... А это чьи следы? - маленькие, Анютины. И ведут они в сторону. В заброшенный поселок. Вот хатенка. Вот елочка – кисти горькой рябины, красной калины на ветках...

Денис улыбается: «Это она справляла тут праздник».

Вот тут световой день он и переждет, пока опять не смеркнется. Как стемнеет, так снова пойдет по снегам.

Денис приваливается плечом к подветренной стенке хатенки, закрывает глаза.

ДЕНИС. Вижу, вон там, в стороне, идут люди – в белых халатах. Это меня не дождались, послали вторую группу, следом за нашей... из которой остался жив я один... Лезет в башку всякое: больше суток на территории противника, смерш возьмет за хибот... Надо перебить эти мысли чем-то другим, скажем, стихами, а из стихов, может, получится песня. Вот «**Баллада о белых халатах**» (монолог солдата).

«В белых халатах идут по снегам –

Кто это? Будто врачи.

- Сведения дай им свои передам,

Те, что добыл я в ночи.

Тоже разведка.

- Ребята, сюда!

Мы еще живы... угу...

В белых халатах ползут по следам,

Незанесенным, в снегу.

В белом халате мне вырвало бок.

Шваркнуло миной под дых.

- Братцы, товарищи! В розе дорог

Вот отогрет у своих.

Вот возвращаюсь обратно, живой!
Полям пройду у траншей...
Эй, часовой! Подмогните, я свой...
Ближе, все ближе к водиче святой,
К этой Андреевке – милой, своей, -
Сдохну, а все же к утру доберусь,
К Родине – в эту священную Русь!»

ДЕНИС, он же ВОЕННЫЙ РАЗВЕДЧИК (*без всяких документов, их отбирают, когда посылают сюда, за линию фронта*). Все замерзаю постепенно, отхожу в мир иной. Ни стихи уж не греют, ни телогрейка – с вырванным боком. Чтобы это придумать?..

Да! А ведь Анюта прошла туда и обратно. И вернулась с двумя бутылками воды из Андреевского колодца. А ведь такая юная, хрупкая, а прошла ведь, преодолела. Что же вело ее, что?

Военный разведчик хватая ладошкой горсть снега из-под себя: «Какой же горький, пахнет железом и порохом!» Перед ним возникает вихрь, закручивается в белый, сияющий столб с ликом Анюты. И она улыбается ему, вместе с вихрем уходит вперед, ведет уводит его туда – к линии фронта, к Андреевке, где за траншеей уже свои... Он шепчет под нос себе, про себя:

«О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование...»

ГОЛОС АВТОРА. Это Сергей Городецкий, это он открыл нам Сергея Есенина. И это его, Городецкого, «Письма с фронта».

Разведчик шепчет стихи, а столб с Анютиным ликом остановился и слушает.

«Прости меня, когда я грешен,
Когда преступен пред тобой,
Утешь, когда я безутешен,
Согрей улыбкой молодой...»

Одна звезда над нами светит.
И наши сплетены пути.
Одной тебе на целом свете
Могу я вымолвить: «Прости!»»

ГОЛОС СВЫШЕ. И он ушел в этот мрак, в эту ночь, и ночь не взяла его, жива осталась разведка!

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС АВТОРА. Рассказ бабушки Ани окончен. И тишина. Анюта включает магнитофон. Снова звучит мелодия «**Бе само мучо**». Затем она перейдет в грустные, навевающие ностальгию звуки кларнета, это танго «**Маленький цветою**».

БАБУШКА АНЯ (*внучке*). Ну поняла, Анюта, кто был там тогда, в сорок третьем? Кто он (*показывая на Аристарха Сергеевича*) – твой дедушка?

АНЮТА. Военный разведчик? Денис?

БАБУШКА АНЯ (*улыбаясь*). Так, для красного словца это имя.

АРИСТАРХ СЕРГЕЕВИЧ. Для сохранения военной тайны.

АНЮТА. А ты кто ж тогда?

БАБУШКА АНЯ. А я тогда была, как и ты, тоже Анюта.

АНЮТА (*бросаясь на шею бабушке*). О, моя дорогая! Бабушка, ты самая лучшая на земле! И это чудо. Это самый лучший подарок мне к Рождеству, какой можно только придумать.

(*Оборачиваясь к дедушке, лукаво*). Дедушка, Аристарх Сергеевич, Денис... Ну спой, спой что-нибудь еще... Ну что ты пел тогда бабушке, когда летал самолет? А, не зря стал ты учителем музыки. Дедушка, спой!

АРИСТАРХ СЕРГЕЕВИЧ (*приоткрывая пошире форточку*). Я лучше ветер впущу, пусть он принесет оттуда песню, какую я написал к этому Рождеству... Вей, ветерок! Пой нам, неси сюда, как и всем людям земли, свою песню. Вей, ветерок...

Страна Рапсодия

(песня)

Мелодия моя, летит мелодия.

Поющие края – Страна Рапсодия.

Без нот и без границ летит, высокая,

Всех обгоняя птиц, песнь синеокая.

Волшебная страна, волшебные слова.
Мои друзья – прекрасные поэты.
Они живут везде, где Солнце и трава,
Где небо и земля всей голубой планеты.

Они живут по всей святой Руси,
Где речь родная, нет ее чудесней.
Поэт слагает стих, он чуток и красив,
А я, им восхитясь, рождаю песни.

Волшебная страна, волшебные слова.
Они моей мелодией согреты.
Рапсодия – от слов кружится головы,
Страна Любви, где царствуют поэты,
Страна любви, где царствуют поэты».

Занавес

На занавесе – слова: «Все мы дети доктора Спока».

РУССКОЕ ПОЛЕ

Музыкально-лирическая мелодрама

Звуковое приложение к видовой книге о Малоархангельске, Малоархангельском крае.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мелодия песни «С чего начинается Родина?» Поет Марк Бернес.

«С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре.
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать?
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.
С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.
А может, она начинается
С весенней запевки скворца?..»

ГОЛОС АВТОРА (*возникая на фоне мелодии*).

Где я, там и столица.

Александр Македонский.

* * *

«Быть ли Малоархангельску столицей?» - написали в 70-е годы прошлого века в газете «Советская Россия». И не без иронии. Городок маленький, по любым меркам не велик, отвечая своему имени: в нем всего около пяти тысяч населения, вместе с подгородненскими слободами. Однако столицей он был, и несколько раз. Во времена Гомера (27 веков назад) тут побывал Одиссей – царь Итаки, приезжал сюда за скифско-сколотским хлебом. Проездом на Юг здесь побывала Екатерина II, она подарила Малоархангельску статус уездного города.

И совсем свежие впечатления. Здесь 2 октября 2009 г. по тем же хлебным делам в Малоархангельске побывал Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев.

Все это как бы парадоксы. Но – факты.

И еще. В жаркое лето сорок третьего Малоархангельск стал столицей Победы, нашей победы в битве на Орловско-Курской дуге, где он сыграл ключевую, стратегическую роль, был главным, опорным на Центральном фронте, а Центральный фронт именно центральным, важнейшим фронтом в общей, третьей (после Москвы и Сталинграда) битве, протянувшейся на сотни километров в срединной России - по орловским, курским, белгородским полям. Таким образом, он был третьим по значению в третьей по порядку и по значению Великой битве во всей Отечественной войне 1941-1945-х годов.

И опять-таки парадокс. Но опять-таки факт. Малый город по сути явился защитником Курска (в случае прорыва не дал врагу у себя за спиной - вместе с ударом от Прохоровки - замкнуть кольцо, сделать «котлом» Курский выступ). и освободителем Орла (перейдя в наступление с юга, совместно с ударом от Болхова с севера, нацеленным на Карачев, вытеснить, выдавить неприятеля из его Орловского выступа).

Именно отсюда Центральный фронт Рокоссовского, переименованный затем в Первый Белорусский, был нацелен на Берлин.

Мистика этого города, мистика этой земли, священные хлеба.

Мы – дети войны. Я лично видел Рокоссовского в Малоархангельске летом 43-го во дворе старой школы. О крае родном, о Русском поле, о мире и о войне – об этом говорю и пою.

Часть первая

«Зеленые поля», мелодия. Оркестр Рея Кониффа.

ГОЛОС АВТОРА (на фоне). «Городок на холмах» (часть I). Стихи Лео-нарда Золотарева – этюд со скифско-сколотским оттенком.

«Маленький городок, а все есть.

Семь холмов, восемь дорог.

Как в Древнем Риме, в Москве.

Слышу в затылок дыханье, шаги.

Глянька-ка, что-то тут вроде дуги,

А дуга-то по краю вулкана -

Потухшего, как где-то на острове Пасха...

Пал в траве наш солдат,

Глубокая рана.

Как сразило, так и лежит,
Спит, молодой, на ложе своем,
Словно подпивший пиит,
Отстраненный от благ,
Принял беспечный вид,
С улыбкой маминой на устах.
Лег, молодой, в потемки, во прах,
Так и лежит на гниющих гробах.
Стал ветераном, уснувши здесь –
В шрамах, щетиной заросший весь.
Врос в этот берег крутой,
Ткнувшись тут под горой,
Знал, что будет город-герой...
С ним населения больше Орла под землей -
По вулкану тут, по дуге, по дуге,
Там – в земле, в этой железной пурге...
Вон висит погон по крюку –
На высотке, на подступах к городку».

Возникает мелодия песни военных лет. «Темная ночь». Поет Марк Бернес.

«Темная ночь,
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.
В темную ночь
Ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком
Ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.
Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня

Темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою.
Знаю, встретишь с любовью меня,
Что б со мной ни случилось.
Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи,
Вот и сейчас надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. «**Сабуrowsкое поле**» (стихи)

«Сабуrowsкое поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.

Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуrowsкие маки
Весною встали, где она была.

Один цветок – загубленная жизнь,
Стеной соборной размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, подержись!
Они легли, чтоб вы летали вволю.

Все здешние, штрафбаты, хлеборобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.

Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки – дань земной любви.

Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой солнце западет.
Увидишь звезды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью оболется,
А сердце остановится, замрет».

Мелодия. Гойя, гитара. «Аранхуэзский концерт». На его фоне стихи
Леонарда Золотарева. **«Китель Рокоссовского».**

«После Сабурово – фронта Хозяин
В Малоархангельск нагринул.
Был я мальчишкой рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай –
Вылитого артиста –
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепленье
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, -
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, -
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажник он треснул под мышкой,
Сроду не видел, это уж слишком,
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.
Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы напротив музею
Отдал те клипы следом,

А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут,
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!

* * *

Все говорят, мир – из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – «любящий лошадей»,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом».

ГОЛОС АВТОРА. А это как будто про наш городок, про Малоархангельск. Тогда, в сорок третьем, звучал тут на улицах этот «Офицерский вальс».

Мелодия. Поет Леонид Утесов.

«Ночь коротка, спят облака.
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовет снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо ваших ворот.

Припев.

Хоть я с вами почти не знаком
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного,
В этом зале большом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем,
Сам не знаю о чем».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев.

«Яблочный спас»

(Преображение)

Стихи, прочитанные перед народом, на площади в Малоархангельске, на праздновании 230-летия города. Слова потом были положены на музыку.

Поются автором.

«Тук-тук-тук, тук-тук-тук,
Тук-тук-тук, тук-тук.
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит.

Звуки не мерены, звезды бездонны
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы:
Что же ты, Спас, тишину там не спас?

Ежик по яблоку носит по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый, весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.

Яблоки падают, падают в осень.
Трель мимолетную дятел стучит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук-тук-тук, тук-тук-тук,
Тук-тук-тук, тук-тук».

Мелодия. Гитара, Гойя. «Аранхуэзский концерт». На фоне мелодии.

ГОЛОС АВТОРА. «Городок на холмах» (часть II).

«Мистика недр. КМА. Девонская глина.
И по дуге вулкана – война.
На крови – до самой Победы, милый.
Потому как тут, перед дугой, - мы, вся страна,

А там, за дугой, - они со своим кофе «цедра»
Против всего того, что тут было:
Мы и наши торсионные недра.

Однако твердят про Курск и Орел,
А истина - где канон, естество.
Чем скиф силу в себе обрел,
Так это тем, что стрелка у скифа по часовой.
Не поехала б крыша куда-нибудь выше.

Хлеб отсюда качали вначале, всегда
Через греческие полисы, Тьмутаракань.
Вскормили Итаку, Элладу, их города,
А уж те цивилизовали Европу, мир.
Отдавая «Авесте» дань,
Вспомним их, командир!..

И что говорит «Авеста» -
Эта сколотско-скифская невеста, -
Как бы глядя в греческую икону?
О чем вещает, о чем нас оповещает?
А кто живет не по совести, не по канону,
Тот, братцы, дело и упрощает.
Все везем, вывозим, как скифы,
Как, бывало, в Скифии мифы:
Везли отсюда хлеб, золото и рабов.
Вот он такой и маленький,
Как цветочек аленький,
Среди дубов, рабов и гробов».

ГОЛОС АВТОРА. Был молодым когда-то, выходил я на Глазуновку, на Сабуровскую дорогу и пел, бывало, пел во весь голос. А утром приходил к друзьям своим – Ефремовым, а мне Вера Ивановна, мать моих друзей-братьев, улыбаясь, говорила:

- А кто-то пел вчера вечером, ночью. Слышно было - от самой Мурашихи.
- А я-то думал, что пою только звездам.

ГОЛОС АВТОРА. М.Ю.Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу».

«Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно
Спит земля в сияньи голубом.
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего, жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя,
Я б хотел забыться и заснуть.

Но не тем холодным сном могилы.
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел».

Часть вторая

ГОЛОС АВТОРА. Я пел в тех местах, где-то там, у Глазуновки, под Сабурово, где в братских могилах и просто лежали там наши солдаты и офицеры... Сразу десять тысяч на десяти гектарах в одной атаке... А это тут был наблюдательный пункт Рокоссовского и поле Рокоссовского, которому я и пел.

И вот летом 2009, когда я возвращался из глазуновских, поныровских, покровских мест, пройдя и проехав с фотоаппаратом по этой Орловско-Курской

дуге тут, по огненным точкам, по братским могилам и памятникам многие километры, я на поле Рокоссовского случайно увидел много людей, техники – одиннадцать голландских комбайнов. Начало жатвы – 2009. И Губернатор прокатил нас с телевизионщиками на комбайне. И написались такие стихи.

* * *

«Жатва грянула на Казанскую.

Среди летнего жаркого дня
На комбайне – «летучем голландце» -
Прокатил Губернатор меня.

Сел в кабину он, пресса-то следом –
Хлеб пошел, полетел, поднажал.
По стерне, по селекциям, кредам
Я, как лось, с километр пробежал.

На подножку вскочил – дай он выйдет,
Щелкну, будет вам «фотошедевр»!
Ливнем вдруг окатило. Как видим,
Кто-то что-то там проглядел...

Вот и чудится все это, братцы,
Как тогда, при стеченьи людском,
На комбайне – «летучем голландце» -
Прокатили меня с ветерком.

С того дня по Руси с синим небом,
К Рокоссовскому полю спеша,
Благорного житного хлеба,
Жарких праздников жаждет душа»

21 июля 2009 г.,

Рокоссовское поле, что под

Малоархангельском

И пошло, поехало, покатило – стихи и песни про эти места.

Пояс Богородицы

(Стихи об Оке)

«И мне интересно доселе,
А было ведь невдомек.
Все реки России –
На Юг и на Север,
И только Ока поперек.

Вот бухну по пню кулаком!
И думаю, не ошибусь:
Как бы из веков,
Подпоясана Русь
Небесным таким кушаком!

В высокие веды глядели отцы –
В Путь Млечный с парным молоком.
И вот подпоясали Русь молодцы
Глазастым таким кушаком».

Пояс Богородицы

(Моя авторская песня об Оке)

«Начинается с кружки, кончается морем
Среднерусская эта река.
Опоясав Орел, течет на просторе
Богородицы пояс – синеокая наша Ока.

Глазастая, под ивами, березками.
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская,
Окою просияла по Руси.

Былинная, таланная, желанная,
Дай хоровод затеем, заведем.
Расстелемся, как скатерть самобраная,
По берегу к Есенину пойдем.

Размахнись, наша песня широкая!
Подмигни, уведи в окоем!
Мы живем тут, моя синеокая
Открывается этим ключом.

Глазастая, под ивами, березками.
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Нижнего сторонка глазуновская
Окою просияла по Руси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская
Окою просияла по Руси.

Начинается с поля, с зеринки на севе,
И на Солнце, на Солнце стремится поток.
Все реки России на Юг и на Север,
И только, и только, и только Ока поперек.

Богородицы пояс, живая вода,
И по ней города, города».

ГОЛОС АВТОРА. И пошел я, пошел от истока Оки к Малоархангельску. А перешел Малоархангельск, пошел дальше туда – к Луковцу, к колодцу, к роднику Девятая Пятница. Шел я полями и видел, как зреет добрый урожай. И песня написалась о поле, по сути дела мой гимн Русскому полю. А старый Луковец, где школа, село были, где учил я когда-то крестьянских детей, увидел вдруг в запустении. И написались такие слова.

«Старый Луковец еще дышит.
Два-три дома пока, две-три крыши.
Скит мне видится, скит мне снится,
Чтобы было кому молиться.

За дела наши грешные, тяжкие
Если есть они – и за хорошие...»

А потом и на музыку в сердце легли эти слова. Вот эта первая песня, а потом и эта, вторая.

РУССКОЕ ПОЛЕ

«Поймаю я ветер...»

(Моя авторская песня)

«Мой край, мои люди, родная сторонка,
Одна ты, одна у меня, у меня.
Иду я на песню, на звон жаворонка,
Шагаю по травам в сияние дня.

А поле, а поле, о Русское поле!
Степи до моря, седые хлеба!
Ты – моя нежность, ты – моя доля,
Путь и дорога, жизнь и судьба.

Как мало нас тут – под грозой, в урагане,
Свой ход, свою поступь сменю на коня.
Поймаю я ветер – следы на кургане
Спасают Россию, спасут и меня.

О, боги мои, о великое Солнце,
Хватаюсь за гриву, коня в шенкеля.
Под молнией в тучах пью волю до донца.
Возьми меня, поле, ржаная земля!

И снова иду я, шагаю на Солнце,
Широкий окрест огляжу, постою.
Как перевернуто небо в оконце,
За ливнем упало в мою колею.

А поле, а поле, о Русское поле!
Степи до моря, седые хлеба!
Ты – моя нежность.
Ты – моя доля,
Путь и дорога, жизнь и судьба».

ГОЛОС АВТОРА. А после спел я песню про Луковец. Сходу, с листа, музыкальный экспромт. Пою как бы про себя.

«СКИТ»

(Моя авторская песня)

«Бил гремяк под горой в три ключа.
Храм звонил по реке, по излучке.
Сняли люди пиджак со плеча,
А себя обрekli на муки.

Старый Луковец на Сосне,
Мир намоленный где-то на дне.
Новый Луковец, новые лица -
Глазу не за что зацепиться.

Старый Луковец еще дышит.
Два-три дома пока, две-три крыши.
Скит мне видится, скит мне снится,
Чтобы было кому молиться.

На могилки с синелью, ромашками
И за души под снегом – порошею.
За дела наши грешные, тяжкие,
Если есть они – и за хорошие.

Благочинный! Архимандрит!
Учредите, поставьте тут скит!
Пусть стоит под горой в три ключа,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча».

P.S. ГОЛОС АВТОРА.

«Здесь учили меня танкисты,
Сам потом пацанов учил чтению.
Помоги, Боже, этим неистовым!
Дай им свет с небес, просветление!»

ГОЛОС АВТОРА. А это запись с телевизора. Правда, получилось не очень. Но очень уж песня-то хороша, подходящая! Поем мы с Алибеком Днишевым.

«Пшеница золотая»

«Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дорожки полевой.

Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год.
Еще о том, что за рекой в поселке
Моя судьба, моя любовь живет.

И в час, когда над нашей стороною
Вдали заря вечерняя стоит,
Родное поле говорит со мною,
О самом лучшем в жизни говорит.

И хорошо мне здесь остановиться,
И, глядя вдаль, подумать, помолчать.
Шумит, шумит высокая пшеница,
И ей конца и края не видеть».

ГОЛОС АВТОРА. А напоследок я скажу стихи о Малоархангельске.

«Столица Белой Глины»

«Нечаянно открыл: живу в столице.
Даже не хлеба скифского, а глины.
В столице Белой Глины Русь коренится,
Наш городок старинный.

Адам – из глины человек, так в переводе,
А Ева – из ребра его.
Все человечество навроде
В девонских глинах от него.

Я с детства чувствовал, тут в недрах,
Таится что-то от Творца.

Дает луне, погоде ведра,
Болезни гонит, хмарь с лица.

Но, как бывало в сорок третьем,
И кровь впитав, не стала рыжей,
А самой белою на свете
Так и осталась, к тайнам ближе.

Когда везут в ВИЛЮР отсюда
И украшают ею всех,
Я знаю, что такое чудо, -
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.

Влетит в Москву какая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.
- И мы, - скажу, - живем в столице,
Где человечество живет!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Русское поле

Малоархангельск. Священная земля

«Малый, без трамвайчиков обходится
Тихий легендарный городок.
Грудью нас закроет Богородица,
Если враг к нам ступит на порог.

Весь в легендах. Путаем обличье:
Пушкин – ревизор, а я – Карузо.
А Гринев – наш мэр был, городничий, -
Так Герой Советского Союза.

Тетя моя – первый председатель.
Мир тогда в руинах весь лежал,

Я еще ее и свою матерь
В героизме не осознавал.

Все обсудят тут – по всей России,
Кое-что прибавят от себя.
В легендарной, творческой стихии
Я и рос тут, истину любя.

Только мать, бывало, скажет: «Боже!
Знаешь много – ну и помолчи».
И как камень на душу положит:
«А не то пойдешь на кирпичи».

Третий по значенью за войну,
А о нем как будто в рот воды.
Все мы у забвения в плену,
Все мы маловаты – степь, деды.

Уж дугу разбили по частям –
В областях удельные князья-с.
Если бы розно воевали там,
Что б сейчас осталось бы от нас?

Говорю, свое испив до дна,
От солдат, от имени руин.
С нами тут была да вся страна!
С нас удар – отсюда на Берлин!

Место нашей букве «М» - в столице.
На плите – за Мурманском, в Москве.
Штрафники – отверженные лица,
Хлеборобы с пулею в виске.

Мол, да дорог золотник. Породистый.
Тихий легендарный городок.

Грудью нас закроет Богородица,
Если враг к нам ступит за порог.

Вот живу, и нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла:
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?»

Гитара, Гойя. «**Аранхуэзский концерт**».

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне музыки*).

На подступах

«Тут на высотах, сражались они,
В центре железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.

Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берез».

Лейтенант

Майору Лисунову, лежащему где-то под Сабурово, капитану Евдокимову, чье имя на плите в Парке Героев в Малоархангельске, которых помню с детства, с тех огненных дней.

ГОЛОС АВТОРА (*читает стихи, перемежая их пением известных песен*).

«**Тихо вокруг**», высоты покрыты мглой.
Город во храмах приснится вдруг,
Лучший мой город – герой,
Лучший мой город земной.
«**Письма твои получаю**»,
Штемпель на них полевой.
И в адресочке одни только точки,
Город страды боевой.

«**Черная ночь**», только пули в степи и снуют.
Плакать не в мочь, завтра, наверно, убьют.
Только ветры свистели по ржи.
Только танк в той степи догорал.
Соловей, соловей, Расскажи!
Как танкист - лейтенантик сгорал.
Как проклятья гремели врагу,
Как парнишка рыдал... Не могу!
Как услышу на том берегу,
Все к тому лейтенанту бегу».

Под ту же мелодию Гойи.

ГОЛОС АВТОРА. «**Митя Самойлов**».

(Стихи)

«Песни по городу мчатся с душой,
Их не забудешь вовек.
Митя Самойлов - язычник большой,
Очень большой человек.
Грает движок. Будто князек,
Митя сидит, тарактит.
- Трофейное кино! Трофейное кино!
Из довоенных, «Дилижанс» оно! -
На весь Малоархангельск он кричит.
«Эх, путь - дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела».
Песни! Что вы творите со мной!
Ставит пластинки язычник.
«Зою» показывал левой одной,
Плакал майор - пограничник.
Плакал весь город, плакали все,
Дети погибших отцов.
И ненавидели зло, подлецов -
Не голодавших, свои «лампасе»
Жравших на прахе наших отцов.

«Эх, путь - дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела!»
Митя Самойлов! В трофейном кино
Мы навидались всего.
Митя Самойлов, как было давно,
Крутит кино, крутит кино!
Пятый сеанс уж, что же оно
Нам не покажет его?
Нам не покажет его самого?»

ГОЛОС АВТОРА. Я ходил, я ходил все в кино, чтобы увидеть того лейтенанта, который, получив с вечера письмо из блокадного Ленинграда о том, что у него погибли все родные, хотел застрелиться. А на другой день к вечеру танкисты, вырвавшиеся из боя где-то у станции Малоархангельск, рассказали, как в танке горел лейтенант, как кричал он, плакал, сгорая.

«Митя Самойлов, все крутишь кино,
Все крутишь кино.
Что же ты не покажешь его!»

ГОЛОС АВТОРА. Песня эта написалась экспромтом, когда я ехал со станции Малоархангельск в Орел, проезжая мимо этих полей.

«Бристоль»

(Песня про жеребенка)

Эта песня как будто про того лейтенанта.

«Как выйду за город, в степное раздолье,
В зеленое поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, -
На хлебные волны наброшу пиджак.

И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И бредней чужих не приму за коня,
А веки прикрою – «летучий голландец»
По глазу, по глазу копытом в меня!

ПРИПЕВ. На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок – горластый, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Иду на рассвете в Орле из «Бристоля»,
Такой опустелый, мощной не звеня.
Когда же, когда же, мое золотое,
О поле родное, накормишь меня?

Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканый весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, -
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

ПРИПЕВ: Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы – берега!
Заржет жеребенок – талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.»

«Моя деревенька»

(Моя авторская песня)

«Шагну за дверь и упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушел.
А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову –ау, ау, ау!»

За рощей и родная деревенька.
Дворы мои, затерянная Русь.
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки – жизнь на них крутая.

Иду, иду – «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегают блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной все пращуры, все лики,
Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живется?»
И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвется».

Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля».

ГОЛОС АВТОРА. Городок на холмах (ч. III).

«Маленький городок, а все есть.
Иерархи-то как по лестнице:
Царь, президент, императрица
Побывали тут, оказали честь.
Вроде была тут столица. Первые лица.
Вот всякое теперь и мерещится.
Золото скифов. Высокая честь.
Золото скифов. Такая высокая!
Семь холмов, восемь дорог.
Хочется что-нибудь съесть, с дерева слезть,
По Оке походим, поокаем
Под Большой Медведицей.
Было ведь, а не верится...
Что значит всюду мифы, всякие мифы.
И эти самые, эти самые, эти самые скифы».

ГОЛОС АВТОРА. И вот там, во глубине, за Малоархангельском, между Луковцем и Медведево, между Медведево и Подкопаево, где я учил детей, - такое чудо! Родник Девятая Пятница. Красота неземная. Ощущение Родины.

За что и погибали на подступах к Малоархангельску,
По дуге, по дуге магической, наши солдаты.

Все та же мелодия Рея Кониффа. «Зеленые поля» И на ее фоне

ГОЛОС АВТОРА.

«Девятая Пятница»

(Певчие стихи)

«Видите, чудо! Родник на горе. Девятая пятница.
Над Сосной-рекой высоко, высоко.
Время вроде назад тут пятится,
И уходит к Дону – в эхо веков.

Чудо! Подземные воды, днище
От Андреевского колодца. И –
Дайменка – речка где-то там, городище,
Таращатся снизу ввысь:
- Ну-ка получше взглядишь –
Чаша не перельется ли?
Ну, конечно, тут с веслом бывал Одиссей.
Ковыли! Степь волнуется, до Азова бежит.
Время-то пятится по пятницам,
И не только по пятницам.
Плоско, как у египетских пирамид.
Голос в небо летит, летит.
Певчие место, сакральному тесно.
Дома, дымы, боги да мы.
Солнце в глаза да поля, поля –
Хлеб скифский, сколотская земля.
Сеять-то сей, фарисей! Сеять-то сей!
Из родника пей, мимо не пронеси!
Русское не обегай! Русское оберегай!
Красоте, высоте служи, святой Руси!
Родине, Родине присягай!
Родине присягай!

ГОЛОС АВТОРА. «Сергей Радонежский» (стихи).

«Орда к орде, шатра не увидеть.
А Русь, как прежде, раздирает смута.
А мне в астральность хочется летать –
За купола, где вечность, как минута.

Воспрянь, о Русь! Постой, остановись!
С меча смой кровь загубленного брата.
Вокруг Москвы спиралью закрутись,
Пока спираль в нас, наше дело свято.

Пока Димитрий – наш великий князь –
При той спирали, - за свои пределы,
За Русь святую встанем, осенясь,
А не за эти розные уделы!

Уж триста лет висим, как на крюку.
Уж по-татарски мыслим без свободы.
... Ушел на Дон в передовом полку
Червлёный стяг, с ним лик белобородый.

О, Радонежский, ныне наш святой.
О, Дон-река! О, Русская земля!
О, Дмитрий сын Иванович Донской!
Питаемый отсюда от Сосны,
Чредой побед сквозь будущие сны -
Астральный вождь московского Кремля».

ГОЛОС АВТОРА. И снова вернемся как бы к Девятой Пятнице. Это – песня, но дай и тут просто словом скажу, из романа в стихах «Арсений Чигринев», из его первой части.

«Неупиваемая чаша»

«Неупиваемая чаша», -
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.

Когда наклонишься к ней чуть,
Чтобы испить тут и свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь в ней вся отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет.
Как славна наша сторона!
Каков нам от Богов привет!

Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»

ГОЛОС АВТОРА. Ну, конечно, тут бывал Одиссей! Ну, конечно! Ведь Дайменка – речка, городище там внизу, которому две-три тысячи лет. И это отрывки из героического эпоса «Белая Скифия» - продолжения «Одиссеи» Гомера.

«Весло, похожее на Лопату»

(Песня молодого Скифа)

Стихом (глуховато, как из глубины веков).

Я – скиф, по свету белому мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

Запеваю, песня звучит под оркестр.

«На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя Лопата там, - а как иначе? –
И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату –
Перед окошком, в тучный чернозем.
И превращу Весло опять в Лопату,
На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб в закрома, за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на юг, как всякий скифский сброд.

С Лопатой вдруг опять уйду из дома,
А возвращусь опять-таки с Веслом.
Как воля, так Весло нам, царство грома.
А как Лопата – тишина и дом,
А как Лопата – тишина и дом».

ГОЛОС АВТОРА. Из тех же гомеровских времен. Ночь. У Скифского Кургана. *Дуэт царицы всех скифов Несмеяны и Одиссея* (из той же «Белой Скифии», под тот же оркестр). «У Скифского кургана».

- «Увидела, узнала, полюбила.
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, что ждет меня? Могила.
Возьми меня, возьми меня с собой».

- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез.
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.

- Так улыбнемся вместе, Несмеяна.
- Мой Одиссей, ответим на любовь...
Соединим у Скифского кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у Скифского Кургана.»

Часть третья

ГОЛОС АВТОРА. И вот он, Курган, в полутора километрах от Малоархангельска, близ дороги на Луковец, на Подкопаево. Здесь в сорок третьего был оперативный штаб Рокоссовского, такие штабы располагаются в оперативной близости от самого сражения.

Фронтовой городок

(стихи)

«Малый Архангельск, Малоархангельск,
Малый наш город – герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, врага били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрjali – семь месяцев брали,
Да так и не взяли,
Малый наш Сталинград.
Вот он красуется –
Важен, рисуется
В центре железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И – до Победы шаги!
Хлебный, красивый,
В сердце России,
Дух богатырский живой.
И обелиски по-прежнему близки,
Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город.
Как и Козельск, один к одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почестъ с небес!»

ГОЛОС АВТОРА. Только одно можно сказать. Если Малоархангельск наши освободили 23 февраля 1943 года, в день Красной Армии, то Глазуновку – 28 июля, а ведь Глазуновка в каких-нибудь 16-18 километрах от города.

Все эти месяцы шло великое противостояние на Орловско-Курской дуге (дуга-то перед Малоархангельском от курских Поньрей до орловских Глазуновки, Сабурово, Алексеевки). И все это был Центральный фронт Рокоссовского. И если Прохоровка известна танковым сражением, то здесь были и танки, конечно, но решал «бог войны» - артиллерия (РГК – Резерв Главного Командования), гаубицы и «катюши», а главное был – человеческий фактор, люди, их тут легли сотни тысяч, - не считано и не мерено... легло в землю больше населения нынешнего Орла...

ГОЛОС АВТОРА. И вот мирное время. И все той же дугой на Запад от Малоархангельска – обелиски, памятники, бронзовые солдаты, а тут, в центре городка, Парк Героев, плиты с именами, Вечный огонь. И даже птицы помнят, все и голосом все это таинственно передают.

«Горлинка»

(Песня о Малоархангельске)

*И сидит она тут у нас то на березе, то на яблоне у нашего крыльца.
И голос у нее какой-то диковатый, странный – звучит на весь наш кварталчик, на всю нашу улицу.*

(Моя авторская песня)

«Как приеду в городок свой маленький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
Расцветет в душе цветочек аленький,
Бога о чем-нибудь попроси.

Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березу сядет над моим окном.
Запоет, заушает песня запоздалая,
В горле остановится, на сердце моем.

Как взгляну на местность небогатую –
Песня жутковата, улица пуста.
Горлинку сизую, птицу диковатую
Приютили милые места.

Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березе ухнет, как из-под земли
Русь моя великая, сторона бывалая –
Ну кого еще сегодня отнесли?

Как приеду в городок свой стольненский,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку,
Отдохни маленько, пой – не голоси.

Горлинка, горлинка – птица судьбоватая,
Не вещей нам, мимо пролети.
По-за каждым окнушком, над любою хатою,
Мой цветочек аленький, свети.
По-за каждым окнушком, над любою хатою,
Мой цветочек аленький, свети».

ГОЛОС АВТОРА. «**Ключ – колодец**» (песня).

Этот колодец с красной крышей вынесен с нашего двора, прямо на улицу, колодец этот у нас прямо перед окнами.

(Моя авторская песня)

«В тихом городке Малоархангельске
Я иду, а подо мной журчит.
Под моими окнами, как праздники,
Голоса, как в серебрах ключи.

Кто их, родниковые, повесил, -
Знак скрипучий, мерный звон цепей?
Кто колодец тут накуролесил
Посредине улицы моей?

Это водосвятие к народу
Вынесено с нашего двора
В знак того, что пали за свободу
На войне три дедовых орла.

Бьет вода живая – льет, не устая,
Значит, живы! Господи, живем!
Дедово наследство – это помню с детства.
Дедушкино, родовое пьем.
Доброе наследство – это помню с детства.
Нашенское, родовое пьем.

ГОЛОС АВТОРА (*стихом*).

А копал ту жилу дед с Ивани,
Доставал до чрева самого.
Про подлодку услышал нарани,
Задохнулся – это ж про него!

Это ж он, засыпанный в колодце,
Из Ивани голос подает!
После дед мой только и берется
Скальвать на сруб намерзший лед.

Вот водопровод в Малоархангельске,
Но с утра все светится, журчит.
И на нашей улице, как праздники,
Серебрами звякают ключи,
Серебрами звякают ключи».

«О, Русь! Взмахни крылами!

Сергей Есенин.

ГОЛОС АВТОРА. «**Орлиная земля**». Под духовой оркестр.

(Моя авторская песня)

«Кленовый лист в холмах и перелесках,
А по холмам раскинуты крыла.
Я здесь живу, мое родное место
Под сердцем у державного орла.

Взгляну на Север – русские столицы,
Шагну на Юг – все русские края.
А тут мой дом, Орел мой тут гнездится,
Любовь моя, Орловщина моя.

К звезде своей за тучею,
Орлы, летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная срединная,
Коренная русская земля!
Орлиная, любимая,
Мся неповторимая,
Коренная Русская земля!

Русь – милая моя,
Русь – отчие края,
Ключ – синяя Ока,
Солнце размыкает облака.
Тут – все мои друзья,
Тут – вся моя семья
Тут – все мои дела,
На широких крыльях у орла.

Вновь облетают вековые клены.
Кладу листок кленовый на ладонь,
Прожилки, совместясь, в душе влюбленной
В который раз вдруг высекут огонь.
Сжигало нас и в осенях, и в войнах.
Но Русь стоит, живет, как и жила.
Все золотеет мой вечнозеленый,
Все в синеве орлиные крыла.

К звезде своей за тучею,
Орлы – летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная срединная –
Коренная русская земля.
Орлиная, любимая,

Моя неповторимая,
Коренная Русская земля!»

«Русское поле»

(песня)

«Поле, Русское поле!
Светит луна или падает снег.
Счастьем и болью вместе с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек,
Русское поле, Русское поле!
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут тебя прежней тоской.

Русское поле, Русское поле!
Я, как и ты, ожиданьем живу.
Верю молчанью, как обещанью,
Пасмурным днем вижу я синеву.

Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря.
Ты со мной, мое поле,
Студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя,
И скажу, не тая:
«Здравствуй, Русское поле,
Я твой тонкий колосок!
Поле, Русское поле».

«О, Русь! Взмахни крылами!»

Сергей Есенин.

«Ой ты, рожь!..»

«В поле за околицей,
Там, где ты идешь,
И шумит, и клонится
У дороги рожь.

Черны очи видели -
Через поле вброд,
Там навстречу, издали
Паренек идет.

Припев.
Ой ты, рожь,
Хорошо поешь!
Ты о чем поешь,
Золотая рожь?
Счастье повстречается,
Мимо не пройдешь,
Ой ты, рожь!

С неба льется музыка,
Ветерок звенит.
На тропинке узенькой
Встретились они,
Обойти друг друга ли?
Колоски помнешь!
А глаза, как уголья,
Что там - не поймешь!

Припев.

ГОЛОС АВТОРА. Поле, Русское поле!

«О Русь! Взмахни крылами!»

Сергей Есенин.

30 ноября 2009 года,

г. Малоархангельск – г. Орел.

P.S. (Пост скриптум).

Скиф, едущий на трамвае

«Оттуда, из Скифии, смотрит в меня

Сквозь пелену времен, -

Кто это, кто это там без коня?

Как без коня тут он?

Транспорт – пешком, транспорт – автобус,
Он, как и все, тут в тайне
То обскакал бы десять раз глобус,
Хоть молодой, да ранний.
А то Скиф – пехота, ничей,
Всадник в пехотном ключе.

Чаша полна у этого Скифа,
В общем, полный набор:
Шашка на стенке, гитара без грифа,
Винчестер, Манчестер, топор и мотор,
И много другой всякой всячины.
Хоть степью скачи, а хоть прерией,
С собакой хоть, а хоть с саламандрой.
Он самый из всех обозначенный
Полнейшим царским доверием.
Хоть в скифах живи, а хоть в олеандрах.
Свобода – когда и кого из чего выбирают.
Хоть то, а то хоть это, смежное.
Скиф скачет по городу с утра на трамвае.
До самого, самого рая,
Везет в себе слово нежное.
А вечером ноги помоем,
Всунет в свои стремяна,
Какие у него имеются,
Да и к себе, к своим скифам,
В повесть, в свои пламена.
Нырнет под гитару все туда же, без грифа,
На струны себя наложит,
Отдельно пальцами перебирает,
Все песню поет про Белую Скифию,
Лихо так исполняет.
А трамвай за конем грохочет в мифы.
Что, значит, всюду скифы.»

ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА, ИЛИ СОКОЛОВСКАЯ ГИТАРА

(либретто к опере)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Президент ВОЛКОВ ВАДИМ ВАДИМЫЧ, баритон.

Губернатор Вороновской провинции ГРОЗДИН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, низкий бас, профундо.

Губернатор Соколовской провинции КОЗИНЦЕВ ПАЛ ПАЛЫЧ – баритон-бас.

СТАВЦЕВ ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ – заместитель председателя Правительства Соколовской провинции, доктор наук, глава Аграрного блока, баритон.

Автор - АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ СУВОРИН – бывший школьный учитель, ныне творческий многостаночник, родившийся в Вороновской провинции, ставший жителем Соколовской провинции, драматический тенор.

ДАНИЛА АЛЬБЕРТОВИЧ СУВОРИН – его сын, тоже Автор, приват-доцент, лирический тенор.

КАТЕРИНА СТОЛЕТОВА – племянница Автора, двоюродная сестра Данилы Суворина, руководитель Экономического блока Вороновской провинции, колоратурное сопрано.

Протасовский - долгожитель деревни Волково.

Бабушка Груша – его сожительница.

Начальник охраны Президента.

Начальник Соколовской охраны.

Советник Президента, он же телохранитель.

ПЕТР МАКСИМЫЧ СКРИБКО – Воевода Аргунского уезда, драматический тенор.

НАДЕЖДА ВИТАЛЬЕВНА ВРЕВСКАЯ – мэр Малого города, лирическое сопрано.

ТРИО «ЩИТОК». Человек из прокуратуры, Человек из раймилиции, Следователь.

АНИСИМОВ – Главный агроном уездного сельхозуправления, характерный тенор.

СМОЛЕНЦЕВ – прораб коллективного сельхозуправления «Прогресс», характерный тенор.

Хор из жителей уездного городка, управленцы, сельхозники, медики, библиотекари, жители окрестных сел и деревень.

Опера может идти под гитару, оркестр народных инструментов, музыкальный рефрен – **«Соколовская гитара»**.

СОЛИСТ (*раздумчиво*).

«Соколовский хор из бара
Был когда-то знаменит.
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит.

ХОР (*лихо*).

Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду, деньги, господи!
А без денег, тем не менее,
Жизнь так- , така-, такая,
Жизнь, пло – ха, ха-ха, плохая,
Не годится никуда».

Действие происходит в Серединной Руси в самом южном, самом хлебном уезде Соколовской провинции - в Малом городе, куда наносит рабочий визит Президент, посещая красивейшие, героические места Родины, где и происходят события.

Поля, пшеница золотая. Дорога, автобусы. У лесополосы серебряная «сигара» зернохранилища.

Звучит знакомая песня **«Русское поле»**.

«Поле, Русское поле!
Светит луна или падает снег.
Счастьем и болью связан с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцу вовек,
Русское поле! Русское поле!»

ЖЕНЩИНА (*с края поля считает зерна, определяя по колоску урожайность*). Ого!

Сцена первая

Тут же в поле столы, на них аккуратные снопики. Ковровая дорожка постелена к микрофоном. И люди, много людей – это хлебная элита страны: ученые, академики, губернаторы соседних областей, инвесторы - предприниматели.

В поле новенькие красные КАМАЗы и одиннадцать синих голландских комбайнов. Все готово к празднику первого хлеба, к началу жатвы, все ждут самого Президента, а с ним нового губернатора Соколовской провинции Козинцева.

Гитара. Мелодия, «Аранхуэзский концерт».

Звучит труба. Это прибыл на иномарке со своей свитой Соколовский губернатор.

КОЗИНЦЕВ ПАЛ ПАЛЫЧ (*сияя, всем*). Общий привет! Ну что, дорогие гости и хозяйева, начинаем?

ВСЕ живо машут руками:

- Начинаем, начинаем!

ОДИНОКИЙ ГОЛОС. А Президент?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*в микрофон*). Поздравляю! Жатва 2009-го года начинается.

Звучит продолжение песни «Русское поле».

«Верю молчанью, как обещаю,

Пасмурным днем вижу я синеву.

Не сравняется с тобой ни леса, ни моря.

Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.

Здесь Отчизна моя. И скажу, не тая:

- Здравствуй, Русское поле!

Я – твой тонкий колосок».

Губернатор живо пробегает к головному комбайну, поднимается по лесенке, телевизионщики бросаются следом.

Взметнув пыль, «летучий голландец» срывается с места.

Автор с фотоаппаратом, случайно – проездом оказавшийся тут, бежит к комбайну. Пресса виснет на подножке. Автор бежит бок о бок с ними, целкая своей «мельницей». Отставая постепенно, он прекращает борьбу, комбайн придерживает ход, Автор вскакивает на подножку.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (на фоне «Аранхуэзского концерта»). Используя «машину времени», скажем, что из этого вышло. Снимок, ради чего, как лось,

Автор пробежал с километр, не получился. Потекла батарейка, ведь жара 34 градуса. Зато получатся после стихи. Однако Автор поет их сейчас.

Ария Альберта.

«Жатва грянула на Казанской.
Среди летнего жаркого дня
На комбайне «летучем голландце» -
Прокатил Губернатор меня.

Сел в кабину я с прессою следом.
Хлеб пошел! Полетел, поднажал!
По стерне, по селекциям, кредам
Я, как лось, с километр пробежал.

На подножку вскочил. Дай он выйдет –
Щелкну! Будет вам фото – шедевр!..
Жаром солнца все смыло. Как видим.
Кто-то что-то там проглядел...

Вот и чудится все это, братцы!
Как тогда, при стеченьи людском,
На комбайне - «летучем голландце» -
Прокатили меня с ветерком.

С того дня по Руси с синим небом,
К Рокоссовскому полю спеша,
Благодатного, житного хлеба,
Ярких праздников жаждет душа».

Автор подходит к газетчикам со своей фотомыльницей: «Братцы, потекла батарейка... Выручайте, братцы!». – «Да у нас снимки-то черно-белые. Тебе же нужен цветной?» Из Вороновской делегации к Автору подлетает женщина – это Катерина Столетова, его племянница, дочь двоюродной сестры. Бросается на шею к Альберту Данилычу.

КАТЕРИНА СТОЛЕТОВА. Ой, дядечка! Вот не ожидала-то, где встретила.

АЛБЕРТ ДАНИЛЫЧ СУВОРИН. Что ж ты не знала, что ли? В доме материнском тут живу каждым летом, Катюша.

КАТЮША. Да знала, знала! А все как-то не верилось. А где Данилушка, братец мой!

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. А ты тут чего?

КАТЮША. Так я же теперь руководитель экономического блока у Гроздина, нашего Губернатора. Что ж вы не знаете?

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. Да знал, знал об этом! А все как-то не верилось.

Оба заразительно смеются.

Сцена вторая

Автобусы возвращаются в Малый городок. Катюша сидит, притиснувшись по-родственному к Альберту Данилычу и что-то все говорит, говорит Альберту Данилычу. Уже на Беленьком холме, при виде Аргунска, Ведущий прерывает свои комментарии, объявляет: «С нами тут наш земляк – известный Автор Альберт Данилыч Суворин! Пусть скажет что-нибудь, мы слушаем».

АВТОР. В таких случаях я говорю стихами. Короче не скажешь.

«Баллада Альберта»

«Ты хранись в нас, о русская речь!

Острый меч и испытанный щит.

Нам бы землю родную сберечь,

А уж Русь-то себя сохранит.

Сохранит землю Русскую сын,

Сохранит сына русская мать.

Будем ей молчаливо внимать

Под гортанные скрипы осин.

Под кровавые просыпи рос,

Под тележный заржавленный звук.

Был мой дедушка великоросс,

Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь!

Острый меч и испытанный щит.

Нам бы землю родную сберечь,

А уж Русь-то себя сохранит».

АВТОР. Вот и кладбище – проезжаем, тут лежат мои дедушка, мать... Приближаемся к центру – Парку Героев. Тут лежит мой друг с сорок третьего, его имя – на крайней аллее, снизу третье – Евдокимов С.П., капитан. В Отечественную Малый город оказался героем. Только об этом по каким-то соображениям умалчивается...

ГОЛОСА В АВТОБУСЕ. Мы – саратовские, мы – самарские... С Волги... Значит, пришло время сказать народу... во всеуслышанье...

АВТОР. Конечно. Тут рядом Ока – река, а она тоже впадает в Волгу.

ВЕДУЩИЙ (*объявляя*). Проходите вот сюда, в зал этот – в кинотеатр «Колос»... Научная конференция, теоретическая часть продолжается...

Сцена третья

Пару недель спустя Автор, он же Альберт Данилыч Суворин, появляется в аргунском соборе Михаила-Архангела, взорванном во время войны и не так давно в другом месте отстроенном заново. У иконы Казанской божией матери стоит человек в простенькой курточке и кроссовках. Личность вроде знакомая, и где он видел этого человека?

АЛЬБЕРТ СУВОРИН (*подходя к нему*). Казанская богородица - защитница Руси, знаете?

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Что это у вас в руках, книжка?

АЛЬБЕРТ СУВОРИН. Книжка.

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ (*беря ее в руки, живо интересуется*). И кто Автор трагедии?

АЛЬБЕРТ СУВОРИН. «Любящая Мария». Кстати, была в Пекине на выставке, в позапрошлую осень. Когда Президент Волков был там с официальным визитом... Вот бы его сюда заманить.

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Кого?

АЛЬБЕРТ СУВОРИН. Да Президента. Хотите подарю, берите!

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ (*принимая книгу*). А чего это вы такой щедрый?

АЛЬБЕРТ СУВОРИН. Автор я, на народ работаю. Местный - аргунский и в то же время в областном центре живу... С мая уже четвертый месяц хожу по полям по долам с этой вот «мыльницей» (*показывая фотоаппарат*). Первым увидел, что зреют хлеба – хороши! Уши об этом всей Аргунской администрации продолжил... Из-за одного фото – Упаловской церкви – километров семь-

десять на днях отмотал, да еще под дождем. Заблудился, в Курскую область попал – в Поньровский район. К часу ночи только до дому едва дотащился. С больными ногами-то... по размокшим полям..

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Вы что – герой?

АВТОР. Герой у нас – город, Аргунск наш. Только знают об этом кто – старые жители да ветераны войны. Да я лично... опыт военный имею, мы - дети войны... С этой «бандурой» (*показывает на фотоаппарат*) прошел, проехал этим летом по Орловско-Курской дуге незнамо сколько. Снял на фото много высот, братских могил... От курской Ольховатки через Поньры до орловской станции Малоархангельск, Глазуновки, Сабуровского поля, Панской, Алексеевки... Все это Центральный фронт Рокоссовского. По этой, так сказать, «малой дуге» лежат сотни тысяч, а на обелисках какие-нибудь десятки, сотни имен... Да не знаю, получились ли фото...

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Вот завелся. Не боишься?

АВТОР. Чего бояться-то, отбоялись в войну.

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Ну что опровергнут твою концепцию.

АВТОР. Очевидное, но невероятное. В сорок третьем танкисты тут меня буквам учили, читать. Помню, дядечка один в Луковце... у окровавленного танка, посадил меня на колени... мать меня к танкистам-ремонтникам в белой рубашечке отпускала, а этот дядечка у танка облапал меня своими промасленными руками и говорит: «Ну, и можешь, сынок, потом рассказать обо всем этом ужасе людям?»

И я сказал, помню: «Могу!»

Пришло время, осознал все, вот и говорю. А писать я и сам научился. Представьте себе, парадокс! После института я туда, в Луковец, попал уже сам учителем. Учил крестьянских детей русскому, литературе, истории, представляете? Там деревня такая: Волково... я был у детей классным руководителем. Под солому крыши были тогда, полы земляные. Дебильноватые от пьянства родителей дети: Николай первый, Николай второй, а оказывается - родные братья. По фамилии Волковы, там в Волково все Волковы...

А на днях снова побывал в тех местах, там родник такой – Девятая Пятница. Чудо природы, красота невозможная, лучшее место в Серединной Руси, может, даже красивее Коренной... Родник высоко-высоко на холме, а внизу Сосна, излука реки, пространство – навстречу Солнцу, до самого Дона.

Вода по трубе течет, падает вниз, в Подкопаево, действует как городской водопровод...

И Волково теперь не узнаешь: хороши дома, как в Аргунске, телефон, молодежь, и все – Волковы... Вот бы Президента куда заманить... Я уж песню про них сочинил, так и тянет опять туда – показать... Красота, высота! Родине, Родине надо там присягать! Там же Дайминка всем городище, которому двести тысяч лет. Уже тогда хлеб выращивали тут наши предки, и шел этот скифско-сколотский хлеб отсюда в Элладу через греческие города – полисы. Красота, высота! Вот за что, оказывается, погибали наши отцы там, на подступах...

Вот бы Президента куда заменить... Одно боюсь: кабы не впустую нащелкал. Вишь, «мыльница» - батарейка эта опять кабы не потекла...

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ (*доставая бумаэисник, подает пятитысячную кутюру*). Вот! Купи себе другой аппарат – электронный.

Не заметили они, как вышли из собора Михаила-Архангела и стоят на холме перед «змеей» - длинной асфальтированной – вниз-вверх – главной улицей города.

ЧЕЛОВЕК В КУРТОЧКЕ. Ну что – песню?

АВТОР. Песню? Песню! Там, на Девятой Пятнице, когда-нибудь покажу. Там, поверх родника, плоско, как у египетских пирамид.... Ладно, тут покажу... «Песня у родника». А можно и просто «**Неупиваемая чаша**».

«Неупиваемая чаша», -
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей...»

АВТОР. Ну, хватит, потом где-нибудь дочитаю.

Расставшись, они расходятся в разные стороны.

АВТОР (*глядя вслед длительным взглядом*). Где-то я видел все-таки этого человека? На кого-то похож, очень на кого-то скидывается. Прямо тебе «принц и нищий»... Как новый Губернатор нашей Соколовской провинции...

Сцена четвертая

Альберт Суворин, он же Автор, уже с утра в ожидании. Все у здания Аргунской уездной администрации. Замечает Воеводу уезда Стрибко. Глава торопится прошмыгнуть в здание.

АВТОР (*оклика*). Петр Максимыч!

СТРИБКО (*резко остановившись*). Не видите, что ли, тороплюсь.

АВТОР. Один вопросик: я подготовил видовую книгу – целый фотороман. Об Аргунском крае Соколовской провинции. Война и мир, подвиг народный, павшие герои. Помогите издать, я уже показывал фото вашему заму.

СТРИБКО (*пальцем вверх*). Там у меня телефон.

АВТОР (*настойчиво*). И еще вопрос: правда, что едет к нам ревизор?.. Э, Президент. Называют даже дату – 2 октября, правда?

СТРИБКО Нет, не знаю!

АВТОР (*четко*). Так будет или не будет! Если будет, в книге обязательно фото, как это книга без Президента?.. Два первых лица уже тут побывали: Одиссей – царь Итаки, Екатерина II проездом на юг вот и третий возможен – наш Президент...

Воевода исчезает в двери.

АВТОР (*размышляя*). Надо выяснить механизм, как попадают в списки. Я же у вас тут земляк...

Проходит в здание, на первом этаже – сельхозуправление, специалисты.

АНИСИМОВ (*главный агроном*). Вы ко мне, Альберт Данилыч?

АВТОР. Фантазии разыгрались, Президент будет или нет? Фотоснимки в книгу нужны, подарок родному городу.

АНИСИМОВ (*твердо*). Президент? Будет, не сомневайтесь! Да, 2 октября сего года. Актового зала на втором этаже уже не узнать. Будет «круглый стол», как это бывает у Президента. Работа кипит, помещению уже придана овальная форма, столы возят из области.

АВТОР (*улыбнувшись довольно*). Ну тогда я пошел. Вишь, как! Идеи наши, стулья ваши?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Звучит Соколовская гитара. Ансамбль местных чиновников хором:

«Всюду деньги, деньги, деньги!
Всюду деньги, господа!
А без денег жизнь плохая.
Не годится никуда.

Соколовский хор из бара
Был когда-то знаменит.
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит».

Сцена пятая

Там же, у здания уездной Администрации. Только Автор теперь уже с сыном Данилой, приват-доцентом университета. Сегодня эта самая дата – 2 октября.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. С утра, как говорится, весь Аргунск на ушах: ждут Президента. У входа заняли позиции пока они вдвоем с сыном. Да напротив, у частных домов, расселись по лавочкам местные старушонки. Интересно, не так уж часто Президенты сюда навевываются.

АНИСИМОВ (*подходя к Автору*). А не подпустят близко. По списку пропустят только начальников да этот «Щиток»...

АВТОР. Кто это – «Щиток»?

АНИСИМОВ. Глава наш – Воевода Скрибко по городу ходит, библиотеку на новом месте на днях открывал... «Щиток» – это от прокуратуры, милиции, следователь... Ну, я пошел...

ДАНИЛА СУВОРИН (*сын Автора*). Оставайтесь, посмотрим.

АНИСИМОВ. Нельзя, сказали быть на работе.

АВТОР. И куда же вам надо?

АНИСИМОВ. Да в старый райком, там мы пока располагаемся.

После восьми утра в Аргунск прихлынули машины. Бронированные «Мерседесы» с мигалками, в основном «иномарки» - длинные и короткие, с различным номерами. Ну и, конечно, с личной охраной.

АНИСИМОВ (*торопясь уйти*). Губернаторы! Одних только хлебосеющих – 46 областей. Определяться будет аграрная стратегия страны на ближайшую и дальнюю перспективу.

ДАНИЛА СУВОРИН. Да вон уже, вон «Мерседес» подъехал!

АНИСИМОВ. Да нет, это не Президент. Это все она, министр сельского хозяйства – женщина, медик. Деньги, говорят, ловко умеет считать... Уж три раза была тут, готовила совещание. Главный же по всем хлебным делам – Зубков, бывший премьер...

АВТОР. Прошли в здание – на заседание. Так, Михайлов – курский Губернатор, Королев – липецкий... а вот то краснодарский Ткачев... Это кого мы знаем по телевизору... Президент, говорят, уже в поле, в Дубовике, серебряные «сигары» те – зернохранилища ему там показывают... Из Курска, говорят прилетел вертолетом. Две площадки вертолетные подготовили – в Дубовике и где-то за Костино...

АВТОР. А по Костинской дороге вертолетная площадка зачем? Фольклор, да?

АНИСИМОВ (*пожав плечами*). Не знаю.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут же как-то сразу прихлынули «газели», микроавтобусы, тяжелые, крытые, грузовые – всякие. Спецназ, милиция, автоинспекция. Тут же оцепили площадь, стали вытеснять любопытных.

АНИСИМОВ (*обеспокоясь*). Ну я пошел, а то не пройдешь. А там, в конторе, отмечать будут... Во какие - двухметровые все, охрана. Президентская и областная, соколовская.

Подходит мужчина в гражданском.

МУЖЧИНА (*представясь Автору с сыном*). Президентская охрана. Граждане, пройдите за оцепление.

АВТОР. Фотокнигу делаем об Аргунске. Понимаете? Президента необходимо сфотографировать... на обложку... Ну как же, это книга без Президента... так не бывает...

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ОХРАННИК. Ну, хорошо. Стойте тут, снимок можно сделать отсюда, ближе не подходите. Все же первое лицо государства.

АВТОР. Спасибо. Стоим, как вкопанные, и никуда больше.

Появляется областное начальство. В здание Администрации пропускают только Главу Соколовской Думы. Даже заместителей председателя Соколовского правительства, руководителей департаментов отделяют и оттесняют сюда, за оцепление.

АВТОР (*здороваясь со знакомыми*). А-а, Вячеслав Михайлович! Владимир Ильич!.. Не хватает Иосифа Вассарионовича...

К Сувориным приближается человек в гражданском, тоже двухметроворостый, становится перед ними.

ЧЕЛОВЕК В ГРАЖДАНСКОМ. Соколовская охрана... Вы чего тут стоите? Вот туда давайте, за оцепление.

АВТОР. Так президентская охрана где поставила, там и стоим.

ЧЕЛОВЕК В ГРАЖДАНСКОМ. Я - начальник Соколовской охраны. Туда, туда давайте, за оцепление!

АВТОР. Видите – дом, музей, а за ним – старая школа. В сорок третьем, как вот вас, видел тут во дворе Рокоссовского. И что же в 2009-м на Президента глянуть нельзя? Вы, небось, майор или подполковник? А Ререкина, помните, начальника вашего управления?

СОКОЛОВСКИЙ НАЧАЛЬНИК ОХРАНЫ. Не помню, не знаю.

ДАНИЛА СУВОРИН. Генералом был у вас, и не так давно. В Союз писателей девять полковников приводил для знакомства – начальников подразделений.

СОКОЛОВСКИЙ ОХРАННИК (*помягче*). Президент же, понимаете? Первое лицо, особо охраняемый объект... Вон телевидение, видите? Все покажут, только смотрите.

По площади прошелестело:

- Президент...

Выдыхнуло:

- Президент...

Подскакивают машины. Среди них – длинный белый президентский лимузин. Пауза. Двухметроворостые встают плотно до самой двери. Пауза. Наконец, дверь открывается, Автор берет свой электронный аппарат наизготовку. Соколовский майор подталкивает руку Автору вверх, в этот миг Президент быстро-быстро преодолевает расстояние от двери машины до двери здания...

ГОЛОС СВЫШЕ (*Автору*). В этот миг в Курске, откуда вертолетом сюда, в Аргунск, прилетел Президент, умер твой друг детства Володя! Да не то, что друг, а больше, может, чем даже брат. В его семье тут – умной, интеллигентной, с четырех лет ты заваривался как будущий Автор, начинал стихи писать, становился писателем...

АВТОР (*майору в гражданском про себя*). Тоже был, местный. Закончил юрфак МГУ, оказался в милиции. Можно было гордиться такой милицией... Господи! Столько войск было тут только в войну. (*Вслух майору*). Ну, спа-

сибо вам». - «Пожалуйста, – отвечает майор. – Да у вас и своей милиции хватает – целый взвод, шестьдесят человек».

В соседнем доме из открытой форточки вырывается:

«Всюду деньги, деньги, деньги.
Всюду деньги, господа!
А без денег, тем не менее,
Жизнь така-, така-, такая,
Не годится никуда».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

И Автор с сыном по своей улице двинули в центр Аргунска, к Вечному огню в Парке Героев, где на крайней справа плите - третьей снизу – вечно значится имя капитана Евдокимова С.П. «Ну уж тут-то, - думает Автор, - все получится».

И тут этот майор в гражданском. Спецназ. ОМОН. Всех оттеснили во-он куда, к магазинам.

Появляется Президент со свитой, следует к Вечному огню. В каком-то порыве Автор бросается через решетку, к бюстам Героев опять-таки с аппаратом своим наизготовку. Майор из Соколовской охраны шепчет что-то парню с физиономией уголовника, тот надвигается на Автора угрожающе.

А народ стоит наблюдает за всем и безмолвствует. Откуда-то из большого дома напротив раздается металлический голос громкоговорителя:

«Да, именно здесь, где лежат герои, в сорок третьем состоялся самый Первый Салют».

Именно тут, в Малом городе, появилось само словосочетание «Музей боевой славы».

Город наш, хоть и малый, но, как и Козельск когда-то, город-герой»...

–« Да знаю, знаю», - шевелит губами про себя Президент, а вслух, для всех. – Городок-то чистенький, в цветах весь, европейского типа... Да больно уж мал.

Громкоговоритель:

«Малых подвигов не бывает».
И песня в громкоговоритель на весь городок:
«Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...»

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Там же, те же.

АВТОР (*сыну, решительно*). Пошли!

ДАНИЛА СУВОРИН. И куда?

АВТОР. Видал? Вчера к вечеру ехал с вокзала, так у Вавилоновки шатер какой-то стоял, прямо с краю поля. И дорожка к нему... И свеклоуборочных комбайнов штук семь – новенькие... тоже, небось, голландские. И КАМАЗы.

ДАНИЛА СУВОРИН. И что?

АВТОР. Нет худа без добра. Сделаем снимок там, прямо на производстве.

Белый президентский лимузин подкатывает к краю свекольного поля. И тут тоже уже оцепление.

АВТОР (*стоя в отдалении*). Позволим себе порассуждать. Изобразим, так сказать, внутренний мир человека, это-то хоть у нас возможно?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Возможно.

Сцена вторая

Свекольное поле. Шатер. Новенькие комбайны, КАМАЗы и, как всегда, начальники – пожилые, старые люди. Столб, обозначающий имя пригородной деревни.

ПРЕЗИДЕНТ (*охватывая живо все это через стекло*). «Вавилоновка»! Надо же, какие историки-фантазеры! (*Советнику – телохранителю*). И тут этот «фактор» со своим аппаратом. И опять перед ним гренадер этот - с усиками, в гражданском.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Так в целях вашей же безопасности.

ПРЕЗИДЕНТ. Там не дали, чтобы снимок сделал, тут не даете, отдаляете меня от народа.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Так сформулировано кредо вам: рабочая поездка... по вопросу продовольственной политики страны.

А навстречу уже плывет, как уточка, женщина, хлеб-соль на рушнике в петухах.

ЖЕНЩИНА (*низко кланяясь*). По русскому обычаю... По русскому обычаю.

Гитара. Трое мужчин (*из-за кустов сбоку, запевая учтиво, галантно*).

«Всюду деньги, деньги, деньги.

Всюду деньги, господа!

А без денег, тем не менее,

Жизнь така-, така-, такая,

Не годится никуда».

ПРЕЗИДЕНТ (*подбежавшему Воеводе уезда*). Кто это, что за самодея-
тельность?

СКРИБКО. Да так, наши кадры.

*Президент поворачивается, вопросительно смотрит на человека, ко-
торому вменено в обязанность вводить его в курс тут, на свекольном поле.*

АНИСИМОВ. Три тенора, это «Щиток» - по-народному.

ПРЕЗИДЕНТ. Интересно, и кто же они, эти профи?

АНИСИМОВ. От прокуратуры, от райотдела милиции и следователь.

ПРЕЗИДЕНТ (*улыбаясь*). «Щиток», значит? Щит и меч? (*Оборачиваясь
к Воеводе уезда*) И куда же вы ходите с ними – к инвесторам?

*Президент поворачивается лицом ко всем трем из «Щитка», откро-
венно им улыбаясь.*

ТРИ ТЕНОРА (*во все горло, как бы поощренные*).

«Всюду деньги, деньги, деньги!

Всюду деньги, господа».

ПРЕЗИДЕНТ (*серьезно, Воеводе уезда*). Я финансовые вопросы не ре-
шаю, на это у нас Правительство.

АНИСИМОВ. К недовольным Воевода ходит. Накануне был с ними в
библиотеке.

ПРЕЗИДЕНТ. В библиотеке? Это хорошо.

АНИСИМОВ. На новое место библиотеку-то переселили – в бывшую
поликлинику. И сюда же перевели, естественно, мэрию.

ПРЕЗИДЕНТ. А поликлинику куда, естественно?

АНИСИМОВ. В райбольницу.

ПРЕЗИДЕНТ. Ну правильно.

АНИСИМОВ. Так больница-то где – у чертей на куличках.

ПРЕЗИДЕНТ. Это как это? (*К советнику*). Это по-русски?

СОВЕТНИК (*он же телохранитель*). Это так по-местному, вероятно.

АНИСИМОВ. Да, да, черте где находится.

ПРЕЗИДЕНТ. И что со зданием, где была мэрия?

АНИСИМОВ. Раскатали по бревнышкам. И по камешкам, по кирпичикам...

ПРЕЗИДЕНТ (*вспыхнув*). По камешкам! Где мэр... как его...

СКРИБКО (*выдвигая вперед Вревскую*). Вот, Надежда Витальевна, ее прежний Губернатор лобзал.

МЭР ВРЕВСКАЯ. Лобзал! Это они так говорят, выражаются все тут – от главы до специалиста, ученого агронома.

АНИСИМОВ. И, естественно, думают также, Надежда Витальевна.

ВРЕВСКАЯ. Да, дом тот, естественно, продали, а деньги пошли, естественно, городу, на асфальт! Бюджет-то какой – мизерный, а дел много.

ВОЕВОДА СКРИБКО. Да она у нас мэр ходовая, хорошая. Призовое место в России, а первое – Видное, район такой в Подмосковье.

АНИСИМОВ. Да она у нас мэрила, мэрила – видит на первое место денег-то не хватает...

ТРИ ТЕНОРА (*как по команде, подхватывают*).

«Всюду деньги, деньги, деньги.

Всюду деньги, господа!

А без денег, тем не менее,

Жизнь така-, така-, такая,

Не годится никуда».

АНИСИМОВ. Правильно! А откуда тут деньги? Производства никакого, последнее позакрывали, например, «Сельхознику». Теперь так работают: хозяева – из Москвы, техника – из-за границы, а отряд, люди – из области... Р-раз, и в пять дней урожай смели, а тут хоть не рассветай.

ПРЕЗИДЕНТ. Как это «хоть не рассветай?»

АНИСИМОВ. Ну без работы народ, хоть помирай.

ПРЕЗИДЕНТ. Фольклор! Умельцы народные... Ну ладно, ведите по своим песням, показывайте мне, рассказывайте про свекольные, сахарные дела. Надеюсь тут, в пределах своей компетенции, выразаться будете профессионально.

АНИСИМОВ. Мы это понимаем, мы – ученые агрономы. Откровенно сказать, мы все тут ученые. У нас как уехал в область так.. ничего себе... а как приехал из области, так уже... все себе... Когда сеять, когда жать, как на землю поднажать... Хорошо, хорошо, пройдемся по ковровой дорожке, если не возражаете.

ПРЕЗИДЕНТ. Вот столб, написано: «Вавилоновка», да, «Вавилоновка». Человек с фотоаппаратом у столба стоял, кто такой?

ВОЕВОДА СКРИБКО (*мнется, переминается*). Человек?.. С фотоаппаратом?

АНИСИМОВ. Да наш, местный, но из области. Видовую книгу делает «Русское поле». «Малый город – герой»... Не совсем адекватный. На той неделе семьдесят километров за одним снимком по размокшим полям протопал.

ПРЕЗИДЕНТ. Энтузиаст? Ну так пусть подойдет, сделает снимок-то, энтузиаст если.

ГОЛОСА ОХРАНЫ. Так он уже уехал.

ПРЕЗИДЕНТ (*разочарован - в сторону, про себя*). Не выдержал. Ну что ж. Конечно, тут у меня рабочая поездка... Губернатор где?..

ГОЛОСА. Сейчас, идет уже.

ПРЕЗИДЕНТ (*в сторону*). Говорят, именно Писатель, фотограф этот Губернатору подарил книгу свою «Любящая Мария». Была, говорят, в Пекине, на выставке, когда я, будучи еще вице-премьеров, побывал там года полтора тому... с официальным визитом...

Подходят двое – сразу два губернатора – хозяин, Глава Соколовской провинции Козинцев Пал Палыч и друг его, глава Вороновской провинции Гроздин Сергей Сергееч.

ПРЕЗИДЕНТ (*Козинцеву*). Пал Палыч, этот, что ли, фотограф рассказывал вам про деревню Волково? Про уникальное место – родник Девятая Пятница?

ВОЕВОДА УЕЗДА Такой человек, лезет ко всем, мешает работать.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Этот, Вадим Вадимыч, он самый. Теперь вот за фото взялся. Говорят, песню про родник сочинил, сам же ее и поет.

ПРЕЗИДЕНТ. Н-да? Ну пошли, покажете, какой вырос тут у вас урожай?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Да министр наша трижды уже тут была. Проверяла наш сахарок.

ПРЕЗИДЕНТ (*улыбаясь*). Естественно, она же по образованию медик.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*смекая*). Ну да, естественно, медик ведь.

Сцена третья

Тем же, там же. На свекольном поле.

ПРЕЗИДЕНТ (*вслух, губернаторам*). Ну что ж, впечатления впечатляют (*В сторону*). Пожить бы тут хоть чуть, так сказать, для себя.

Подзывает Воеводу уезда Скрибко.

ПРЕЗИДЕНТ. Петр Масимыч, для чего вы, говорят, построили тут у себя вторую вертолетную площадку?

СКРЕБКО (*с готовностью*). Вторую? Ну да, по дороге на Костино. А дальше – на Волково, на родник Девятая Пятница.

ПРЕЗИДЕНТ (*подъезжая Губернатора Козинцева*). Ты, говорят, туда любишь ездить.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Это прежний Губернатор туда любил ездить, а я по стопам.

ПРЕЗИДЕНТ (*своей многочисленной свите*). Отпускаю всех, разъезжайтесь по своим регионам, а я на вторую вертолетную площадку съезжу, гляну - чего они там. И опять же на Курск, а оттуда уже и в Москву... Пал Палыч, садитесь ко мне, в президентскую...

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*Воеводе уезда*). Скрибко! Езжай впереди.

ПРЕЗИДЕНТ (*Воеводе*). Ну что, хозяин, веди!

СКРИБКО (*объясняя*). Возвращаемся в Малый город, выезжаем снова в поля, едем на Волково, на Костино, по Аппиевой дороге.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Говорят, восемь дорог вокруг. Малый город, и на семи холмах. Как в Древнем Риме.

ПРЕЗИДЕНТ (*отвечая себе, своим мыслям*). Впечатляет. Но больно уж мал городок-то.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Однако с великой, трудной судьбой. Говорят, третий по значению в Великой Отечественной, главное стратегическое направление, Центральный фронт Рокоссовского... В третьей по значению битве на Орловско-Курской дуге, после Москвы, Сталинграда...

ПРЕЗИДЕНТ (*улыбаясь*). Не много ли берут на себя они, эти малые? Городок и развернуться-то негде.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Вон поля, вон курганы, война и мир... И развернулись ведь. Говорят.

АВТОР (*рассмеявшись*). Тут, на лоне, люди иными становятся. Что заложено, то и прорывается. Ну спой, спой, светик, (*Катюше*) «Мою деревеньку».

ДАНИЛА СУВОРИН. Моя деревенька-то, моя! Я – ее сочинил!

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. Какая разница! Главное – чтобы песня получилась. А то недавно по телевизору запись показывали. В Питере произошло. Деятели всякие собрались песню послушать, вынести свой вердикт. «Это божье дело, - говорит Соловьев-Седой, композитор. – И у меня, как у всех: есть песни

замечательные, есть хорошие, а есть «никудышние». Сам вам хочу показать одну, написана с Матусовским...» И давай показывать. выходить из себя... Поаплодировали, похвалили – и Крючков, и Меркурьев, и Жаров, все они. А мы что-то ту песню не знаем, не слышали, как это понимать?

КАТЮША СТОЛЕТОВА (*прижимаясь к Даниле*). Ну спой, спой, Данилушка! Спой, светик, не стыдись, ты же тенор?

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. Теноры мы, теноры, лирические тенора. Эта песня его легкая... без тесситуры, без колоратуры...

КАТЮША (*весело*). Во, дядечки! Все-то вы знаете, разбираетесь и в вокале, конечно, как в колбасных обрезках.

ДАНИЛА СУВОРИН. Ладно, пою. «Моя деревенька».

Слова и музыка, заметьте, Данилы Суворина, а не Альберта Суворина. Между прочим, песня уже на ноты положена.

«Шагну за дверь и упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушел.
А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову –ау, ау, ау!

За рощей и родная деревенька.
Дворы мои, затерянная Русь.
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки – жизнь на них крутая.
Иду, иду – «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегает блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной - все пращуры, все лики,
Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живется?»
И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвется».

Данила заканчивает песню. Катюша, взяв его обеими руками за голову, притягивает к себе, глубоко, взасос целует прямо в губы.

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. Ничего себе, по-родственному.

КАТЮША (*рассмеявшись*). По-московски, в Москве так целуются.

ДАНИЛА. А в Англии так и вовсе женятся... на двоюродных...

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ. Капиталы не хотят из круга своего выпускать. А тебе-то что?

КАТЮША (*весело*). А я тоже не бесприданница.

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ (*со значением*). Ну-ну! Едем на Девятую. Там, мне кажется, нужный снимок и сделаем. Туда, в Волково, майор тот, как мне кажется, не доберется.

В президентском лимузине включают радио. Голос поет проникновенно.

«Поле, Русское поле!

Пусть я давно человек городской,

Запах полыни, вешние ливни

Вдруг обожгут меня прежней тоской».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Кстати как, песня какая! Таких песен сегодня не пишут.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Не пишут, конечно. Пишут другие, но тоже бывают неплохие, даже хорошие. Вот (*доставая кассету и вставляя ее в магнитофон*). Тоже «Русское поле».

«Мой край, мои люди, родная сторона,

Одна ты, одна у меня, у меня.

Иду я на песню, на звон жаворонка,

Шагаю по травке в сияние дня.

А поле, а поле, о Русское поле!

Степи до моря, седые хлеба!

Ты – моя нежность, ты – моя доля,

Путь и дорога, жизнь и судьба.

Как мало нас тут – под грозой, в урагане,

Свой ход, свою поступь сменю на коня.

Поймаю я ветер – следы на кургане.

Спасают Россию, спасут и меня».

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*переклочая*). Ну ладно, потом закончим.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Нет, почему же, хорошая песня, чья?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Местная, того самого – Автора.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Что с фотоаппаратом? Он что – еще и песни у вас сочиняет?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Сам же их и поет.

Проматывает аудиокассету.

«Я стою под взглядами горящими,
Говорю – молчаньями щемящими.
В наш тонкий мир, в наш рай и ад
Брызги шампанского летят,
Как этот снег, касаясь нас,
Надеюсь, не в последний раз...
Кленовый лист, кленовый лист
Упал на плечи мне...»

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А что – тоже вроде неплохо.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Это мне на плечи упал «кленовый лист» - Соколовская провинция. Сравнивает ее с «кленовым листом»...

ПРЕЗИДЕНТ (*улыбаясь поощрительно*). «Сигары» эти у поля, рассчитаны для хранения. А я уже распорядился: послезавтра вагоны поступят на железнодорожную станцию – первые сорок... Традиционно рассчитаны для Оренбуржья, Краснодарского края, а там, как вы знаете, засуха, недобор урожая... А государству давай – народ свой корми, выполняй международные обязательства... А у вас тут зерно...

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Бог дал, Бог взял.

Проматывает аудиокассету далее. Вызывает знакомое.

«Соколовский хор из бара
Был когда-то знаменит,
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит.
Всюду деньги, деньги, деньги!
Всюду деньги, господа!...»

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*покачивая головой*). Это что-то цыганское.

«Волга» впереди останавливается. Подходит Воевода уезда Скрибко.

ПРЕЗИДЕНТ (*обращаясь к Воеводе*). Петр Максимыч, «Щиток» этот – специально, что ли, готовил?

ВОЕВОДА СКРИБКО (*уловив в голосе мягкие интонации*). Ну да, приехал тут из области один специалист. К званию народного, говорит, ансамбль представлять буду.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*советнику позади себя*). «Мерседес» бронированный выделить вот ему – главе уезда... Да, а насчет вагонов я уже распорядился... А чего стоим?

ВОЕВОДА СКРИБКО Да специалиста ждем, сейчас подскочит прораб Смоленцев.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Почему прораб?

ВОЕВОДА СКРИБКО. Он все скажет.

Подходит ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК, *представляется*:

- Прораб Смоленцев.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Это что тут – КСП «Прогресс»? Названия подходящие: то «Вавилоновка», то «Прогресс».

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ (*махнув рукой*). А-а, рожки да ножки остались от этого КСП. В основном перевели в город, в «Сельхозтехнику».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*прорабу*). А это что - ваш дом? Какой - деревянный, резной! Сами делали?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Мы с молодости этому делу обучены – красоте... Смоленские мы, хотя давно тут живу...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А это что у вас тут – тупик? Ваш последний дом, по улице ни пройти, ни проехать. Сами строили?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. А то кто ж. Но по заказу – вот его предшественника (*на Скрибко*) и директора КСП. На улице тут тупик – оттуда въезд. А рядом, где директор живет – тут въезд, там тупик, насквозь не проедешь. А все вместе «Прогресс», называется...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*улыбаясь*). Дорога куда?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Эта, что прямая? Да на Поныри. Тут всегда ездили скрозь на Курск – Екатерина Вторая, Пушкин, а теперь тупик... Даже немцы в сорок третьем к нам сюда не прошли. Все четыреста танков прорыва остановили на подступах. Саперы, геройски погибли. А связисты, естественно, помогали. Так теперь там памятник военным связистам...

Раздаются звуки духового оркестра.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. И этот коллектив тоже народный? (*повернувшись к Скрибко*). Играют профессионально.

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Конечно, военный оркестр. Соколовской академии связи. Побывали под Поньярями, сюда приехали.

Все вслушиваются в мелодию.

ГОЛОС *в громкоговоритель*:

Оркестр Соколовской академии.

«Марш военных связистов».

Президент с Губернатором выходят из белого лимузина, к ним присоединяется Губернатор соседней Вороновской провинции Гроздин Сергей Сергеевич. Так и стоят втроем, слушают музыку сфер.

Марш военных связистов

«Мы – дух времен, мы – связь, мы – нервы слова!

Шаг офицерский, с полушага – взлет.

Невидимый как Бог – побед основа,

А мы – куда нас Родина пошлет.

Присяга. На плацу все академия!

Штабной народ, элитные войска!

«Один к пяти», наш клан, военный гений –

Багратиона крепкая рука!

ПРИПЕВ. Литавры, бейтесь с тучею!

Так грянем про могучую,

Про Русь в огне кипучую!

В горячую железную пургу!

Ты – славная, победная,

Как проволочка медная,

От сердца к сердцу – длинная,

Святая Русь срединная, -

На всю Орловско-Курскую дугу!

Мы – косточка военная, мы – эхо!

Бойцы эфира, мирное лицо!

Соратники армейского успеха.

Наследники богатырей – отцов.

Мы – тут в Орле,
А там, за Понырями,
Наш Малый город держится, стоит.
«Морзяночка» из той великой драмы,
Из тех окопов все еще кровит.

СТИХИ. Да будет связь! Вперед, вперед, Россия!
Да будем мы, военные связисты!
Тяни носок! Шагай, связист, красиво!
Равнение на Россию, обелиски!

ПРИПЕВ: Литавры, бейтесь с тучею!
Так грянем про могучую,
Про Русь в огне кипучую!
В горячую железную пургу!
Ты – славная, победная,
Как проволочка медная,
От сердца к сердцу – длинная,
Святая Русь срединная, -
Нетленная, единая
На всю Орловско-Курскую дугу!

Левая, левая, левая!
Левая, левая, левая!

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. И кто Автор – опять этот... «с лейкой и блокнотом?...»

ГУБЕРНАТОР ВОРОНОВСКОЙ ПРОВИНЦИИ ГРОЗДИН (улыбаясь Соколовскому Губернатору КОЗИНЦЕВУ). Ну и кадры у тебя! Надо переманить.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*довольный*). Не переманишь.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*прорабу Смоленцеву*). А вот эта, другая дорога куда?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Живем, как в сказке. У былинного камня. Туда пойдешь – на смерть, значит, жизнь положишь, сколько тут положили... Малый наш город, на подступах сотни тысяч лежат, больше населения областного города...

А вот сюда пойдешь – на жизнь значит, там Костино – «потемкинская деревня». А далее с этой стороны – Луковец, Волково, родник Девятая Пятница.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Чудо природы. Ключ на горе, Волково? Интересно. Где-то я уже слышал про это?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Да я же вам рассказывал, убеждал приехать. Ну хотя бы из Курска после иконы Божией Матери, что привозили из Америки... Видели там коренского архимандрита? Тоже наш, отсюда, из «Прогресса».

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Мой сосед, его мать с отцом тут живут. Доярка и механизатор. Между прочим, отец и сын – оба на баяне жарят классно, музыканты.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. И песни сочиняют?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Бог не сподобил, но сын поет и по нотам. С хора в Коренной начал, дошел до настоятеля.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Ну, а «потемкинская деревня» для чего?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Сам же строил этот «олимпийский объект». Знаю, что говорю. Екатерина Вторая – хозяйка империи проезжала тут, подарила монастырскому селу статус уездного города. И губернии, между прочим (*глядя кокетливо на Губернаторов*), тоже обломилось, хозяйка создала условия, отделила уезды от Киева...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Все ты знаешь, прораб. Вольный ветер.

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ (*скромно*). Мы больше по дереву работаем, резьбой красоту наводим.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН. Ну и что там – «потемкинская»-то твоя? Как она хоть называется – «олимпийский объект»?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Да Костино, Костино.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*иронично*). По кости, значит, режут?

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*иронично*). Тупики?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ (*реагируя на Президента*). Так проезд у меня сквозной (*Губернатору Гроздину*). Хотя и по костям.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Как это – по «костям»?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Смертельное дело... Такое отгрохать! Загода, вон откуда бреденек заводили. Прежний Губернатор любил пыль пустить: с прежним-то Воеводой пол-Европы, мол, могу прокормить одной только областью. А это, говорит, «идеологическое оружие»...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*насторожась*). А что – плохо там?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Да замечательно! Поселок, школа, все чин-чинарем. Одним словом, «потемкинская деревня».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*улыбаясь*). Ну так что мы стоим-то, по коням!

Сцена четвертая

Новая улица в Костино – «потемкинская деревня». Перед въездом у магазина коротеж встречает плотный, интеллигентного вида мужчина. Представляется:

СТАВЦЕВ ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ - заместитель Председателя Соколовского Правительства, доктор наук, глава Аграрного блока.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*мимолетно*). Что – тоже родом из Питера? Терпи, терпи – Питер, Питер.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*кладя руку на плечо Ставцеву*). Ермак! Наш человек из Сибири. Человек от науки, нана-технология в Аграрном секторе.

ВОРОНОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*подходя поближе*) Милейший, это ваша концепция: Бог дал, Бог взял?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*улыбаясь*). У нас со всеми одно: что Бог дает, все к лучшему.

Мимо проезжают автобусы. В открытые окна кричат, машут руками. Дети и взрослые, женщины и мужчины. Знакомая мелодия, голоса: «Соколовский хор из бара, был когда-то знаменит...»

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*прорабу*). Кто это?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. А-а, «народ».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Как «народ»?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Да так, ряженные! Тут обычно после высоких гостей на пленку берут, после показывают по телевизору...

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН. А школьники?

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. Нана-технология, дети тоже. Своя школа вон какая – видная, с колоннами! А не комплект, детей не хватает.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН. Ну да, такая демография.

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ. География! Как операцию надо кому, так то в Курск, то в Москву.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А в Соколов?

Кто-то из окружения: «Хорошая реплика».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*метнув взгляд*). Это у вас реплики, а у меня слово – олово, сразу в гранит!

В отдалении: «Всюду деньги, деньги, деньги,

Всюду деньги, господа!

А без денег жизнь какая?...

Ну какая, какая?

А не годится никуда».

Женщины с хлебом-солью плывут уж, как уточки, сюда к Президенту.

ГОЛОСА. Где кино? Где телевидение? Автора, Автора не затирайте.

ЕРМАК СТАВЦЕВ. Тут все свои, все проверено, четко.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А Автор где? Опять не вижу Автора.

ВОЕВОДА СКРИБКО. С Автором после, когда пленку проверим.

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ (*подыгрывая ему*). С авторами этими просто беда.

Возьмут и такое тебе начирикают. Один скажет, десять после не разгребут.

- Прораб нового мира, - улыбается ЕРМАК ТИМОФЕИЧ.

Президент берет в руки хлеб, сыплет солью, надкусывает и ест насущный под ветерок с полей с преобладающим удовольствием.

Сцена пятая

Там же, те же. Окружение из чиновников.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*окружению*). А оркестр будет?

ОКРУЖЕНИЕ. Будет, будет.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А эти... три тенора... с Соколовской гитарой?

ОКРУЖЕНИЕ. «Щиток»-то? Те же уже выступили и проехали далее по маршруту.

ПРЕЗИДЕНТ. По какому маршруту?

ОКРУЖЕНИЕ. Подались на Луковец, в Подкопаево, Волково.

ПРЕЗИДЕНТ. На Девятую Пятницу?

ОКРУЖЕНИЕ. На Девятую.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. Что ж вы, Соколовской гитары нет, так хоть сами, что ли, пойте.

ОКРУЖЕНИЕ ИЗ ЧИНОВНИКОВ. Мы этому не обучены, в консерваториях не обучались.

ПРЕЗИДЕНТ (*иронично, но с насжимом*). Вы – госслужащие! Надо все уметь, господа! Вон Автор – писатель ведь, но какой многостаночный: и публицист, говорят, и историк, и просветитель.

ГОЛОСОК ИЗ НАРОДА (*угодливо*). Еще и песни поет, сам сочиняет.

ОКРУЖЕНИЕ ИЗ ЧИНОВНИКОВ. Мы тоже, может быть, сочиняем. Только в цифрах.

ГОЛОСОК ИЗ НАРОДА (*ехидно*). На евро все переводят, в швейцарские банки.

Запевают. ГОЛОС *откуда-то сбоку*:

- Стою на полустаночке,

Держу лимоны в баночке,

А мимо пролетают поезда...

А мимо пролетают, мимо, мимо пролетают....

В группе школьников пересмеиваются: «Зае... зае... поезда, поезда... электрички...»

Сцена шестая

Автор с сыном Данилой в это время где-то за «потемкинской деревней» - в чистом поле, у одинокой березы. С ними Катюша Столетова - руководитель Вороновского экономического блока.

ДАНИЛА СУВОРИН (*чувствуя прилив сил, Катюше на ушко*). Хочешь спую для тебя? А то все отец да отец. Автор! Прикрылся таким псевдонимом.

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ (*иронично*). Ну спой, спой, птенчик. Пока нет Президента. Спой, развея свое одиночество, спой спой одинокой березе.

КАТЮША СТОЛЕТОВА. Одинокой рябина бывает.

ДАНИЛА СУВОРИН. Не формальное общение. Тебе все четкость, все цифирь тебе, да?

КАТЮША СТОЛЕТОВА. Да, да, да!

АКТ ТРЕТИЙ

У «святого колодца» (по-современному – у родника) Девятая Пятница. Все те же Суворины и Катюша Столетова.

Сцена первая

АЛЬБЕРТ ДАНИЛЫЧ СУВОРИН (*он же Автор, вздохнув глубоко*). С мая-месяца, все лето хожу с этой «мельницей» (*показывая на фотоаппарат*)...

ДАНИЛА. У тебя уже электронный.

АВТОР. Да, электронный! И фото сделаны, и текст песни к видовой книге, целый фотороман! О войне и мире Русского хлеба. Так и называется «Русское поле. Седые хлеба». А покоя все нет.

ДАНИЛА. Отец, добавь-ка еще «Священная земля». Это о ее мистике. Исторически так: еще от пращуров наших, скифов-сколотов.

АВТОР. Да, это скифы-сколоты, хлеб тут выращивали, отправляли в Элладу через Тьмутаракань. Теперь это Тамань (бывший греческий город-полис). Значит, Тамани двадцать шесть веков, дату отмечали недавно, а Аргуну, который туда им, в Элладу, Итаку, хлеб отправлял, выходит, всего 230? Как-то не вяжется.

АВТОР. От Екатерины Второй отсчет, уездный город с нее.

ДАНИЛА (*вздыхнув*). Как было в нем еще до войны, четыре тысячи триста, так и сейчас.

АВТОР. Города сосут, войны съедают, и все на месте. Вернее, ни с места.

ДАНИЛА. Видал, какой хлеб вырастили?

АВТОР. В Понырях был, в одном КСП, так что? С Канадой связь они установили, те технику им поставляли: всякие там сеялки, веялки, которых раньше было тут хоть пруд пруди. Так канадцы им и говорят: мы, дескать, хлеб продавали вам, кормили ваш Союз; как кнутом, землю свою стебали, сверх всего всякой химией. Вот землю-то мертвой и сделали, стала она аж белой, вся скипелась. Теперь мы за ум взялись, навозцем стали ее восстанавливать. А вы, дураки, коров порезали, фермы побросали – вон хоть за Костино, близко тут, Упалое, Гнилая Плота – от фермы одни ребра торчат...

ДАНИЛА. Не надо было села так называть. Там икнулось, тут отпрыгнулось.

АВТОР. Президенту такую мысль донести надо – все ж первое лицо, хозяин страны.

КАТЮША СТОЛЕТОВА. Небось, экономисты ему уже подсчитали, в какую копеечку коровушки эти государству влетают.

ДАНИЛА. Что-то нет кортежа! Задерживается. Может, он фьютъ – и на вертолет, да обратно в Курск, к Губернатору Михайлову?

АВТОР (*рассудительно*). Должен, однако, сюда приехать. Видите: красота, высота какая. Родине, Родине надо тут присягать...

Сцена вторая

Там же, те же.

АВТОР. Какой вид, чудо как хорошо! Слышите, как начинают свистеть ветры, открывается музыка сфер, слова приобретают неожиданный смысл. Излучина Сосны-реки, уходящая туда на Восток, к восходящему Солнцу (*Даниле и Катюше*). Глядите, желтый фон – это ромашки. Желтые ромашки. Вернее, одна большая – Желтая Ромашка. А рядом – белая, тоже большая – Белая Ромашка. Видите, как они ожили, задвигались, повели хороводы. Это люди все в белых и желтых ромашках, это они ведут тут свои хороводы (*Даниле и Катюше*). Значит, Президент появится, там вон машина проехала. И это все чудо, что он тут, в этих местах, разве не так? И я могу, наконец, сделать свой снимок. Это что именно Волков был тут у нас, что тут он с нами.

ДАНИЛА И КАТЮША. Да, это чудо. Что тут Президент, и тебе можно сделать свой снимок.

АВТОР (*подходя к Президенту Волкову со своим электронным подарком того человека из собора Михаила-Архангела, оказавшегося Губернатором*). Хотите я покажу свою песню про Русское поле, взятую из этих романтических сфер? «Русское поле»...

СОКОЛОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР. А – а, «Поймаю я ветер»? Я уже где-то слышал.

АВТОР. А мы пойдем дальше.

«О Боги мои, о великое Солнце!

Хватаюсь за гриву, коня в шенкеля!

Под молнией в тучах, пью волю до донца.

Возьми меня, поле, ржаная земля!»

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Откуда ты знаешь, Автор, что слышали, что слушали именно эту, твою?

АВТОР (*отвечая*). Не видите разве? Что все, что здесь происходит, - от песни. Чудо все это тут: высокий берег, особое состояние воздуха. Видите, ключ-родник на какой высоте?

«И снова иду я, шагаю на Солнце.

Широкий окрест огляжу, постою.

Как перевернуто небо в оконце,

За ливнем упало в мою колею.

А поле, а поле, о Русское поле.
Степи до моря, седые хлеба!
Ты – моя нежность, ты – моя доля,
Пусть и дорога, жизнь и судьба.
Путь и дорога, жизнь и судьба».

АВТОР (*уже прозой, в реальности именно Волкову, именно Президенту*). И разве не чудо, что вы тут, а не кто-то другой? И деревня вон та – ближайшая, отсюда видать, это Волково, и я там когда-то учил крестьянских детей, был даже классным руководителем.

А в эту сторону от горы – Девятая Пятница. Сосна-река уходит ковыльной степью к Азову, до самого синего моря.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*улыбаясь иронично*).

Эх, ходила, дивчина бережком,
Эх, ходила дивчина бережком...
Слушай, друг, спиши песню.

АВТОР. А по другую сторону холма – Запад и тоже Сосна-река, речушка Дайминка – городище, ему две-три тыщи лет, и я водил туда, к городищу свой класс – восьмой... Здесь и бывал Одиссей, царь Итаки, и тоже по хлебным делам... Родина, Родине надо тут присягать...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*продолжая улыбаться*). Послушай, друг, послушай...

ДАНИЛА СУВОРИН. Дайте я скажу стихами. Вот отрывок из романа в стихах «Арсений Чигринев».

КАТЮША СТОЛЕТОВА (*вступая в разговор*). Альберт Данилыч подарил мне этот роман, и я запомнила слова, они в меня как врубались. Вот!

Читает восхищено.

««Неупиваемая чаша», -
Так называется родник,
Где наш исток, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Данила Суворин присоединяется к Катюше, и они продолжают стихи уже пением где-то в сферах Земли и Неба.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.

Когда наклонишься к ней чуть,
Чтобы испить тут и свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь в ней вся отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Каков нам от Богов привет!

ДАНИЛА. Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*смеясь, теперь уже откровенно, радостно*).
Слушай, друг, спиши песню!

СЛУШАЙТЕ! (*оборачиваясь ко всем тут*). Действительно, какое-то место - чудо! Красота, высота! Ключ на горе! Тут же можно большие действия разыгрывать, хору Пятницкого хороводы водить.

АВТОР. Оперы ставить, как «Аиду» у египетских пирамид. Родине, Родине присягать...

ДАНИЛА, СЫН ЕГО. Вот за что погибли тогда, в сорок третьем, отцы там, на подступах к Малому городу, врага не пропуская сюда.

АВТОР. Под Сабурово в одной атаке на каких-нибудь десяти гектарах легли сразу десять тысяч, в основном хлеборобы. Поле Куликово, Бородино, Прохоровка и это вот – Сабуровское, четвертое поле страны...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Знаю, знаю, теперь это знаю.

АВТОР. Вон ромашки склонились пониже и повели отсюда туда, на Гремяк, хороводы – Белые Ромашки, Желтые Ромашки...

Сцена третья

Появляются Гроздин и Козинцев – Губернаторы Вороновской и Соколовской провинций, два соседа, два друга - оба недавно работали, кажется, в невероятном, в одном министерстве. Но и, как всегда бывает между друзьями, в очевидной ситуации, скорее всего, соперники.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*показывая на Автора*). Я его к себе забираю. Он родился у нас в Воронове, в самом городе, в нашей провинции.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. А мы тебе его не отдадим! Он наш тут, здешний, из Малого города.

ДАНИЛА СУВОРИН. Отец! Покажи им Песню Молодого Скифа из своей «Белой Скифии» - продолжения «Одиссеи» Гомера. Тоже ведь «гомеровский» след в литературе.

АВТОР (*обращаясь ко всем*). Показать? Вот эта мелодия, записана под оркестр.

«Лопата, похожая на весло»

(Песня Молодого Скифа)

Стихами. «Я – скиф, по свету белому мотался.

Иду домой, из странствий возвратясь.

Несу Весло, с каким не расставался,

Как с посохом своим Великий Князь.

Запевая.

На синем море плавал и рыбачил,

Приобретал другое ремесло.

Моя Лопата там, - а как иначе? –

И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату –

Перед окошком, в тучный чернозем,

И превращу Весло опять в Лопату,

На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,

Хлеб в закрома, за море потечет.

А как опять захочется свободы,

Рвану на Юг, как всякий скифский сброд!

С Лопатой вдруг опять уйду из дома,

А возвращусь опять-таки с Веслом.

Как воля, так Весло нам, царство грома.

А как Лопата – тишина и дом,

А как Лопата – тишина и дом».

КАТЮША СТОЛЕТОВА (*подходя к Даниле*). Давай покажем дуэт из Белой Скифии.

ДАНИЛА СУВОРИН. Давай.

Поют отрывок из «Белой Скифии» Леонарда Золотарева.

«У Скифского кургана»

(дуэт Несмеяны и Одиссея)

ОНА. – Увидела, узнала, полюбила.

Царица, а дрожу перед тобой.

Вернется царь, что ждет меня – могила!

Возьми меня, возьми меня с собой!

ОН. – Прошел я через Сциллу и Харибду,

Пролил по Пенелопе море слез.

И вот тону я, погибаю, гибну

В твоём бездонном золоте волос.

- Так улыбнемся вместе, Несмеяна!

- Мой Одиссей, ответим на любовь!

ВМЕСТЕ. Соединим у скифского кургана

С одесской кровью греческую кровь.

Стоим одни у скифского кургана».

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ (*Автору*). Слушай! Попроси у меня что-нибудь, попроси.

АВТОР. Книгу издать, хотя бы эту вот – видовую, «Русское поле» или «Малый город-герой». Маленький такой, но, как и у меня, с великой, трудной судьбой.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*подходя поближе*). Сами издадим, издадим, однозначно.

Приближается Вороновский губернатор Гроздин.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*Автору*). И будешь ты тут у них мыкаться до скончания века, друг мой сердечный. Возвращайся в Воронов, ты же у нас родился. А тут ты - из-за своего «соловецкого» отца, в ссылке. Мы тебе у себя там памятник при жизни поставим. Сидячего изобразим. Как Бунина. Бунин-то тут стоячий, тоже ведь родился в Воронеже.

ДАНИЛА СУВОРИН (*вступая в разговор*). Все обещаньями кормят. Так что в литературе важнее – писатель или столоначальник? Отцу все мимо и мимо, а столоначальнику – все! (*Показывая на Автора*). Вот с его книжками столоначальник-то все столицы мира объездил, премий кучу себе заграбастал. У отца юбилей, а - ни звука. На том юбилее книгу перерубили пополам, потом уже обнаружил. И сейчас вот уже лет пять все волюнку тянут. На днях Столоначальник ихний выбил себе еще одну премию из Центрального округа. А пишет ведь компьютерные стихи. Заглянул в том – ни одной метафоры, тем более глоссы – пусто-пусто, как в домино.

ОДНИ ГОЛОСА ИЗ ОКРУЖЕНИЯ. И куда же его такого теперь?

ДРУГИЕ ГОЛОСА. А на пенсию, уже семьдесят. Пусть другие посидят, пограбят.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*Автору*). Да издадим, издадим, говорю од-назначно.

АВТОР. Три тома накопилось.

ДАНИЛА СУВОРИН. Кстати, отец мой еще и член французского общества «Друзья Бунина», в Грассе.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*настаивая*). А мы ему собрание сочинений издадим... собсоч... Катюша, зови Сувориных домой к себе, в нашу Вороновскую провинцию. Пускай к корням родным припадут, если тут обижают.

АВТОР. Сын, Данила мой, тут родился. И родные могилы уж тут.

ГУБЕРНАТОР ГРОЗДИН (*Катюше*). Зови, зови - хоть молодого к своим крестьянским, казацким истокам.

АВТОР (*восхищенно*). Какой квартет. Напишу! Обязательно! И как мы его назовем? Этот квартет?

ВСЕ, КТО ТАМ. Подумать надо, давайте подумаем.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Подумайте. А мы пройдемся Покажите-ка мне мою деревню Волково. Говорят, с телефоном, с газом, дома приличные, как в Малом городе.

ВОЕВОДА СКРИБКО (*выходя из тени*). И молодежь есть, мы кадры куем.

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ (*Воеводе*). Мы тебя в общественную палату введем.

ВОЕВОДА СКРИБКО. В областную?

ГУБЕРНАТОР КОЗИНЦЕВ. А в какую ж тебя, серп и молот? Ну в область заберем. Помогать будешь... авторам... молот и наковальня...

ПРОРАБ СМОЛЕНЦЕВ (*выглядывая из-за чьей-то спины*). Не только авторам.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Ну пошли. По ковылям, прямая дорога.

Сцена четвертая

СКРИБКО (*забегая вперед*). Деревня Волково, то же молот ковали. Вот и Волково... Эй, дед! Ты чего тут расселся, как фамилия?

ДЕД (*сидя под яблонью, на скамеечке*). Чье – мое?

СКРИБКО. Не твое, а наше.

ДЕД (*махнув рукой*). Тут скрозь все одинаковы – Волковы.

СКРИБКО. А как различаете?

ДЕД. По-уличному, я – Протасов, Протасовский.

СКРИБКО (*допытываясь*). А это почему же?

ДЕД. Дак отец у меня там погиб... в сорок третьем... лежит под Протасово. Ближе всех тут из тех, что кто-где по «малой дуге»... Ну еще под Сабурово, в Панской, у устья Оки, на Красной Слободке...

СКРИБКО. Слушай сюда, дед Протасовский. Вот чудо какое свалилось! Сам Президент к нам приехал, пришел к тебе сюда, тоже Волков.

ДЕД ВОЛКОВ (*вытирает глаза*). Ды ну?! Бабка! (*кричит в приоткрытую дверь*). Тащи топор, петуха будем рубить.

ГОЛОСОК ИЗ ДВЕРИ. А какого?

ДЕД ВОЛКОВ. Да какой кур не топчет, уже оттоптался.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Ладно, ладно. Спасибочки. Мы уже пообедали.

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ. Так полудновать будем... с прицепом...

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. Иди, отец, показывай нашу деревню. Телефоны, газ, молодежь есть, говорят.

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ. Это мы счас, айн помент. Шпрехен зи дойч. Переобуюсь только – с валенок на «вездеходы». Я в «вездеходах» рыбку в Со-сне тут ловлю.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А вот он (*показывая на Автора*) ветер, говорит, ловит. Знаешь такого?

ДЕД ПРОТАСОВ (*глянув мельком*). Как же, знаем: Учитель! Книжки пишет, песни поет, сам сочиняет... Был тут намедни, фото теперь делает...

АВТОР (*обоим*). Вот хорошо-то, просто замечательно! Давайте я вас Волковых вместе сфотографирую.

ДЕД ПРОТАСОВ (*отодвигаясь*). Рубаха, вишь, неподходящая. Бабка постирала, никак не просушит, вон на веревке мотается... Да мы живем хорошо, в кооперацию хлеб привозят... два раза в неделю... Вон вентирь – побегу на речку, рыбки поймаю. Баранчика подвалю, стол сообразим, нехуже как внуку... Недавно служить проводили в армию...

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. В Вооруженные силы, Президент – это ведь сам Главнокомандующий.

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ. А у нас тут все Красная Армия. В городе даже переулочек есть такой, как в больницу идтиль Красноармейский (*поворачиваясь к Воеводе*). Так ли я говорю?

СКРИБКО. Так, так, дед. Переулочек-то Красноармейский, но - Вооруженные Силы, а это Главнокомандующий, заметь.

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ (*вздохнув*). Красная Армия была, когда отца там ухлопали... под Протасово... ну что за Вавилоновкой.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЛКОВ. А-а, Вавилоновка. Как же, знаем такую деревню, знаем.

АВТОР. Значит, Протасовский ты? А я – Соловецкий. Давай-ка я тебе, дедушка, про отца твоего песню такую спою.

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ (*оживившись*). Все послушаем.

АВТОР. «**Сабуровское поле**»

«Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.

Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.

Один цветок – загубленная жизнь,
Стеной соборной, размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, подержись!
Они легли, чтоб вы летали вволю.

Все здешние, штрафбаты, хлеборобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.

Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки – дань земной любви.

Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой Солнце западет.
Увидишь звезды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью обольется,
А сердце остановится, замрет».

ДЕД ПРОТАСОВСКИЙ (*чмокнув губами*). Вот так оно, так. Восемь лет тогда было мне, а все как сейчас. Майор Лисунов – где-то под Сабурово, капитан Евдокимов – на крайней справа плите в Парке Героев...

АВТОР. «Тут на высотах, сражались они
В центре железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.
ПРИПЕВ. Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берез».

ДЕД ВОЛКОВ-ПРОТАСОВСКИЙ. Вот он говорит (*показывая Президенту, на Автора*), Малый город – герой. А почему до сих пор молчали?.. Фронтвики же ветераны приезжали, говорили... Малый город, велик народ был тут. Центральный фронт, Рокоссовский, стратегическое направление. Фактически Орел вместе с Болховом ударом на Карачев освободил, из «мешка» вытеснял немцев...

КТО-ТО ИЗ ОКРУЖЕНИЯ. А документы?

АВТОР. Какие там документы! Как у Егора Щекотихина, что ль? Они же все тех времен – документы-то. Какие хотели, такие и делали. Эпоха другая,

пришел черед углублять представления. Как Лев Толстой еще в ту Отечественную, с Наполеоном, показал войну только к концу века.

ДАНИЛА СУВОРИН. Гляньте, сколько лежит в Сквере Танкистов в областном городе и сколько тут, на подступах к Малому городу? Больше населения нынешнего Орла. И этим все сказано... Так, отец?

ДЕД ВОЛКОВ. Молодым жить, молодым думать.

АВТОР. Патриотизм! Да на одном этом - на Малом городе... целые поколения поднимать можно. Только вложить средства первоначально... на туризме десять уездных бюджетов возьмете, больше, чем даже на хлебе.

Сцена пятая

Там же, те же.

ПРЕЗИДЕНТ (*начиная прощаться*). Мне пора! На вертолетную площадку – и в Курск. А оттуда уж на работу, в Москву. Тут я в командировке... Ну что, дедушка? Волков-Протасовский? Попроси что-нибудь, что по силам мне. Хоть машину, свою отдам, ничего не жалко хорошему человеку.

ДЕД ВОЛКОВ, ОН ЖЕ ПРОТАСОВСКИЙ. Куда ездить-то? В магазин – из магазина, на речку – с речки? Нам с бабкой на печке сидеть пора уж... Летом этим побывал у внуков, в большом городе. Вот тяжело-то где, а говорят, будет еще тяжелее. Крызес какой-то. Сижу в городе, там у внука, перед домом на лавочке, мужчина подходит – большой, приличный, одет неплохо. Присел рядом и говорит: «Ты – русский, дед?» - «Что не видно? Ну, русский». – «Госка берет по Расее... век оттерпужил вот на этом заводе, а теперча вот дома сижу, голодный почти что хожу, можно сказать... И окна на заводе – гляди, пустые, провалы-то черные, жутко»...

И тут же.

ДЕД ВОЛКОВ, ОН ЖЕ ПРОТАСОВСКИЙ (*со слезами на глазах, падая на колени*). Миленький, царь-батюшка, наш дорогой! Ты еще молодой, не все, может быть понимаешь, как я. Прошу тебя, золотко, помоги народу, безработица эта, в Малом городе заводик единственный и тот стоит. Как лунатики, бомжи эти бродяют... отбродились уже одни, других вот-вот за ноги да и отволокут, куда надо... А голодному царь не батька, как пойдет катавасия, не остановишь, это Россия...

ПРЕЗИДЕНТ (*повернувшись к Автору*). Приеду в Москву, первое, что сделаю приказ по милиции подпишу. Под локоть людям, когда фотографируют, чтоб не толкали.

АВТОР. И чтоб ружья кирпичом-то не чистили.

ПРЕЗИДЕНТ (*Автору*). Инновации нужны, нововведения. Ну, а вы что конкретно просите, Авторы, что конкретно?

АВТОР. Видите, молодые люди сидят. Целое племя. Мамы и дети грудные. Иду в прошлый раз еще летом, остановился и спрашиваю: «На молочко приехали к бабушке, на воздух?» - «Да нет, - смеются, - мы тут живем». Это дети даже, может быть, внуки тех, кого я когда-то учил. Вот курган, там внизу, под курганом, и Луковец. Село было: сельсовет, магазины, школа - десятилетка, где был я учителем. Все ушло наверх, а старый Луковец бросили...

Хоть и не в вашей компетенции, это я так полагаю: скит надо бы учредить, под Сабурово часовню поставить. Обращаться, полагаю, надо к духовным отцам нашим - к Патриарху всея Руси или хоть к Архимандриту... К благочинному в Малом городе я уже обращался...

Под ручку с Даниилой Сувориным подходит Катюша Столетова.

АВТОР. Что - уже спелись?

КАТЮША. Все, я у вас его забираю. К себе туда, в более крупный город, а вы, Альберт Данилыч, как хотите, можете тут оставаться.

АВТОР (*потупя голову, Президенту*). Вот песня. Как птичка, вылетела про этот Луковец, где в сорок третьем меня учили читать наши танкисты и где я сам учил потом крестьянских детей, вот их отцов...

Вот такая песня, моя авторская «Скит».

«Бил гремяк под горой в три ключа.

Храм звонил по реке, по излучке.

Сняли люди пиджак со плеча,

А себя обрекли на муки.

Старый Луковец на Сосне.

Мир намоленный где-то на дне.

Новый Луковец, новые лица -

Глазу не за что зацепиться.

Старый Луковец еще дышит
Два-три дома пока, две-три крыши.
Скит мне видится, скит мне снится,
Чтобы было кому молиться.

Благочинный! Архимандрит!
Учредите, поставьте тут скит!
Пусть стоит под горой в три ключа,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча.

Заканчивая стихами.

Здесь учили меня танкисты,
Сам потом пацанов учил чтению.
Поможе. Боже, этим неистовым!
Дай им свет с небес, просветление!»

Уезжая, Президент проходит к машине. С одного края Девятой Пятницы издали слышится песня.

«Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дорожки полевой».

И тут же следом от Волковского кургана.

«Поле, Русское поле!
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни, вешние ливни,
Вдруг обожгут меня прежней тоской.
Русское поле, Русское поле!»

С другого боку из-под горы уже ведут хороводы ромашки. А тут гремит с подголосками, залихватски:

«Соколовский хор из бара
Был когда-то знаменит.
Соколовская гитара

До сих пор в ушах звенит.
Всюду деньги, деньги, деньги!
Всюду деньги, господа!
А без денег жизнь – какая?..
Ну какая?

Пауза. Все переглядываются, смеются.

А не годится никуда!»

- Приезжайте еще! – машет вслед белокрылому лимузину человек из Волково – дед Протасовский. – Приезжайте!

ЭПИЛОГ

В Малом городе, через несколько дней.

В Администрации уезда краска еще не просохла, а уже собирается Совецание по ветеранскому движению. Пребывавший все эти дни в эйфории, Автор собирается выступить перед бывалым, выдавшим виды народом. Председатель ветеранов просит предварительно записаться. Хочется еще раз сказать слово о Русском поле, седых хлебах, священной земле. Хочется показать людям свежее фото деда Протасовского, пожелтевшее фото майора Лисунова из того еще, сорок третьего, с дарственной надписью его матери:

«Маруся, город мы не сдадим».

И в ответ реплика Юриста администрации, проводящего Совецание:

- Не мешайте работать!

И слово менеджера московского миллиардера, как команда всем авторам фотороманов: «Спонсоры все распределены».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Председательшу Ветеранского общества, подерживавшую его идею на том Совецании, после аж хватанула «кондрашка»: скончалась скоропостижно. Как и положено в опере это, конечно, трагедия и это также придало «Соколовской гитаре» трагическую окраску. Однако не обязательно уходить пачками, как, скажем, в «Гамлете» у Шекспира. Современной трагедии хватит того, чтобы рухнули в человеке иллюзии...

Однако...

АВТОР. Слышите? «Щиток» поет свое монетарное:

«Всюду деньги, деньги, деньги!

Всюду деньги, энвалид!

Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит».

Обелиски на подступах к Малому городу незыблемы, в душах неколебимы. И песни – вот они, как и прежде.

Духовой оркестр, «**Марш военных связистов**».

«Мы – тут в Орле, а там, за Поньярами,
Наш Малый город держится, стоит.
«Морзяночка» из той великий драмы,
Из тех окопов все еще кровит».

Ее сменяют другая мелодия.

«Стою на полустаночке,
Держу лимоны в баночке,
А мимо пролетают поезда...»

Голос в приоткрытую дверь электрички:

- В какой, в какой баночке?

И голос отсюда, от подступов:

- Да в швейцарской, какой же еще!

И песни те забирает оркестр:

Литавры, бейтесь с тучею!
Так грянем про могучую,
Про Русь в огне кипучую!
В горячую, железную пургу!
Ты – славная, победная,
Как проволочка медная,
От сердца к сердцу – длинная,
Святая Русь единая,
На всю Орловско-Курскую дугу!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (*Автору*). А как же с заявленным вами квартетом? О чем он? Из кого состоит?

АВТОР. Как Гамлет, весь в рефлексиях, - в былом и думах. Как в опере «Риголетто» В составе квартета: Катюша Столетова, мы с сыном и Губернаторы – то один, то другой, каждый сам по себе.

Но малая родина, где человек живет, есть родина. То, где человек родился, а то есть еще и Отчизна, великая Родина наша – Россия.

АВТОР. И глядя на Малый город, поет как бы сам про себя и про нее так:

«Вот живу и нет, не наглядеться,
В удивленьи жизнь моя прошла:
Как в такое маленькое сердце,
Ты вместиться, Родина, смогла?»

27.07. 2009 г.,

г. Малоархангельск – г. Орел

*Париж – это праздник,
который всегда с тобой.
Эрнест Хемингуэй.*

БРЫЗГИ ФРАНЦУЗСКОГО
(романтическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖАНЕТТА БРЕДЕЦКАЯ – «русская гейша» с французским акцентом, девица с иллюзиями 22-24 лет, выпускница факультета романской филологии провинциального университета где-то в Серединной России, переводчица.

ЯНА ШМАЛЕНКОВА, она же **ГАМАЛИЯ** – подруга Жанетты, жена пакистанского миллиардера в Париже, якобы посланника Украины в ЮНЕСКО.

ЧЕРВОНЧИК СТРИБОГ СТЕПАНОВИЧ – «кофеин» (к.ф.н.), профессор вуза, бывший начальник по хозяйству университета, ныне зав. кафедрой межфака, долгожитель и сексуал.

ЭРИК ШАНСОН – господин из департамента Шампань – Арденн, Франция, посланник университета. Отец троих детей, тайный любовник Жанетты.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА ВЕЛИХОВА, она же **ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ** – зав. кафедрой французского языка, женщина с идеальным прошлым, бывшая любовница Червончика, мать двоих внебрачных детей.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА – одинокая, преподаватель латыни, отправляемая на пенсию.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО – московский мультимиллионер, открытый любовник и содержатель Жанетты.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕРОХИН – молодой доцент, с признаками доктора наук, тоже воздыхатель Жанетты.

НАТАЛЬЯ КИРЮХИНА – студентка, однокурсница Жанетты.

ПЛУТАРХ – отчим Жанетты, пройдоха и плут, но все с оборотом против себя.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА – деревенская бабушка Жанетты.

КОНСУЛ в Париже с русской печалью в голосе.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ – супруга Эрика Шансона.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА в Париже.

БАРОН – хозяин бара в русской провинции.

ПРИЗРАК АРТЮРА РЕМБО.

ОФИЦЕР, ВРАЧ и другие.

Члены французской кафедры провинциального университета где-то в Серединной России, студенты «5 ПГ (парижские гейши)», соседи Жанетты по общежитию, русские и французские туристы, жители столиц и провинции, живые реальности и призраки, тень преподавателя Геннадия Стефановича Кульчицкого, выбросившегося с девятого этажа, а также кое-когда самой Жанетты Бредецкой как Д'Артаньяна в юбке.

ФОНОВЫЕ МЕСТА.

Патримуан – национальное достояние Франции.

Эйфелева башня. Церковь «Сакре кер (Святое сердце)». Александровский мост в Париже. Реймский собор с цветными витражами. Мельница, интерактивный музей Артюра Рембо в Шарлевиле.

Таинственные знаки в Москве, знаковые места.

Донской монастырь, могила Гоголя.

Окно в Кремле, откуда на горящую Москву смотрел когда-то Наполеон.

Лобное место.

Действие начинается в одном из провинциальных русских городов, затем переносится в столицы, через которые Жанетта Бредецкая проходит путь наверх, в «высшее общество».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Провинция, университет. Кафедра французского языка. Отмечается День святого Валентина - День всех влюбленных.

ЧЕРВОНЧИК (*протяжно*). И тишина-а! Покойнички в гробах летают. А вампирчики-то, студенты, пьют нашу кровушку.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Пора бы уж им разбежаться. Семнадцать часов, как раз времечко наших заседаний.

ЧЕРВОНЧИК (*живо, потирая руки*). И-ех! И когда хоть в последний раз собирались мы на заседание очередное чае-питейное?

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Как когда? Да на День всех Татьян, 25 января! Все же семь человек из семнадцати - Татьяны на кафедре. Семь дней рождений заодно сразу.

ЧЕРВОНЧИК. Зачем заодно? Предлагаю растянуть на семь заседаний. Эффективнее!

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Кадры эти, вот обнаглели! Торт не могли нам в тот раз купить, студенты, называются. Вот и сейчас всего три бутылки принесли – две водки и одну «мамонта». Могли бы на коньячок разориться. И вина - элексиру долгожительства, червивки навроде «агдама», или хотя бы вина французского – какого-нибудь «мартини».

ЧЕРВОНЧИК. Или розового шампанского, если уж не «мадам Клико».

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Все мадамы тебе на уме, сластотерпец.

ЧЕРВОНЧИК. А ты бы, Инна Алексеевна, помалкивала. У тебя же латынь в руках – бразды правления. Что ты им зачеты всем подряд лепишь? Пусть гнутся...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Вон ваша Мурка, Венера Милосская (*кивая на зав. кафедрой*) меня на пенсию отправляет.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*вспыхнув*). Чего это вы, Инна Алексеевна, ай белены объелись? Выражайтесь помягче как-нибудь, по-французски. Адекватно, что ли, не можете подобрать?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А что? Мне теперь терять нечего. Может, в последний разок тут с вами сию, пресмыкаюсь. Купаюсь в вашей любви.

Члены кафедры оживляются, раздаются отдельные голоса: «Да ты что? Да мы тебя, Инночка, приглашать всегда будем». – «Да и как же мы теперь без латыни-то?» - «А как без русского, без литературы? Обходимся же, и ничего».

ЧЕРВОНЧИК (*строго*). Без литературы можно. Мозги ею только пудрить. Вон и ЕГЭ не предусматривает ни зарубежной, ни русской. Одна крамола от литературы этой, мозгов сотрясение.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. У нас в стране все так: разброс мнений, качает в разные стороны. То каких-то пару лет тому, при прежнем Президенте, литературу собирались вводить даже в технических вузах. А то крест ставят даже на Хлестакове.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*насторожась*). Это что же! По-вашему, правая рука не знает, что делает левая?

ЧЕРВОНЧИК (*валяжно так*). Да, ладно, ладно! Не прежние времена. Для образования гуманизации пусть говорят ассоциации, мозги компостировать нации.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*строго*). Обходились без «ревизоров» и обойдемся. Вот без языка, без лингвистики попробуйте обойтись. Что мы без лингвистики - мошकारа, мерзость низко летящая!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Венера Васильевна, да вы что! Нет, вы, действительно, белены, что ли, все тут объелись? Вначале всегда было слово! Литературное!

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Выражения подбирайте все-таки, выражения!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А что ж, ей можно, а нам нельзя?

ГОЛОСА. Нельзя, нельзя против, она все же зав. кафедрой.

ЧЕРВОНЧИК (*громогласно*). Ну ладно, кончайте балаган, девочки! Приступаем к всеобщей молитве – любви и обожанию друг друга. В общем, к Дню Святого Лаврентия...Какого Лаврентия?... Ну этого, Лаврентия Палыча, что теперь на Антарктиде. А заодно и к дню рождения всех наших уважаемых Тань. Первый гост: за всех Татьян кафедры! Чтобы они в скором будущем защитились и стали все кандидатками, профессоршами.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*ехидно*). Доцентами сначала пусть станут. Это вы у нас, Стрибог Степанович, один такой выдающийся: не доктор наук, а сразу профессор.

ЧЕРВОНЧИК (*в ответ*). Мура, Мурочка! Зато ты у нас и кандидат, и доцент, это точно. Как снайпер. Никак никуда не сдвинешься. Ни в прямую, ни в обратную сторону. Итак, второй тост за тебя: за зав. кафедрой.

Все живо поднимают рюмки, фужеры. Разговор становится разнообразнее, велеречивым.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*накрывая ладонь на бутылку*). Все, моя! А то боюсь, на третий тост и не хватит.

ГОЛОСА. Меры принимать надо, меры. Стрибог Степанович, спойте свою коронную – «Мурку!»

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*слегка раскрасневшись, раздраженно набирает мобильник*). Жанетта, Жанетта, это ты? А мы на мели. Ну хотя бы еще бутылочку коньячку... Ну не «Наполеона», нет, свойского розливу. Зачем? У нас гость... Ну да, простого «посолу» – армянского, если четыре звездочки... А если молдавского, то пять. А лучше, милочка, такую и такую – две, чтобы еще раз не бегать...

Подмигнув всем присутствующим. Сейчас будет, мухой! У этой Жанетты связи с Бароном через дорогу, с баром. Она там своя.

(*Огорченно*). Вот обнаглели! В прошлый раз даже торт не принесли.

ЖАНЕТТА (*там за зверью, уже находит, приостановясь*). Да жрите, жрите, хоть захлебнитесь!.. «Мадам Клико» им, розовое шампанское...

А тут голоса с разных концов стола.

«Что значит староста! Писаная красавица». – «Р-раз- и в дамки». – «Стрибог Степаныч! Ну спойте, спойте «Мурку»-то».

ЧЕРВОНЧИК (*наливая себе из Венериной бутылки*). За взаимопонимание. А если за трение, то только двух полов о третий. «Ийехали на тройке с бензанами!» За международное сотрудничество.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*радостно*). Одобрям-с-с, одобрям-с.

ЧЕРВОНЧИК (*подливая в рюмку себе и наклоняясь к ней*).

Возраст уже, а еще ничего, смотришься. *(Всем)* Я тогда их на кафедру взял сразу троих молодых, одна в одну.

(Наклоняясь в другую сторону, к Венере Васильевна). А сейчас какие пошли, а? Пьют прямо из горла, мрак.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Это вы про Жанетту? Не наш человек в Гаване, язык слабо знает.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Так во Францию давайте пошлем, на стажировку. Или посадим ее на латынь, а меня на грамматику.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Уж придумаем что-нибудь.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Обойдемся без ваших советов, тоже мне - Советская власть.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Французы, говорят, приезжают? Человек пятнадцать, студенты и преподаватели. Вот возле них пусть и потрется, поводит гостей по городу, по значным местам. Все же языковая практика...

Дверь приоткрывается, Жанетта передает Велиховой пакет.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА *(тряхнув по-цыгански плечами и на стол бух, бух бутылку за бутылкой).* Эх-ма! *(И Червончику).* И за что я люблю черного лебеда, так это за то, что у него красный нос!

Сцена вторая

Хрущевская пятиэтажка где-то на окраине города. Общежитие, две соединенные комнаты в шестикомнатном отсеке с общей кухней. Комнаты представляют «квартиру» Бредецких, в них проживают четверо: мать и отчим Жанетты, сама Жанетта и ее младший брат. Жанетта занимает комнатку в семь «квадратов», все остальные ютятся в проходной двадцатиметровке.

Жанетта пьет чай на кухне. Стол Бредецких в самом углу, у окна.

ЖАНЕТТА *(прислушиваясь).* Опять внизу под нами духовой оркестр, репетиция. Дикари! Не красный уголок, а прямо тебе Большой театр. Или театр Зимина – московская оперетта. Штраус, увертюра к «Летучей мыши» с доставкой на дом... Долбят и долбят, одно и то же, а тут аж кастрюли прыгают. Хоть бы мыши, что ли, в барабане дырку проели...

Кричит в коридор: «Мама! Мам, а мам!!» (*В сторону*). Ах да, мама ушла вчера в поликлинику, опять сердце. А все из-за этих проклятых литавр. А скорее всего, из-за мужа своего – моего отчима. Муж - объелся груш. Так и норovit ущипнуть меня за бок. Зазеваешься – и на диванчик приложит. Плутархом зовут соседи – дескать, плут и прохиндей. А-а, какое там, так себе – мелкий мошенник. Исхитрился вторую комнатушку выбить, соединил одну с другой – иллюзия «квартиры».

Прохиндеи в общагах не прозябают. Прохиндеи живут в коттеджах, на Мальте. А этот Плутарх... из сантехников перейдет скоро в «бомжи» - без определенного места жительства. Еще пару раз хватанет меня за бок, я ему это устрою... через одного знакомого – капитана милиции...

А, вот и он, легок на помине. – Кто капитан милиции? – Нет, этот... Плутарх, мой отчим, уважаемый наш сантехник... высшей пробы...

Появляется отчим Жанетты – мужчина лет пятидесяти пяти, с легкой танцующей походкой. Заметив Жанетту, пытается положить руку ей на плечо.

ЖАНЕТТА (*шипя по-змеиному*). Посажу-у-у-у... посажу...

ПЛУТАРХ (*с улыбочкой*). Хочешь тыщу рублей подарю? Все же в вузе учишься, деньги нужны.

ЖАНЕТТА. Бедная, бедная мама.

ПЛУТАРХ. Нам, сантехникам, теперь доступ всюду, даже к интернету.

ЖАНЕТТА. Это зачем тебе?

ПЛУТАРХ. Когда хоть в Париж свой укаатишь, комнату освободишь? Там пойдешь на панель. Эта твоя Гамалия – Яна Шмаренкова, жена пакистанского миллиардера, прописана ведь в Париже.

ЖАНЕТТА (*сквозь зубы*). В Париже прописки нет, просто не существует.

Плутарх, подходя к газовой плите, гремит кастрюлей, достает кусок мяса. Держась навесу, начинает объедать его со всех сторон.

ПЛУТАРХ (*хитровато глядя на нее*). Васесуалий Лоханкин?

ЖАНЕТТА. Васисуалий ел ночью.

ПЛУТАРХ. А я днем и ночью, между прочим... Ладно, хватит дуться,

хмурое утро. Расцветай! Вот тебе сто, нет, двести рябчиков. Отдашь своим алкашам на кафедре.

С такой же своей нестандартной, легкой, танцующей походкой отчим исчезает за дверь. Жанетта раздраженно отталкивает стакан - ложечка мелко-мелко дрожит в стакане.

ЖАНЕТТА (*оттопырив нижнюю губку*). Ох уж эта мама! Сколько раз говорить, не рассказывай этому дикарю... страсготерпцу... что я только тебе одной доверяю. Все знают и про Яну – мою розовую мечту, и про Париж. Господи! И когда я от них хоть куда-нибудь денусь! Зеркала негде поставить, платье повесить. Духи, несессер положить некуда. Дикарь! Скоро свои газовые ключи будет класть мне на шею.

Однако. Сто рублей все же дал. Нет, смотрите-ка, двести! За коньяк будет чем расплатиться с барменом, не то в другой раз не дадут. Французы приезжают. Из департамента Шампань-Арденн, из города Реймса. Пятнадцать человек на сундук мертвеца – йохохо... Интересно, кого из наших студентов к ним приставят? Опять «блатных»? Кирюхину нашу, эту уж точно, продвинут на Запад. Тетка ее в страховой компании, говорят, шубу норковую подарила Венере... А отец Кирилла Лаврова сделал в квартире Червончика евроремонт...

И все же алле, вперед! Отступать некуда, пятый курс окончательный и бесповоротный. Позади Москва. С нами Бог и наши любимый «кофеинчик» Гена Кульчицкий, пока не бросился вниз головой с девятого этажа. И почему хоть? Ведь замечательный был «парле ву Франсе», не блатной, в наше блатное-то времечко... Лицемеры! Съели человека, а теперь ездят к нему на могилку с цветами...

Думаю: как это нашим девицам после университета удастся зацепиться за Францию? Одна живет даже в Париже, другая – где-то возле Лиона, еще одна в Люксембурге... А еще одна, говорят, стала любовницей даже князя Монако. Лично моя «розовая мечта» - это Яна Гамалия. Ну и что же, что вышла замуж на Восток куда-то. Хоть не за красавца, этого пакистанского миллиардер, зато живет с ним то в Париже, а то, говорят, в Женеве. И представляет почему-то

Украину в ЮНЕСКО. Это он так мозги всем пудрит – миллиардер пакистанский. Может, и сделал ей это все за свои миллиончики, за деньги все можно.

Стук в дверь. Входит бабушка – мамина мама, Авдотья Федосовна, Жанеттина бабушка. С сумарями наперевес.

ЖАНЕТТА (*обрадовавшись*). Ой, бабушка! Авдотья Федосовна! Голубушка! Родная моя деревенька!

Бросается на шею к ней.

А это что у тебя? Ах, это гусь? Какая важная птица, длинная шея! Прямо князь из Монако, маркиз.

Гусь стоит, хлопывая себя крыльями, посреди кухни.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*оглядываясь*). А где ж твоя мама, внучечка?

ЖАНЕТТА. А в поликлинике, где же?

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*сделав большие глаза*). Как в поликлинике?

ЖАНЕТТА. С сердцем. Она у нас ведь сердечница.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*улыбаясь сквозь слезы*). Любит вас, любит, вот и сердечница!.. А это тебе, дочечка (*лезет она в карман и сует пакетик в руку Жанетты*). Леденцы, твои любимые! Пензию вчера получила да прямо сюды к тебе, лётмя летела. Вот еще тебе – сто рублей, все же в вузе учишься, помогать надо. На книжки всякие, на учебники.

ЖАНЕТТА (*улыбаясь*). Вместо книжек теперь Интернет, называется. В век компьютеризации для дегуманизации. А конфеты бывают шоколадные, бабаевские.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*всплеснув руками*). Это что же такое, дочечка? Кто такой Бабай - Интернет?

ЖАНЕТТА. Это, чтобы Париж отсюда было видать, Эйфелеву башню.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА. Какие навучные дети пошли, вот наука чего достигает!

ЖАНЕТТА (*в сторону*). А это на Париж себе будем откладывать.

И кладет бабушкины деньги отдельно в своем кошельке.

Сцена третья

Та же Жанеттина комнатушка. Жанетта Бредецкая спит, разметавшись. Вскрывает вдруг, озираясь.

ЖАНЕТТА (*под нос себе*). О Господи! Опять этот сон! Наваждение какое-то, ужас! Мама! – *кричит она в соседнюю комнату*. – Ах да, мамы нет, еще вчера ушла в поликлинику, и ее там оставили, госпитализировали. Скорее всего, в городскую положили больницу, в Семашку... Эй, братик! Где отчим? Ах, нет его, с вечера еще не приходил?

Встает решительно и проверяет дверь: заперта.

ЖАНЕТТА. А где же тогда этот проклятый старик? Куда хоть запропастился? Ведь был же ночью, являлся, рвался ко мне сюда. Грязные эти его липучие лапы, - я чувствую их на себе до сих пор. Чесночное дыхание, сивухой прет. Чем хоть они закусывают, эти сантехники? Неужто у них от природы отвратный такой, смертный дух изо рта? Вот еще претендент! Что вообразил: за какие-то пару сотен я впущу его и себе на всю ночь, будет лапать меня, лобзать... Так, крючок на двери, плюс внутренний замок, ключ в скважине. Нет, скважины в ключе нет, ключ в скважине... Что это я, неужто крыша едет? Прямо какой-то ужас!..

Ну-ка, заглянем в соседнюю комнату: действительно, там только брат мой спит, на диванчике. Никакого отчима нет. Да, но все-таки он был этой ночью, приходил ведь, мучитель мой. Неужто мог пролезть в форточку? В этот узенький форт – неприступную крепость, бастион нравственности, целостности моей территории. Да, он был тут, был все же, был. Вот следы его пальцев на плече, моем теле. Неужто это от металлических прутьев - изголовья кровати? Дыша духами и туманами, а не чесноком своим мне прямо в лицо... обещал на Париж десять тысяч. В гробу видала я даже и миллион – в рублях, в евро, долларах... Какие мерзкие, долгоиграющие, прожигающие насквозь эти его мелкие глазки – бусинки, как электросварка...

Эй, братик! Отчим с вечера домой заявлялся? Ах да, я уже спрашивала. Не являлся... А мама где? Ах, да, госпитализировали, отправили на стационар... Значит,

не было никого? Это сон мой, ужас, мой постоянный кошмар? Хоть бы бабушка, что ли, пожила тут, пока мама в больнице. Так нет же, приехала, сходила в больницу, провела маму мою – свою дочку и цурюк, в деревню к себе, к своим гусям.

Уже рассвело. А на рассвете обычно спускается на крылышках ангел-утешитель, твоя «розовая мечта» - эта Яна, жена пакистанского миллиардера, жительница Парижа, посланник Украины по культуре в ЮНЕСКО. И что она скажет тебе, Жанетта, сегодня, сию минуту, сейчас?

На фоне окна возникает слегка танцующий призрак. Тянет сюда к ней свои длинные руки, и руки эти почему-то сантехника, отчима, и тянутся, вытягиваются они, делаются все длиннее - сюда от самой двери.

ЖАНЕТТА (*отмахиваясь*). Чур-чур! Это не ты уже, Яна – Гамалия, пакистанская миллиардерша, а другая подружка – Нинон, тоже Шмарикова. В прошлом году после выпуска ее тоже послали во Францию на стажировку, откуда она не вернулась. И она, говорят, там вышла удачно замуж, теперь так же в Париже. Сама себе сделала карьеру, без всякого рекомендательного письма...

Стук в дверь. Молодые, резкие, разрозненные голоса.

ЖАНЕТТА (*в сторону, про себя*). Кто бы это? Ах да, это студентки, моя группа – «5 ПГ (парижские скважины)». Чего это вы в такую рань претесь, девочки? Я еще не одета.

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ. Хватит дрыхнуть! Французы приехали, нас ждут. Прием гостей, распределение поручений. Венера звонила Кирюхиной по мобильнику, послала вот за тобой.

ЖАНЕТТА. Я-то хоть зачем? Без меня, что ли, не обойдутся? (*В сторону, веселее*). Значит, и я понадобилась. Однако куй железо, пока горячо. (*И громко туда, за дверь*). Сейчас, девы! Дайте рожу хоть сполосну. А денежки брать?

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ (*в один голос*). Ну а как же!

ЖАНЕТТА (*туда им за дверь*). Ладно, гоните к Венере, я вас догоню.

Остается одна, стоит какое-то время в оцепенении. Смотрит в угол комнаты, откуда иногда является призрак Яны – Гамалии, подружки, ее двойника. И тут вслед за Яной – женой пакистанского миллиардера - возникает другая картина.

ЖАНЕТТА. Глядите, белый парус! Лазурный берег, призрак князя Монако. И это я там где-то, тоже княгиня, принцесса на горошине, Д'Артанян в юбке... И вот уже я напротив знаменитого замка Ифф. И где-то там же поблизости этот гениальный юноша – великий поэт Артюр Рембо, похороненный в яме для бедных... И все они: князь Монако, Д'Артанян в юбке, Артюр Рембо, все они заключены в одном ком-то, кто идет сюда сейчас этой легкой, танцующей, развинченной походочкой... Нет, это не отчим, а живой Абрамович в Монако и его белая, ослепительно белая яхта...

Дверь открывается – конечно же, это сантехник, отчим ее, Плутарх – первопричина ее ночных кошмаров и дневных потрясений.

ПЛУТАРХ. Ты еще не ушла? Эти на лестнице ждут тебя. На, вот тебе еще двести тугриков, с утраца подкалымил.

ЖАНЕТТА (*кивнув за дверь*). И кто же там?

ПЛУТАРХ (*иронично*). Подружки твои – «парижские гейши». Кадры Венерины. (*Смеется*). Хорош товар, экспорт-импорт. Не Венера, конечно, но венерическое в них что-то есть.

ЖАНЕТТА. Заруби себе на носу: друзей в интеллигентских кругах не бывает. Есть только общие интересы.

Жанетта выходит за дверь. На площадке - вся ее группа «СПГ (парижские гейши)». Непривычно тихие, словно кем-то ушибленные. И вдруг словно черти раздирают Жанетту.

ЖАНЕТТА (*отчаянно, на всю лестничную площадку*). Ну что, девочки! Венерину любимую, что ли, какую поет Агузарова?

Ах, Калифорния – рай...

Шампанское и ананас, -

Рекой польются деньги...

Вот они, денежки (*трясет Жанетта кошелечком*). Венере на шампанское...

ДИМА ЕРОХИН (*появляясь в дверях и подхватывая вместе со всеми*).

За дипломы и апломбы,

За дипломные,

За сезон дождей, дожди обломные...

ЖАНЕТТА. Вы зачем здесь, Дмитрий Васильевич?

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Венера послала. Вас проконтролировать.

Не обращая внимания, девицы подхватывают хором на все общежитие:

Эх, Калифорния – рай...

Рекой польются деньги...

ПЛУТАРХ (*просунувшись в дверь*). Звезды, чего спать не даете, дуры! В каждой сидит ночной человек, Венеры Милосские!

Сцена четвертая

Перед спектаклем. У входа в провинциальный театр. На ступеньках Жанетта Бредецкая с алой розой в руке - над головой. Высокая, стройная блондинка, с распущенными кольцами волос по плечам. Она пришла сюда первой и замерла в ожидании гостей из Реймса. Их должен привести сюда Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич. С утра водит французов по городу, показывает местные достопримечательности.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Почему его-то назначили? Формальный подход: доцент, язык знает? Зато она - женщина. В театр Инна пригласила не кого-нибудь, а тебя! Это ее идея, у нее связи с артистами. Они дают контрамарки Инессе. Гости – четверо: трое студентов и один, кажется, молодой преподаватель... Эрик, Эрик Шансон, кажется... Конечно то, что Дима водит гостей по городу, - заслуга Инны Алексеевны. Дмитрий Васильевич в недавнем прошлом – студент, тоже их выпускник. Именно у Инессы Дима писал курсовые, диплом. И именно Диму Инна Алексеевна натаскивала по переводу. Инна Алексеевна – талант, гений разговорного языка, у нее это в крови. А ведь ни разу не бывала во Франции, в прежние времена была у Червончика невыездной. Зато детей начальства, кого надо за границу отправить, Червончик пристраивает именно к ней. Щепетильна, антикоррупционна, берет плату строго по таксе...

Жанетта переступает с ноги на ногу, еще выше поднимает над собой алую розу, собираясь, стоя на порошках, кого-то приветствовать. Но это другая группа, другие студенты.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Бьюсь, как рыба об лед, работаю над языком, а все как в песок. Если всерьез строить жизнь, рассчитывать на Париж, без Инессы не обойтись. Однако она на меня ноль внимания. Это первый звоночек – приглашение на спектакль... шанс надо не упустить...

Неожиданно откуда-то сбоку возникает раскрасневшаяся Инна Алексеевна. Несмотря на возраст, она как всегда, элегантна. Сколько ни бывает французов на кафедре, именно ее выделяют, признают у нас тут настоящей французской.

ЖАНЕТТА (*бросаясь к ней с розой*). О, вы, Инесс, как всегда, «комильфо»!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*сдержанно*). Розочку, ма шер, побереги для гостей, вручишь господину Шансону. А волосы могла бы и не делать так вот, мелким «барашком».

ЖАНЕТТА (*потупя взор*). Но, Инна Алексеевна, дорогая, я же красивая, да? Смотрите, какая я высокая, стройная, какие у меня ровные, длинные ножки и фигурка ничего себе... А сколько у меня поклонников...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*заканчивая фразу*). И не разбрасывай волосы откровенно так по плечам, моя дорогая. Сдержанность – принцип... А-а, вот и сам господин Эрик Шансон... Как это мило зовут вас, шарман, музыкально, сама музыка слова, се бьен.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Инна Алексеевна говорит быстро-быстро, сыплет горохом, однако по-русски. Ерохин, который целый день водит гостей по городу, не выходя из роли, говорит уже по-французски.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*в длинном белом пальто, улыбаясь*). Первый день, и прямо в театр.

Дима Ерохин пытается провести рукой по блестящим кольцам волос на плечах Жанетты.

ЖАНЕТТА (*отстраняясь от него, бросается к господину Шансону, по-дает ему розу*). Си ль ву пле, месье. – Это для вас, Эрик.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Так и сидели они в полукруглом уютном зальчике театра по-двое: Жанетта с Эриком, Инна Алексеевна с Димой Ерохиным и где-то, двумя рядами выше, остальные французы – из департамента Шампань-Арденн.

Кажется, ставили классику – Бунина или Тургенева. Расковавшись и для себя неожиданно, Жанетта пытается говорить быстро-быстро, почти как Дима Ерохин. Сама не совсем понимая, о чем она говорит. Только бы не молчать, не перервать ниточку, тоненькую такую, возникшую между ними.

ЭРИК (*держит ее руку в своей*). Кто вас так назвал – Жанетта? Это что – в честь Жанны Д'Арк?

ЖАНЕТТА. Моя деревенская бабушка, она у нас словотворица.

ЭРИК. Как это... словотворица? Экривен – писатель, она артистка, художник?

ЖАНЕТТА. Взяла два слова и сделала одно: ЖАННА и АНТУАНЕТТА.

ЭРИК. О, Антуанетта – королева Франции с печальным лицом. Зачем так печально?

Так и сидели – вдвоем, молодые, уже не слушая никаких слов со сцены. Просто не было никакого спектакля перед глазами, были у каждого свой спектакль, своя драма в душе.

ЖАНЕТТА. Реймс – это еще и Артюр Рембо, неспа – не так ли?

ЭРИК. Шалон – главный город департамента. Прах поэта перенесен из Марсея в Шарлевиль.

Вот «Зимние грезы» Рембо.

«Зимой мы едем в розовом вагоне,
Подушки голубые для меня в раю!
И я ищу губами под покровом
Уж с вечера, ту спутницу мою».

«Первый вечер».

«Она была раздета взглядом,
А за окном деревья наги».

И это было рядом, рядом,
И близко-близко на бумаге».

После спектакля Жанетта Бредецкая бросилась провожать Эрика в его резиденцию – общежитие университета. И провожала его до утра.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*на другой день после спектакля, спрашивая Жанетту*).

Что такое классика, знаешь?

ЖАНЕТТА (*подумав*). Раздельно. То и то. Театр и кафедра, игра, но раздельно. Это – радость! А то – удовольствие. Это в нас, а то – в них. Никогда не насытятся, все им мало (*вздохнув*).

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ты – счастливая, еще молодая. Но уже разочарованная. Прошла через все.

Сцена пятая

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Заседание кафедры. Как всегда, рутинные, учебно-методические вопросы и, как всегда, после всего чей-нибудь День рождения. На сей раз опять двух Татьян: секретарши Кирюхиной и доцента Базельской. Тайный ход Велиховой: чтобы вопросы прошли перед тем без сучка, без задоринки.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*энергично*). Итак, в конце концов, все решено, отражено в протоколе. Кто «за»? Кто «против»? Кто «воздержался»? Принято единогласно... С французами небольшой нюансик. Инна Алексеевна, после театра господин Шансон куда-то исчез. Официально поехал в Москву, а его видели в соседнем регионе. В гостинице, в какой-то рабочей одежде, с накладными усиками.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Шпиономания какая-то! Все нам шпионы мерещатся!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СПИНЫ. Да не шпиономания, не сети шпионажа, а рыбка в сетях... Видели, говорят, там же и в то же самое время – кого бы?

ГОЛОСА ЧЛЕНОВ КАФЕДРЫ. Да кого?.. кого бы?.. кого?..

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. А нашу студентку... Жанетту Бредецкую... Bravo, скандал какой-то, международный конфликт.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*строго*). Вы что – с ума посходили? Нам это нужно?

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*туда же, в угол, где сидят ее постоянные сторонники - «сателлитки»*). Молчите, с придурью!.. Вам спасибо за информацию, а вам, Инна Алексеевна, за позицию. Действительно, нам это не нужно!

И последнее (*уже другим тоном*). Подумать надо над списком: кого из выпускников посылаем во Францию, на стажировку. Теперь так: остальные из других вузов города. Хорошенько продумайте и внесите свои кандидатуры.

На другой день в рекреации факультета, встретив Жанетту и отозвав ее в сторонку.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ну и где же ты была, Пенелопа? Семинар по лингвистике пропустила, как и лекцию по грамматике.

ЖАНЕТТА (*покраснев*). В деревне была у бабушки, бабушка заболела.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Передай привет бабушке, мама пусть выздоравливает. А сама завтра же приходи домой ко мне, телефончик мой знаешь? Спроси у Кирилла Лаврова или у Димы... Не гнись, в глаза смотри... Да бесплатно, бесплатно, ничего с тебя не возьму... Будем готовиться к Франции, конкуренция ужесточается.

ЖАНЕТТА (*оторопев*). Ясненько. (*И в сторону*). Хотя, конечно, как всегда. Утро туманное, все покрыто мраком неизвестности.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Еще через день. После занятий по языку студентки-выпускницы из группы «5 ПГ (парижские гейши)» доцента Базельской собрались, заметим, в отсутствие Жанетты Бредецкой. Тайком как-то - в уголке, под лестницей. Сгрудившись, стоят, косятся на Дмитрия.

ДМИТРИЙ (*в сторону*). А вы уходите, опять донесете что мы тут ее без нее самой обсуждаем, говорим про нее что-то не так. А вот давайте говорить так...

СТУДЕНТКИ. Да, девочки, видели, как она отвечала сегодня? На все вопросы та-та-та, как из пулемета.

- Ну и что?

- Как что? Кто-то с ней занимается.

- Ну и что, что! Все за денежки занимаются, даже у Велиховой есть дипломники.

- Ну нет! Если кто-то имеет доступ к вопросам, то на зачетах, экзаменах кто мы тогда, а? Дуры набитые, дубиноголовые...

- Кто же с ней занимается? Классный кто-то.

- Латынянка, небось, Инесса.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рынок, а у вас тут базар. Свободное развитие каждого – свободное развитие всех. Либерте, эгалите, фратерните – свобода, равенства и братство.

И еще через день.

ЖАНЕТТА (*устало*). Понедельник – тяжелый день. Хотя, по гороскопу, тяжелым бывает и вторник.

Раскрывает сумочку, заглядывает вовнутрь.

Ну-ка, что это? Конверт, письмо. Кто ей это подсунил? Ага, на конверте печатными буквами: «Жанетте Бредецкой». Написано левой рукой.

«Проститутка ты. Спишь со всеми подряд: с отчимом, бароном - барменом из бара напротив, а теперь и с французом этим – маркизом. Дождешься, сука! Когда-нибудь подохнешь от СПИДа».

Из конверта к ногам ее падает – что это? – презерватив.

ЖАНЕТТА (*схватившись за грудь*). О Господи! Кто же это? Отчим? Да, но откуда он про французов-то знает? Это кто-то из группы – «парижские гейши». Пять лет локоть в локоть присидели, наконец, узнаем друг друженьку...

Сумочка выпадает из рук Жанетты. Нечем дышать Жанетта упирается лбом в стенку, в дверной косяк.

ЖАНЕТТА (*не сдерживая рыданий*). Да за что они меня так? Что я сделала им такого... Боже! Сколько же в мире зла! Сколько ненависти! Так же нельзя! Просто жить невозможно так... кровью других!

Жанетта бьется о стенку головой, стекла дрожат. Слава Богу, в рекреации никого. Дело к пяти - обычное время заседания кафедры.

Сцена шестая

*«Рекреация факультета романской филологии. Объявление на двери:
«Заседание кафедры французского языка по техническим причинам переносит-
ся на следующий понедельник.»*

*Зав. кафедрой,
доцент В.В.Велихова».*

Жанетта тупо смотрит на дверь. Появляется латынянка Инна Алексеевна:

- О темпора, о морис! О времена, о нравы!

И уводит Жанетту отсюда куда подальше, на улицу.

ЖАНЕТТА (одна). На меня тучи надвинулись. Дома насели, давят улицы, город горит всеми своими окнами, все тычут в грудь тебе, насмежаются: «Гейша, проститутка». Уехать, забиться в угол где-нибудь на Тихом океане, скажем, на островок Питкерн, где до сих пор живут потомки капитана Бляя со своими метискаами. Во второй мировой войне, когда Япония потерпела поражение, вход себе в те же страны Юго-Востока, к их подземным кладовым, она пробивала своими гейшаами... Как у Пуччини, в опере «Мадам Батерфляй...»

Еду вчера в троллейбусе, а по стенке у старого магазина свастика аршинными буквами, вопли, призывы, проклятья. Свастика – это борьба партий, предвыборная кампания: «Страна без президента», «Общество без культуры», «Литература вне системы», «Поточное производство бомжей». Попытки цензуры... демократия сменяется анархией и даже монархическими лозунгами...

Кажется, все это сумасшествие во мне самой, все это из-за меня. Что-то во мне не так, стрелки не туда повернулись. Хочется закрыть голову руками и не смотреть никуда. Раньше этого за собой не замечала. Группа моя, эти «парижские гейши» дали понять. Это они подбросили мне письмецо...

Я не хотела этого, не хочу! Не люблю переворотов, потрясений! Хочу просто жить в стране, просто учиться, просто быть - девушкой, женщиной, матерью. Хочу просто иметь детей, воспитывать их, растить, быть спокойной за их будущее. Но те продвигаются на Восток, а эти вопят, те и другие продаются, наживаются... Там на Мальте – дома, тут – запасные аэродромы... спецназ – внутренняя полиция...

ЖАНЕТТА (*возникая опять перед дверью все с тем же объявлением о заседании кафедры*). Что это я? С ума схожу, что ли? О чем я? Какой-то бред.

В понедельник будут решать судьбу мою – посылать меня во Францию или не посылать? Господи! Хоть бы кто-нибудь словечко замолвил... Не хочу никаких политесов, не хочу, не хочу! Надоело, сыты по горло, пусть выбирают в Госдуму хоть кого без меня. Я лично на выборы не собираюсь...

Через день. Утром. Лежа все там же, в своей постели, в той же позе, в своей комнатухе.

ЖАНЕТТА (*сладко потягиваясь*). Явь это или опять разыгрались фантазии? Какой же он обходительный, интеллигентия на босу ногу! Все шитокрыто. Свое, родное! Инесса говорит, русофобия это. И все-таки черные, восхитительные глаза! Так и ловит вопросы, понимает тебя с полуслова. И опять позвонил с утра по мобильнику. Вчера бродили по городу, заходили в кафе, правда, за мороженое платила я... Опять была с ним в гостинице...

«ОН. Какая у тебя молодая, шелковистая кожа. Я обожаю тебя, просто с ума схожу по тебе, Жанетт.

ОНА. А у тебя упругие, сладкие губы.

ОН. Хочешь, я прочту тебе стихи?

ОНА. Твой?

ОН. Одного русского, он написал их одной нашей студентке.

ОНА. Хочу... я хочу... я хочу...

ОН (*читая слегка нараспев*).

«Мы встретились, чтобы расстаться,

Друг друга боясь полюбить.

Француженка – тонкая грация

Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,

И будет окончено все.

О, это различие в нациях!

Вы, русские, странны, мусье...

Подрагивала паутинка

В ее пикардийских глазах...

Вот так и стоит среди зноя

С цветами, как огненный флаг»...

Кто это написал? Русский, кажется, Дмитрий? Да, да, Жанетта, это написал Дмитрий Ерохин. Кажется, так».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Еще через день. Понедельник, семнадцать часов. Заседание кафедры. Как обычно, вначале говорят о зачетах, подготовке к экзаменам, о курсовых, дипломных работах.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*после паузы*). И последнее: о кандидатурах для поездки во Францию.

Открывается дверь. Широко улыбаясь, появляется господин Эрик Шансон. Венера Васильевна вскакивает и с распростертыми руками спешит навстречу гостю.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*делая широкий жест*). Может, наш друг из Франции хочет что-то сказать?

ГОСПОДИН ШАНСОН (*в нерешительности*). Бьен сюр, безусловно, конечно, если позволите.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Се сертен, разумеется.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*сделав паузу*). У меня один маленький, как это, вопросик: почему человек с хорошим... как это... языкознанием, как... как Инна Алексан...

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*услужливо*). Про кого вы? Инну Алексеевну, да?

ГОСПОДИН ШАНСОН, О да, да! Инна Алексеевна. Почему ее, как это... уходят на пенсию, так? Она говорит, как француженка, бьен.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Ну, это поправимо. Как раз распределяем награды, все это мы предусмотрим.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*улыбаясь*). Се ту – все. Же вузем, желаю приятного отдыха (*обращаясь к Венере Васильевне*). Жатанд. Я жду вас... как это... в деканате.

Уходит.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*смотрит длительно вслед*). Ну, и какие предложения?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Первой предлагаю Бредецкую. В последнее время студентка много работала, я занималась с ней лично. Для карьерного роста ей просто необходима поездка в страну носителей языка.

И тишина.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*подбирая слова*). Вы так считаете?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Да, так считаю.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Никто не возражает, нет? Кого еще посылаем? Давайте определимся со второй кандидатурой.

ГОЛОСОК (*из угла, где сидят «сателлитки», кажется, голос Базельской*). Кирюхину давайте пошлем.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Кто против? Никто. Рекомендуем Бредецкую и Кирюхину. Повестка дня исчерпана. Мои дорогие, переходим к активному отдыху.

Сцена восьмая

Остановочных пункт километрах в пяти около города. Жанетта и Дмитрий Ерохин только что вышли из электрички. До села, сельской школы, где Бредецкая подрабатывает на полставки, еще километра три. Уезжая во Францию, Жанетта хочет представить Дмитрия директору вместо себя, чтобы ее отпустили без проволочек

ЖАНЕТТА (*щурясь на солнце*). Видишь, какое красивое название остановки – «Светская жизнь»! И дорога красивая. Вон за теми деревьями сразу же пруд. Прудочком, берегом, берегом – тут и школа. Деревенские дети благодарные, славные, не то, что городские – непоседы, бандиты. Я люблю детей своих, жалко их, Дима...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Всего на месяц? Ну, может, на два, неспа – не так ли?

ЖАНЕТТА (*приостанавливаясь*). Не знаю, не знаю... Может быть, может... (*Вздохнув глубже*). Покидаю, Дмитрий Васильевич, родные края, а на сколько – не знаю.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*оторопев*). А как-же м-мы с тобой будем, Жаня?

ЖАНЕТТА (*рассмеявшись*). Ну, что вы, Дмитрий Васильевич! Может, скажете, что любите меня? Имеете серьезные намерения?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, имею. А что, если я директором тут окажусь, что тогда?

ЖАНЕТТА (*расхохотавшись*). Сначала машину купи. Чтоб я пешком тебя сюда не водила.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, и куплю.

ЖАНЕТТА. Знаешь, Димочка, сколько надо... тут пробить директором... чтобы занять элементарный кабриолет?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Все шутишь, а я ведь всерьез.

ЖАНЕТТА (*ерничая*). Жанна – Жаня, так меня еще никто не называл.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Открою секретец: у меня уж почти готова докторская, ты ведь знаешь, какой я упертый.

ЖАНЕТТА. А я Д'Артаньян в юбке. Поставила себе цель: Париж завоевать. Для чего, по-твоему, поступают люди на французское отделение?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Деньги решают все. Хоть сто квартир покупай в Париже.

ЖАНЕТТА. Вот видишь? Им, значит, можно острова покупать, а нам и в Москве нельзя «прописаться»? Какие же это «либерте», «эзалите» и «фратерните»?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И кому это «им»?

ЖАНЕТТА. На днях передали по телевидению, кто-то из наших купил дворец в Лондоне. Второй после Вестминстерского.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что – во француза втрескалась? Так бы и сказала: влюбилась, мол, по уши в этого шансонье... в Джо Дассена, Жака Бре-ля, Ива Монтана... во все Елисейские поля...

ЖАНЕТТА (*кокетничая*). И в Эйфелеву башню.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*превращаясь в мальчишку*). А про артистку одну не слыхала? Тоже русская, вышла замуж за «Мулен Руж». И родилась у нее там девочка. И вот у гейши что-то там не заладилось... с «Мулен Руж» этим. Костюмчик один чего стоит: килограммчиков семьдесят – а ну на себе потаскай. А порхать надо бабочкой! Вот она и цурюк назад – в Россию, а ей дочечку родненькую, того, не отдадут. Говорят, тут родилась – значит, наша, французенка, имеет французское гражданство...

ЖАНЕТТА. Бабушка, Дима, надвое сказала.

ДИМА КРОХИН. Чья бабушка – твоя? Гуси Рим спасли?

ЖАНЕТТА. А меня спасать не надо. За мной, мальчик, не гонись.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

До школы они добирались порознь. Она – одним берегом пруда, он – другим. Встретились уже в кабинете директора, где и заключили временное соглашение. Однако нет в мире ничего временного, чтобы не стало в конце концов вечным. Но вечны у людей только Любовь, Свобода, Равенство и Братство.

* * *

Площадь перед университетом. Почти уж толпа собралась: из ректората, студенты, родители.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Во Францию отправляется частный автобус, двухъярусный «Икарус». Зафрахтован студентами, едущими на стажировку, и туристами. Едет народ предприимчивый, шустрый: хватануть воздушку за «бугром». Для товара в автобусе выделен специально грузовой отсек. Каждому пассажиру дается еще одно место рядом. Жанетта, например, доверху наложила книг – свои любимые, самые-самые. Кирюхина отдала свое второе место Венере Васильевне. Кроме студентов, та прихватила всяческий «дефицит»: главное – утюги, чтобы «гладить» Европу вдоль и поперек.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА (*пропуская Жанетту на переднее место*). А то такой анекдот – старый, но, по-моему, подходящий. Значит, так. К случаю. Так вот, собралась за границу компания: два еврея – для коммерции, два грузина – для инерции, два бурята – для заполнения штата и один русский (это я, водитель) из другого клана – для выполнения плана.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*строго, автовладельцу*). Гляди, дорогой, в оба. А то не дай бог бутылки нам тут переколотишь... с «рашен водкой»...

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА (*выглянув в дверь*). Ого! Сколько народу! Вся площадь забита. Во Францию, глядите-ка, как на фронт провожают.

ПАССАЖИРЫ (*с разных мест*). Типун тебе на язык... Вот и дождь забусил – побежали слезки по окнушкам, брызги какие-то...

ЖАНЕТТА (*бросаясь к двери*). Вон она, мама моя, мамочка! Прощай, моя дорогая, любимая!

Выбегает из автобуса. Перед Жанеттой возникает Отчим. Пытается притянуться ее к себе, чмокнуть в щечку.

ЖАНЕТТА (*оттолкнув его*). Мама где, мамочка?

ОТЧИМ (*растерянно*). В Москву увезли... на профилактику...

ЖАНЕТТА (*в толпу*). Прощай, Родина! Русские гейши рванули в Европу!

Заметив Дмитрия Васильевича, стоящего в отдалении.

Глаза-то какие! Просто дождь, просто ливень. Прощай Димон, Димочка!

Позади Москва, впереди – Париж... Ливень, ливень, капли жемчужные, брызги французского...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Париж. Елисейские поля. Маленькое кафе с видом на «Мулен Руж». За столиком – двое: Жанетта Бредецкая и Эрик Шансон. Наконец-то они вместе и где – в самом сердце Парижа. Сидят за столиком, молча смотрят в глаза друг другу. Хотя обоим много о чем надо сказать.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Как в знаменитой сцене Штирлица: встрече с женой. Вся музыка в нас.

ЭРИК (*оживясь*). Музыка, муза? Да, да. Се ля ви, это так.

ЖАНЕТТА. «Семнадцать мгновений весны», синема, ты смотрел?.. Ан, де, труа... дис сет – семнадцать... мгновений.. ди прэзантан – весны...

ЭРИК (*улыбаясь*). О ляля! (По-русски). «Семнадцать мгновений весны.» Я – русский разведчик, шпион, а ты – Мата Хара? Но нам хорошо? Хорошо, Жанетт? (*Завевая*). Се си бо...

ЖАНЕТТА (*улавливая и подпевая*). Ноги тоже ажур.. та-та, та-та, та-та...

ЭРИК. Мы кого-нибудь ждем?

ЖАНЕТТА. Почему?

ЭРИК. Ничего не заказываем.

ЖАНЕТТА. Гамалия – моя русская подружка, моя розовая мечта. Между прочим, живет тут, в Париже. Она посланник ЮНЕСКО от Украины.

ЭРИК. Пуркуа – почему от Украины?

ЖАНЕТТА. Муж ее – пакистанский миллиардер.

ЭРИК (*смеясь*). О, как это по-русски... Прихоть? Да? Что хочу – то вору, так?.. Официант! Розового шампанского...

ЖАНЕТТА. «Мадам Клико».

ЭРИК. Какого года?

ЖАНЕТТА. Года твоего рождения, шер – мой дорогой.

ЭРИК. У меня нет дня рождения. Я родился между годами, в високосном году. У меня свой календарь... ты меня понимаешь, ма шер – моя дорогая?

ЖАНЕТТА. Еще бы! У меня один друг в России... да ты его знаешь – Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич, он водил вас тогда по городу... У него тоже такой календарь. Составлен кем-то на конкурс... тоже ЮНЕСКО... идеальный календарь – для всех народов, религий и рас...

ЭРИК (*смеясь*). И для меня?

Принимает из рук официанта шампанское, ставит бутылки на столик между собой и Жанеттой.

ЖАНЕТТА (*шутливо щелкая его по носу*). Конечно, и для тебя, мой мужчина.

ЭРИК. Какая у тебя нежная, шелковая кожа (*эсмурит глаза от удовольствия*).

ЖАНЕТТА (*вскакивая*). Как я счастлива, как я счастлива, представляешь?! Я в Париже, на Елисейских полях! В окно вижу «Мулен Руж»...где-то рядом «Сакре кер»... Я тут с тобой, любимый... Уди-ви-тельно, как во сне...

ЭРИК. Все двенадцать месяцев по тридцать дней. Плюс к каждому поквартально еще один день – всего 364. В конце года – перед Первым жанвье (января) еще один день... А я родился в високосном году: это еще плюс один день, Жанетт...

ЖАНЕТТА. Я знаю, знаю! Это раз в четыре года, летом – между июнем и июлем... нулевой день...

ЭРИК. О! Я как раз в такой день и родился. В никакой. У меня нет дня рождения целых три года. Представляешь? Целых три года друзья платят за меня в кафе в свой день рождения, когда поднимают тост за мое появление на свет, ха-ха-ха.

Жанетта молча смотрит на дверь.

ЭРИК. Моя дорогая, ты чем-то беспокоена?

ЖАНЕТТА (*часто моргая*). Соринка, что ли, в глаз попала? Или под-вернулась ресничка?.. Мне почему-то вспомнилась Франсуаза Саган, ее роман «Немного солнца в холодной воде». И я, как Натали Сильвенер, тоже провинциалка в Париже, даже глубже – я из России... мне грустно...

ЭРИК. Но почему? У тебя много солнца, и ты совсем не в холодной воде, ты со мной.

Эрик берет левую руку Жанетты и прикладывает ее к своей груди, к сердцу.

ЭРИК. Слышишь? Она горячая, эта твоя луаза – птичка.

ЖАНЕТТА. Натали Сильвенер закончила, как наша Анна Каренина... тоже под поездом...

ЭРИК (*обеспокоенно, оглядываясь вокруг*). Почему все сидят, не танцуют? Официант, кельнер! У вас есть музыка? Что-нибудь русское... «Очи черные»...

ОФИЦИАНТ. Только это: «По Дону гуляет казак молодой»... «О чем дева плачет, о чем слезы льет?»

ЖАНЕТТА (*оживясь*). Нет, нет, это песня наших дедушек, бабушек. Вот!

Достает из сумочки мобильник. Включает.

Ага, из «Серебряного века»:

«Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском...
Крылолет буеров...»

Нет. Вот. Песня Агузаровой. Мы поем ее даже в студенческой аудитории, в перерыве между парами.

«Эх, Калифорния, Калифорния,
Рекой польются деньги...»

ЭРИК (*наклонясь к Жанетте, через столик*). А это что у тебя? Кес-кесе – что такое? Зелененькое.

ЖАНЕТТА (*слегка смутившись*). Это? А-а (*махнув рукой*). Это доллары,

фальшивые. Все девочки наши – парижские гейши – носят такие в сумочках. На счастье, как талисман.

ЭРИК (*смеясь*). О, бонэр, бонэр. Фальшивые деньги. Пакистанский миллиардер и фальшивые доллары... На, возьми от меня сто евро – настоящие.

ЖАНЕТТА (*отстраняя его руку*). Мне Гамалия принесет, сколько хочешь. У нее такого добра куры не клюют.

ЭРИК. Почему «не клюют»?

ЖАНЕТТА (*рассмеявшись*). Потому что это наши куры, русские, а у вас Гальский Петух все клюет. Все подряд, подчистую. И все ему мало, мало.

ЭРИК. А у вас всего много?

ЖАНЕТТА. Се сертен, конечно. Один Красноярский край – семь Франций по территории. От Китая до Северного полюса.

ЭРИК. Как оживилась ты! Глаза горят, щеки розовые. Та птичье пюс, делье де синь – как эта блондиночка моя, голубоглазая...

ЖАНЕТТА. Да, оживилась, рада! Вон и моя подружка, видишь, стоит у двери? Какая красавица! Гамалия – жена пакистанского миллиардера, она же Яна Шмаренкова – двойник мой, моя розовая мечта.

Сцена вторая

Реймс, департамент Шампань – Арденн. Общежитие местного университета. В комнате двое: Жанетта Бредецкая и Наталья Кирюхина, обе из России, выпускницы провинциального университета, находятся тут на стажировке, переводчицы.

ЖАНЕТТА (*приподнимаясь в постели*). Господи! Опять этот призрак, что ли? Неясная какая-то тень моей мамы. Вошла в распахнутое окно, а вышла в закрытую дверь. Печальная, лицо какое-то зыбкое, водянистое, что ли. Рука на черной косынке, на перевязи, неужто сломала руку? Мамочка, мама, что с тобой, тебе плохо? Откликнись, тебя уже выписали из больницы или ты еще там, в хирургическом корпусе?.. Где я? Начинаю путать Россию с Францией, свой город с Реймсом, свой собор – Михаила - Архангела - с Реймским кафедр-

ральным, готическим. Были в нем вчера с Эриком. Как и обещал, он повел меня туда, в этот собор, со знаменитыми цветными витражами – самыми выдающимися во Франции, а может, и в мире.

Надо же, тут короновали французских королей! Когда Эрик подвел меня к этому месту, я словно почувствовала на своей голове корону. Одна из русских княгинь – из Киева, что ли, – была когда-то королевой Франции. Господи, страшно подумать даже! Тут хотя бы вместе, рядом бы, заодно постоять под венцом с Эриком... Нескончаема традиция, кому как повезет. У Сальвадора Дали жена была русская – Ольга Хохлова, а у Пикассо – своя муза, свой идеал – Галла...

Мама, мамочка! Мама ушла в эту дверь, а цветные витражи Реймского собора – эти шедевры зодчества – так и остались сиять... А эта гейша дрыхнет, как ни в чем не бывало...

Жанетта с отвращением, почти с ненавистью, смотрит на Кирюхину Наталью – свою соседку по комнате.

Уже третьи сутки спит, как сурок. Никуда не ходит, ничего не видит. Таких русских тут, как и в Турции, зовут «Наташками». Представьте себе, я не Жаннетт, а Наташка... наших еще тут двое, этажом выше. Тоже на стажировке, правда, из другого университета. Остальные туристы в соседнем общежитии, менее комфортабельном. У Венеры комната на одну персону... они уже собираются уезжать, скоро уедут. Венера рыскает по магазинам, ищет вино – чтобы хорошее было и подешевле. Возит домой – в свой университет, поит свою клиентуру...

Надо ей подсказать, где это: на самой окраине, от центра, по дороге на консерваторию, за Дворцом наций. В сорок пятом союзники, кроме нас – советских, тут подписывали первую капитуляцию гитлеровской Германии. Годовщина, что ли, какая – уже по городу развешаны флаги стран – победительниц...

Раздается сигнал мобильного – «Алкатель», французского производства. Исполняется неаполитанская песня «Скажите, девушки». Кажется, ее поет Лючано Паваротти, а там у них, дома, – Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич, это когда он в хорошем настроении.

ЖАНЕТТА (*нажимая кнопку, автоматически по-русски*). Да, я слушаю (*тут же переключаясь*). Уй, же кут – я слушаю! (*обрадованно*). Эрик! (*тут же прикусывает язычок, с опаской смотрит на соседнюю постель, на спящую Наташу*). Сейчас выхожу, сейчас...

Быстро, быстро одевается. И, небрежно, мазнув по губам помадой, даже не взглянув в свое зеркальце, бросается к двери. На лестничной площадке останавливается.

ЖАНЕТТА (*хватаясь за голову, морщась*). Как бы могла выходить моя мама? Отсюда и прямо в Россию, из общежития в общежитие?

(*В сторону, более реально*). Эрик ждет меня в условленном месте. Где-то почти в зарослях, как он говорит, «Булонского леса». Мне кажется, в России наши отношения с ним были даже более легализованными. Там мы с ним гуляли по улицам, ходили даже театр. Тут же он меня постоянно скрывает... Я как-то уловила, у Венеры мелькнуло: у него трое детей, и все трое - мальчишки дошкольного возраста. Он ими безумно гордится, во Франции любят детей...

Во всяком случае, где-то читала, сразу же после войны, когда надо было поднять демографию, сделать населению рост, перед женщиной с детской коляской, переходящей улицу, хоть полчаса на перекрестке мог стоять сам президент де Голль... Сейчас всюду «арабы», даже тут в общежитии – выходцы из Алжира, Марокко... Целые пригороды Парижа заняты ими, это как гетто... А для простого француза город для проживания дорогой. Так говорит Эрик, так говорят все, в том числе и уборщица в их общежитии. Она из Ливии, черную работу делают черные, белые – граждане Франции – получают субсидии. Система социальных выплат тут ахреновенна. Не работаешь год – платят, живешь безбедно, по-нашему даже хорошо. Подошел срок окончания выплат, поработал с месячишко – бросил. Опять перебираешь предлагаемые работы – не надо, не по тебе, не подходит, не по твоей натуре и квалификации... И опять то же самое, пошел на второй круг, на третий... И так до социальной пенсии, которая тоже ничего себе... Тоже не то, что у нас...

Ничего не скажешь, Европа, «золотой миллиард».

Жанетта зябко передергивается всем своим гибким телом, поднимает стоячий воротничок. Все же март – месяц, и тут еще холодно, как подует с Атлантики.

ЖАНЕТТА (*морицась*). Пальто доходное уже, надо куртку купить. А-а, - машет рукой. – Обойдемся, пока молодая... Интересно, а сколько лет жене Эрика? Бальзаковский возраст – дело растяжимое... И все же, как зовут госпожу Шансон, ее имя? Тоже тайна, а спросить – стыдно, «берлинская стена», какую давно уж сломали, все иногда против нас. А те двинули на Восток. У них с Эриком «стены» нет, но что-то между существует, однако...

ЖАНЕТТА (*замечая Эрика за кустом дикого винограда и бросаясь к нему в объятия*). О, Эрик! Я не могу без тебя!

Сцена третья

Реймс. Общежитие университета. У входа стоит «Икарус». Завтра русским студентам во главе с Велиховой отправляются этим автобусом обратно к себе в Россию. Останутся только четверо: Жанетта Бредецкая с Натальей Кирюхиной и еще двое, из другого университета.

Появляется Жанетта. К ней тут же подбегают подружки из «5-й ПГ (парижские гейши)».

ОДНА ИЗ НИХ. Ой, Жанетточка, Жанна! У тебя деньги есть? Евро, евро. Мы иссякли. А тут такой «зайчик» подвернулся... ну шапочка, шапочка с ушками... в одном магазинчике. Вот, видишь? (*одевает*). И ей (*показывает на подружку*) такую же хочется. Двадцать евро, всего двадцать... Жанетточка, ну займи, дай двадцать евро. Мы тебе, как только приедем, сразу вышлем... Как получим стипендию... у родителей выможем... ей богу, сразу же...

ЖАНЕТТА (*доставая кошелек, отсчитывает последнее*). Ладно, перебьемся. Все же кормят тут, раз в день обедаем. С голоду не помру...

ПОДРУЖКИ. Не помрешь, не помрешь. Вон какая ты толстощекая, и фигура тоже ничего себе (*подмигивая*), подходящая.

ЖАНЕТТА. У Велиховой бы просили. Вот у кого денег, небось, как в госбанке.

ПОДРУЖКИ. Все. Выдохлась наша Венера Милосская. Накупила вина в бочонках - на весь, говорит, университет, на весь ректорат, деканат... на все подкупы и содержания...

ЖАНЕТТА (*показывая глазами на обслугу из столовой*). Молчите, дуры! Они же все понимают. Уже какой сезон сюда ездим. Наблатыкались и они тут по-русски.

«Парижские гейши» убегают. Появляется, важно вышагивая, господин Шансон. Он тут мэтр, профессор, от департамента по науке, человек официальный. Эрик в длинном белом пальто и с тростью.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*указывая Жанетте тростью на стоящий у входа «Икарус»*). Как это... восояси уже, а ля мэзон, домой?

ЖАНЕТТА (*вспыхнув*). А мы сейчас куда с тобой, Эрик? В собор? (*капризно*). Но, Эрик, Эрик, мы его уже посещали. Целых два раза (*показывает на пальцах*). И даже не постояли у трона, где королей у вас тут... венчали... Едем в Париж?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Мы с тобой, авек туа, его посетили, как это... трижды (*показывает три пальца*). Едем тогда в Шалон – главный город нашего департамента. А там и в Шарлевиль, к нашему великому юноше – Артюру Рембо. Ты же любишь литературу, поэтов, неспа – не так ли?

ЖАНЕТТА (*кокетливо*). Мне один молодой человек рассказывал, ученый один... молодой...

ЭРИК. Дмитрий Васильевич, Дима?

ЖАНЕТТА. Ну, Дима, Дима. Только я его не люблю, я тебя люблю (*протягивает его к себе, целует*). Так вот, Дмитрий Васильевич ездил в Москву, в главную библиотеку России. Приезжал господин Майор из ЮНЕСКО... испанец... господин Майор - гражданское лицо, не военный, просто такая фамилия. Господин Майор говорил, что Артюр Рембо был похоронен в Марселе, в яме для бедных... в общей могиле... И этот факт стал достоянием общественности, пресса вмешалась. Теперь прах Рембо лежит тут у вас, на его родине, в Шарлевиле. Едем в Шарлевиль...

ЖАНЕТТА (*решиительно*). Едем! (*И в сторону*). «Водит меня по закоулкам, кругами. Подальше от своего университета. Боится показать – француз, называется, первый любовник».

ЭРИК (*обеспокоенно*). Что ты, что-то не так?

ЖАНЕТТА (*дрожсащим голосом, но радостно*). Так, так, шери, мой дорогой. Едем в Шолон, идем в Шарлеруа. Урра-а! В зеленое кабаре.

«Я в восемь дней порвал свои ботинки,

Я в них сходил в Шарлеруа. И вот

Там, в кабаре зеленом, как с картинки,

Спросил я с ветчиною бутерброд».

ЭРИК. И кто это перевел? Все он, твой Дима, Дмитрий Васильевич?

Шолон – главный город департамента Шампань - Арденн. Жанетта подхватывает Эрика под ручку, стараясь идти с ним в ногу, попадает в такт его широкому шагу.

ЭРИК (*освобождаясь от ее руки*). Не надо, Жанетт, не играй.. как это, в русскую рулетку? Я тут фигура даже больше, чем в Реймсе. Я тут как это... начальник по науке от департамента. Департамент тут... при университете, а университет там...

ЖАНЕТТА (*смеясь, радуясь солнцу, ветру, своему ощущенью свободы*). Я тут совершенно счастлива. Вообще, как Кармен, люблю Бизе, тореадора...

ЭРИК (*подхватывая за талию, держа ее перед собой*). А я – Пушкина, я – Алеко, и я люблю Земфиру, русских, русскую, тебя, шарман, моя дорогая.

ЖАНЕТТА (*освобождаясь от его объятий и становясь на ноги, на твердую почву*). А почему главный город департамента не Реймс – Реймская область, а Шолон?

ЭРИК. У нас имена департаментов – от рек, гор... Арденны...

ЖАНЕТТА. И Шампань, Шампань! Брызги французского...

ЭРИК. Regarde, видишь? Это старая мельница в Шарлевиле. Была никому не нужна, заброшена. Теперь тут интерактивный музей Артюра Рембо. Мы гордимся великим юношей, земляком, перезахороненном тут поблизости, в

Шарлевиле. За три года в поэзии пройти три эпохи, третью - поэты мира никак не пройдут до сих пор... И разочарованный, горький, всего в двадцать лет, он бросил поэзию, уехал в Африку и занялся продажей оружия и работоторговлей... и умер от разочарований...

ЖАНЕТТА (*читая нараспев*).

«Такой счастливый, вытянул я ноги
Под стол зеленый. Просто созерцал
Сюжеты вышивки. Вдруг кто-то на пороге.
Глаза такие, блеск живых зеркал!
О поцелуй! Какой во мне живет...»

ЭРИК (*наклоняясь, целует Жанетту и уже за нее продолжая сонет*)

«Смеясь, она несет мне бутерброд!
Он с ветчиной, он на цветном подносе.
Розово-белый слой и пахнет чесноком»...
Вот и полянка за мельницей. Ландшафт.

В мгновение ока Эрик достает из саквояжа бутылку шампанского.

ЖАНЕТТА (*восхищенно*). Розовое – мое любимое!

И оба (читая уже вместе, во весь голос).

«Над кружкой пива облако проносит,
Луч солнца золотится далеко».
Да здравствует АртюР Рембо!
Да здравствует все поэты Земли!
Либерте! Эгалите! Фратерните!
Жетэм.

Сцена четвертая

Дорога из Шарлеруа. На дороге двое: Жанетта Бредецкая и Эрик Шансон. Возвращаются в Шалон – главный город департамента Шампань – Арденн, путем описанным Артюром Рембо.

ЭРИК ШАНСОН. Я уж забыл, когда и ходил пешком. А тут иду с тобой, и мне так хорошо.

ЖАНЕТТА. Поэт заставляет каждого вспомнить, почувствовать себя молодым, пережить себя заново.

ЭРИК. Что, моя дорогая?

ЖАНЕТТА. Эрик.

ЭРИК. Моя дорогая, о чем?

ЖАНЕТТА. Я, например, уже не ощущаю языкового барьера... Эрик.

ЭРИК. Моя дорогая, у тебя соленые губы.

ЖАНЕТТА (*нараспев*). «Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе.»

ЭРИК. «Розово-белый слой и пахнет чесноком».

ЖАНЕТТА. Эрик! Я чувствую, это все скоро закончится... Они уедут сегодня, чуть позже я...

ЭРИК. Ну что ты, Жанетт! Я уже принял меры, оформил тебе стажировку на год.

ЖАНЕТТА. И Кирюхиной?

ЭРИК. Да, и Кирюхиной.

Пауза длится слишком долго. Гнетущая тишина.

ЖАНЕТТА (*наконец-то*). Весна-а. Видишь лесок? «Он молчит! А у нас в это время леса полны птиц, и птицы поют, представляешь?»

ЭРИК. Я понимаю. Тебе хорошо. Но ты как конфетка: в золотой обертке. А тебе хочется леса, свободы. Я знаю такое средство, оно одно... Но пока я не могу тебе этого дать. Отдадимся же власти стихии, жизни. Время покажет. Все поэты говорят: к таланту надо иметь еще и терпение...

ЖАНЕТТА (*оттопырив капризно губку*). Но почему, почему?

ЭРИК (*живо*). Что – почему?

ЖАНЕТТА. Артур Рембо... ведь гений, а был так нетерпелив. Он же оставил поэзию.

ЭРИК. За три года поэт прошел три вечности, разве этого мало? «Пьяный корабль» - это целая жизнь, его Одиссея. Молодой, прекрасной юноша во круг старушки Европы, Жанетт! Я не могу пока, не могу! Ты меня понимаешь?

Это надо выстрадать... вдвоем с тобой, нет, втроем... еще и с Рембо на его корабле... вокруг старых привычек, старушки Европы...

ЖАНЕТТА (*голосом полным отчаяния*). Ты не любишь меня! Ты хочешь иметь сразу двух: жену и меня... хочешь растлить меня, бросишь потом на панель...

ЭРИК. Ну что ты, что ты, Жанетт! У нас с тобой не роман, у нас с тобой... жизнью такой живут многие...

ЖАНЕТТА. А я не хочу. Я хочу каждый день, каждый час, всего тебя, а не по частям.

«Я знаю: жребий мой измерен.
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я завтра должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я».

ЭРИК. Пушкин?

ЖАНЕТТА. После тебя твоя Жанетт будет только доживать свою жизнь.

ЭРИК. Тебе хочется жить в Париже? Это тебя удовлетворит?

ЖАНЕТТА. Говорят, я - Д'Артаньян в юбке. Ты напишешь мне рекомендательное письмо к господину де Тревилю? Моя розовая мечта – подружка Гамалия, жена пакистанского миллиардера... Все же жена... а я любовница твоего департамента по науке... всего Шолона...

ЭРИК (*улыбаясь*). Еще и поэта Артюра Рембо, и меня лично. О, Жанетт!

ЖАНЕТТА (*горько*). Гала-концерт! Концерт отменяется, Гала остается.

Сцена пятая

Париж. Комнатушка на Монмантре, где вечно обитают бедные студенты, художники, пока не выберутся наверх. Комнатку снял Жанетте Эрик.

ЖАНЕТТА (*глядя в маленькие окошко*). Птичье гнездо. Даже Сакре Кер не видать. Чтобы увидеть храм, надо спуститься вниз. «Святое сердце» всегда высоко, сияет своей белизной.

Он снял мне эту очаровательную комнатушку, чтобы ко мне сюда приезжать, приходить. Чтобы я ждала, изнемогала, любила... Сказал, что-то при-

думает, что?.. У меня ни гроша. Лежу, голодная, вот уже трое суток. Хорошо, что есть выучка - студенческая, еще российская.

Когда мне совсем плохо, звоню маме. Этому «малышу» *(она достает из кармана мобильник - «Алкатель», французского производства)* расстояние ни по чем. В море, космосе, шахте, в Париже – всюду человека достанет. Вот кому золотой памятник надо ставить – кто изобрел мобильник...

ЖАНЕТТА *(набирая любимый номер)*. Мама, мамочка! Это я, твоя непутевая. Я – в Париже, у меня все хорошо, даже замечательно, ты за меня не волнуйся, у меня лучше некуда... некогда, некогда... Ну я закругляюсь, целую тебя, моя родненькая. Да! Мои финансовые дела скоро пойдут на поправку. Обещал один человек, которому можно верить... Все.

Жанетта отрывает ухо от «Алкателя». Смотрит перед собой в пустоту. Скрипят порошки, раздаются шаги.

ЖАНЕТТА *(насторожась)*. Что это – шаги Командора? Нет шаги Командора скуповаты, тяжки. А эти семенящие, легкие – лисьи...

Сцена шестая

Жанетта сидит, опершись о столик перед окном. Кто это, что?

ЖАНЕТТА *(в сторону)*. Эрик ходит не так. Я слышу шаги его еще с третьего этажа, они широкие, четкие. Хоть и в них тоже какая-то потусторонность, надрыв. Притом Эрик предварительно позвонил бы... Он был тут три раза, каждый раз они не могли расстаться, всякий раз он оставался с ней до утра. «Какая у тебя белая, нежная, молодая, шелковистая кожа! Какие длинные, кольцами волосы по плечам, как у Марии-Антуанетты». А Инесса, Инна Александровна, говорит, что это вульгарно... в последний раз он оставил тут этот галстук. Он и сейчас висит на гвоздике, у окна...

Стук в дверь повторяется. Кто-то из тех, кто точно знает, что она тут, никогда никуда не девается, ждет.

Жанетта, наконец, встает, открывает. Перед ней стоит эсеница в черном – не старая еще, бальзаковского возраста, лет за тридцать, около сорока.

ЖАНЕТТА (*машинально по-русски*). Вы ко мне?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*по-французски*). Да, к тебе! Я узнала твой голос.

ЖАНЕТТА (*усмехнувшись*). Ах, это вы звонили вчера, я тоже узнала. И откуда номер у вас? Ах да, он забывчив. Он записал мой номер и положил в карман пиджака. А вы как всякая добропорядочная жена лазите по карманам.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Наташка! Как это... сука... Это вы, русские едете сюда чтобы чистить карманы нашим мужьям, вы спите с ними... вы...

ЖАНЕТТА (*слушает молча*). Да? Вы так считаете?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*бросая кошелек на стол*). Вот тебе деньги! Чтоб не шла на панель. Чтоб муж не принес домой дурную болезнь...

Жанетта слушает теперь уже молча.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Вы, русские, ничего не можете сами! Вы претесь сюда к нам, в Европу! Ваша Россия нищая, прогнила...

ЖАНЕТТА (*уперев руки в бока*). Но-но, Россию не трожь! Русофобии не потерплю! *И бьет наотмашь женщину по щеке.*

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*в крике*). Я детей своих защищаю! Семейный очаг!

ЖАНЕТТА. А я Родину! И любовь.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*заметив галстук на стене*). Да вон же, вон его вещь! Так он, действительно, был тут! Был!

ЖАНЕТТА. А ты как думала? Все это шуточки? Это – любовь. Держат мужей не цепью, а сердцем... Вот тебе галстук и пойдя удавиться...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Какая злая! Приехала к нам и такая злая!

ЖАНЕТТА. Мы до поры до времени добрые. Но тут голос свыше! Божий! Ты знаешь хоть, что такое любовь?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ, ЖЕНА ЭРИКА. Я – мать, у меня трое детей.

ЖАНЕТТА. А у меня жизнь после этого к чертовой матери! У меня не будет троих детей, не будет, может, ни одного!

ЖЕНА ЭРИКА. Я принесу тебе много денег, еще и еще. Только уезжай отсюда обратно к себе в Россию, оставь моего мужа. Ты – ведьма, ты – темная сила, с тобой Эрик будет несчастен, а мы все... и дети мои... погибнем....

ЖАНЕТТА (*решительно*). Вот тебе твой кошелек! Вот тебе мои порожки! И дуй отсюда к себе в Иордань!

ЖЕНА ЭРИКА. Куда?

ЖАНЕТТА. До хаты валяй. К своей собственности – к мужу. У нас такого добра навалом. Прислал жену семью свою защищать. Стратотерпец...

Женщина в черном уходит. Жанетта снова одна.

ЖАНЕТТА. Ах, Жанетт, Жанетт! Этого тебе еще не хватало – русско-французских страстей!.. Какой смысл теперь тут сидеть, ожидаючи? А может, все-таки объясниться? Раз и навсегда, но зачем? Пора степной кобылице и в стойло – в Реймс свой, в университет, поближе к столовой. А тут сдохнешь с голоду, и тебя, как Рембо, отволокут за ноги в яму для бедных... Адье, мадам (*делает прощальный жест ручкой, за которой только что исчезла Женщина в черном, и начинает собираться*). В Реймс, так в Реймс! Поближе к телу... Однако что же это я – бросаю Париж, свою розовую мечту? В прошлый раз Эрик мне на этот счет кое-что обещал: прислать какого-то человека, нужного человека. Подождем? Не под дождем.

Жанетта возвращается в исходное положение, - ложится, обутая, на застеленную постель.

И опять шаги. На этот раз твердые, конечно, мужские. Стук в дверь.

ГОЛОС КРЕПКО ПОСТАВЛЕННЫЙ. От господина Шансона.

ЖАНЕТТА (*путаясь с дрожащей цепочкой*). Проходите.

ВОШЕДШИЙ. Грохотайло Филипп. Русский, из Москвы. Мульти-миллионер.

ЖАНЕТТА (*иронично, беря себя в руки*). А почему не пакистанский миллиардер? Или хотя бы Абрамович прямо с Чукотки в Париж на своей белой яхте?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Я серьезно. Мне нужна переводчица. Обратился в Реймс, в университет, к своим людям – вас порекомендовали. Говорят, дипломированный переводчик. Кроме того, обладает шармом, умеет людей притягивать.

ЖАНЕТТА (*начиная оттаивать*). Кто это вам сказал? Господин Шансон?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Фирма веников не вяжет. Абсолютная тайна.

Заводим дело в Париже. Туристическая фирма. Начинаем с Монмартра – с самых бедных, так сказать, с обездоленных, нижних слоев.

ЖАНЕТТА. А, пирамида, значит.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какая?

ЖАНЕТТА. Хеопса.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Кто такой, где живет?

ЖАНЕТТА. В Древнем Египте, пакистанский миллиардер.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Послушай, ты мне, девочка, нравишься. Если ты по-французски чешешь так же, как по-нашенскому, то у нас склеится, дело пойдет. Ну, и кто же ты, социальное происхождение?

ЖАНЕТТА. Мата Хари, шпионка. Прислана сюда для укрепления.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Это хорошо, даже замечательно. Мы тут устроим им фейерверк. Деньги у меня есть... Для начала снимем комнату где-нибудь в районе Эйфелевой башни. Господин Шансон обещал помочь с оформлением.

ЖАНЕТТА. Спасибо, товарищ Бендер.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. За что?

ЖАНЕТТА. Спасает меня от панели.

Сцена седьмая

Офис московского мультимиллионера в Париже, где-то в районе Пале Рояль. Квадратная комната, в которой постоянно обязана быть, можно сказать, как исполнительный директор Жанетта Бредецкая.

ЖАНЕТТА (*поясняет, держа наотлет телефонную трубку*). Это, как у нас в России, «Рога и копыта». Нас всего двое: я и Генеральный директор – этот Филипп Грохотайло, вечно живой. Он пропадает вечно, шастает по значным местам Парижа. Является частенько вечером, даже к ночи. И под шафе. А ты тут торчи, сиди на телефонных звонках, которых, по правде, тоже нет, но это так считается: отвечать на звонки, принимать посетителей. Считается, что Генеральный бегаёт по конторам, оформляется, а ты ему тут расписывай всякую бумаженцию, переводи с московского языка на парижский. Бюрократия есть бюрократия, везде одна, с них рисуем.

Иногда кое-кто попадет в сети, по объявлению. В основном русские. Или бывшие русские во втором, шестом поколениях. Не Клондайк. Вот и на этот раз звенит колокольчик, кто-то входит: мужчина, средних лет, представительный.

ЖАНЕТТА (*вставая*). Вы к нам? Это туристическая фирма, филиал от Москвы. Мы только открываемся, начинаем набирать обороты... Вам куда надо - ехать, плыть, лететь?

МУЖЧИНА. В Рио – де – Жанейро – розовую мечту моего детства. Я – русский консул. Прохожу мимо, думаю: дай зайду... А тут такие силы, симпатии, наши люди...

ЖАНЕТТА. К сожалению пока, кроме стран СНГ, ничего предложить не можем. (*Автоматически*). Заходите, звоните.

Мужчина уходит. Появляется старая женщина – живая, подвижная, как ртуть.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Я – туристка, пенсионерка. Русская, из Рио-де-Жанейро, Аргентина. У меня приличная пенсия, муж был дипломатом, но умер, оставил меня вдовой. Вот мотаюсь теперь по свету, трачу деньги и убиваю время.

ЖАНЕТТА. К сожалению, мадам, можем предложить поездку только в Рио-де-Жанейро, а также прогулки по Парижу, в районе Эйфелевой башни, с нашим гидом.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА. Милочка, да я Париж как свои пять пальцев. А на Эйфелевой башне была уже раз пятьдесят. Я когда-то жила в Париже. Дорогой город, как и Брюссель. Не каждый француз может позволить себе, своим детям жить в своей столице. Париж – Мекка культуры...

ЖАНЕТТА. А Брюссель?

СТАРУШКА-ТУРИСТКА. Тоже Мекка, но для военных структур. Чинovníки нагрянули из Восточной Европы. Где уж простым людям состязаться с государствами, особенно с НАТО.

ЖАНЕТТА. Самый дорогой город - Москва! Во всяком случае для меня, бабушка.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА (*показывая белые зубки*). А-а. Понимаю, понимаю, патриотизм!

Патрия э муэрте – Родина или смерть. Лучше жить стоя, чем умереть на коленях.

После ухода старушки из Аргентины Жанетта выпивает целый стакан воды из графина. Сплювывает. Сволочь! Не может купить пепси-колу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. «Сволочь» - это Филипп Грохотайло, который в данный момент дрыхнет в комнате рядом, приспособленной под жилье. Это его храп слышен сейчас через стенку. Вчера налился – сегодня спит до обеда. Чем-то похож на отчим ее – на Плутарха, сантехника, там в России. Этот тоже своего рода сантехник, но рангом повыше. Если уж лапает, так и платить обещает круто. Крутой! Деньги тратит пока на себя, насколько хватит – неясно.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Тоже мне гегемон! Подозреваю. Как деньжата закончатся, так и бросит всю эту канитель... А может, в Москве у него неисчерпаемые возможности? Иногда он тут оставляет меня с собой. Если не соглашаешься, грозит вышвырнуть на панель. Так и живу теперь на два дома...

ЖАНЕТТА (*вдыхая*). Тут – за деньги, за жизнь в Париже, там, на Монмартре, - за любовь все еще цепляюсь, за господина Шансона. Чувствую, как затянуло, опускаюсь на дно... Призраки возникают, вот этот особенно – Кадо Руссель. Из песенки, разучивали ее с «гейшами» в университете.

Напевая. Так, так-так,

Кадо Руссель – большой чудак.

ЖАНЕТТА. «Кадо Руссель» - переводится как «русский подарок». Снимает стресс, тоску, веселит своей неприхотливостью, однако как старое пальто, навеивает воспоминания.

Появляется призрак – это Кадо Руссель.

КАДО РУССЕЛЬ (*Жанетте*). Чур-чур меня! Изыди... Да, если не на два дома живу, то с двумя мужиками. Реально или хотя бы мысленно. Не удержишься, ляжешь...

ЖАНЕТТА (*прогоняя призрак*). Прочь, шельма! Изыди, сатана!

Достает из кармана мобильник.

Сейчас позвоним маме... Так, набираем «любимый»... Мама! Мамочка! Родненькая. Ты как там?.. Умираешь? Ой! Ой! Ой! Не умирай, не надо. Ты одна у меня, одна... Приезжать? Сейчас же? А то приеду к холодным ногам? О, Господи!.. Но ведь это Париж, заграница, тут же виза нужна. Консул, правда, какой-то знакомый мелькнул... А деньги? Ах, да! Гамалия даст? У нее муж – пакистанский миллиардер?.. Да врет она все, врет ведь, мама, мамочка. И я вру! Тут же я в фирме такой, что не говорят правды, все врем, как по радио, мама, мамочка, я пропадаю, скоро, наверно, тоже умру. Все тут сантехники, есть, конечно, хорошие люди, например, одна женщина сражается за своих детей, у нее их трое, а я сволочь последняя, в кого превращаюсь, ужас...

Жанетта сидит в оцепенении (говоря в пространство перед собой). Что я наговорила? И кому – маме, самому дорогому существу, понимающему тебя?

Ах да, слава богу, мобильник-то не работает, давно отключился. Кончились денежки. Тут не деньги – жизнь кончается, и ничего, ничего, еще поживем – увидим.

Сцена восьмая

Париж. Монмарт. Все то же «птичье гнездо» - комнатка, снятая для нее господином Шансоном.

ЖАНЕТТА (*пришивая латку на джинсах*). Так, одну кладем на натуральную дырку, другую – на другое колено, пришиваем. Для иллюзии, моды. А что - современно. И джинсы еще поносятся, не надо выбрасывать. Походим в них, посверкаем латками... Попыталась вчера посчитать на Елисейских полях, сколько женского полу идет в платье, а сколько в джинсах. Редко платье мелькнет или юбка – штаны, фуражки – с козырьком на левое ухо...

Предчувствие какое-то, что-то произойдет: хорошее или плохое?

Так-так-так, так-так-так, так,

Кадо Руссель – большой чудак.

Третий день не хожу в «рога и копыта». Хватит дурить. Будь, что будет. А все-таки сижу, вот жду его – этого мультимиллионера, «любящего лошадей». Ведь придет, как миленький явится, отсчитает зелеными повышенную зарплату...

Вру сама себе, обманываю себя: жду ведь и не его – «сантехника», а другого...

Говорю как-то: «Грохотайло. Фамилия-то какая-то, несурзная придумана, что ль?» - «Конечно, - отвечает. – Се сертен, разумеется». – «А какая же настоящая?» - «Абрамович». – «Ничего себе, - рассмеялась я. – А какая же у Абрамовича настоящая?» - «Грохотайло». Пол – Лондона скуплено Березовским, другая половина – Абрамовичем, от Биг Бенда до Вестминстерского дворца. А тут даже Триумфальную Арку купить некому, не хватает до полного счастья пяти евро». – «Покупай, добавлю...»

- Вишь, какая ты – шутишь, а сама почернела – страдаешь. И хватъ меня за плечо – ущипнул, этот «сантехник». И тут включился мобильник. И голос свой такой, близко знакомый – просто ужас: Дима, Дмитрий Васильевич? И вырубилось. голос исчез, как мираж. Как лимонадный Джо. «Как мимолетное видение, как гений чистой красоты»...

И опять чьи-то шаги по лестнице. – Не командорские, нет. Эрик? Не Эрик, шаги Эрика она знает, от них замирает сердце, кожа трясется, сыплются искры...

Стук в дверь.

ЖАНЕТТА (*открывая*). Ты-ы-ы?.. Это ты, Дима-а-а... Дмитрий Васильевич-и-ич...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*не глядя в глаза ей*). Мама твоя умирает, послала вот за тобой.

ЖАНЕТТА (*растерянно*). Что это мы стоим? (*суетясь*). Проходи, садись вот сюда. Вот, бери апельсинчик. Чаек будем?.. Может, вина?..

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Хорошо живешь.

ЖАНЕТТА. Хорошо... Я хорошо живу, Дима, Димочка, сразу с двумя, ты будешь третьим..

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что ты говоришь, Жанна? Успокойся, не надо...

ЖАНЕТТА. Призраки, призраки... слезы, брызги французского, Дима-а...

ДИМА ЕРОХИН. Брызги шампанского, Жанна?

ЖАНЕТТА. Нет, французского, французского. Одна артистка из России

вышла тут замуж, родила дочь, захотела уехать обратно, так они не отдают ей дочь, не отдают, представляешь?

ДИМА ЕРОХИН. Представляю.

ЖАНЕТТА. Они говорят, она имеет французское гражданство.

ДИМА ЕРОХИН. Кто, артистка?

ЖАНЕТТА. Ты надо мной издеваешься, да? Дмитрий Василч...

ДИМА ЕРОХИН. Что ты, Жаня! Моя дорогая, родная. Зачем так?.. Ты плачешь? Не плачь...

ЖАНЕТТА. Нет, нет, я не плачу. Это не слезы, это брызги французского, брызги, брызги... И из брызг рождается истина, облако, а из облака сюда ко мне он приходит, все он, он, он... шаги Командора... танцующая походка...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Никто не приходит, Жаня, никто. Мы с тобою вдвоем, и будем вдвоем, навсегда.

ЖАНЕТТА. Да, а это вот... балалайка...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Где балалайка?

ЖАНЕТТА. Там, в телевизоре.

ДИМА ЕРОХИН. Тут нет телевизора.

ЖАНЕТТА. Там, в офисе. И он приходит туда, мой мучитель и утешитель – Никто. Как у Одиссея. У Артюра Рембо в его путешествии вокруг старушки Европы...

Так-так, так-так.

Кадо Руссель – большой чудак.

Сцена девятая

Утро следующего дня. Жанетта отрывает голову от подушки. Дима Ерохин спит, уткнувшись в свои кулаки, лежащие на столе. Чуткий - вздрагивает, смотрит Жанетте в глаза.

ЖАНЕТТА. Я вчера была нехорошая, пьяная, Дима?

ДИМА ЕРОХИН. Что ты, Жаня. Это Лев Котюков вчера был хорош.

ЖАНЕТТА. Кто такой Лев Котюков?

ДИМА ЕРОХИН. Друг мой бывший, ныне московский поэт.

ЖАНЕТТА. Вчера ко мне приходили тени. А то в самом деле было... Один русский сделал стойку на руках кверху ногами – на самом верху Эйфелевой башни, на самом верху, представляешь? А после ходил с шапкой по кругу, представляешь? Нет, ты этого не представляешь! Надо пожить тут, Дмитрий Василич, чтобы все это представить.

ДИМА ЕРОХИН. Поедем, Жаня, домой. Мама зовет. Поедем.

Жанетта вздрагивая, тихо плачет у него на плече.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Париж. Пале Рояль. Русский туристический офис типа «Рога и копыта». В комнате трое: Жанетта Бредецкая, Филипп Грохотайло и Дмитрий Ерохин.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Так что у нас – любовный треугольник, жизнь втроем за мой счет? (*Обращаясь к Жанетте*). Не спа, не так ли, моя дорогая?

ДИМИТРИЙ ЕРОХИН (*вмешиваясь*). Неспа. Думаю, что не спа... не спать – ни с тем, ни с другим... Жанетта приехала сюда не за тем.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*нагло вато*). Я за такие деньги, целый взвод с панели сюда пригоню – различных национальностей.

ЖАНЕТТА (*не глядя в глаза*). Ну, и куда они идут, ваши деньжищи? На себя, Филипп Григорич, и тратите. Как говорите, на представительство. На днях обедать летали в Лондон, а в том месяце даже в Рио-де-Жанейро.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Что хоть далось вам всем это Рио-де-Жанейро!

ДИМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Кому «вам»?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. С высшим образованием, без гроша за душой.

ЖАНЕТТА. За душой! А у вас где душа?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*сдвигая брови*). У кого это у «нас»?

ДИМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*вступаясь за Жанетту*). У новых русских.

Наши олигархи, говорят, входят в десятку богатейших людей планеты. Абрамович покупает Вестминстерский дворец.

ФИЛИПП ГРИГОРЬЕВИЧ. Сказки это, пропаганда. Искусственно созданное продвижение Востока на Запад... Тоже мне деятели! И не заметили, как мы их запугали (*кивая на Жанетту*)... гейшами, инвестициями, рынком (*стуча себе в грудь*), деловым партнерством... А они все силой давят: армию продвигают, устанавливают ракеты...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Филипп, ты второй, а не первый! Дежавю – уже было. Насчет армии, вооруженных сил.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. А кто первый?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А первым Филиппом был отец Александра Великого – царь Македонии. Создал армию против персов, жуткую силу по тем временам, и сам стал ее заложником. Они же его и убили, передали власть сыну. Уж тому пришлось идти на царя Дария и становится великим. Армия, если она есть, должна воевать, завоевывать, действовать, требовать диктатуры, в крайнем случае, автократии, не то превратится в кучку негодяев и мародеров...

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какой умный! (*на Жанетту*). И ты с ним? Ну, и выметайтесь оба! Все, закрываю для вас контору. Набираю другой контингент... дураков... за то держащих язык за зубами... (*Жанетте*). Не Мата Хаара, как-нибудь обойдемся.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*Филиппу*). «У вас продается славянский шкаф?»

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. У нас тут ничего не продается. Это меблированные комнаты. Вот стул, (*хватаясь за спинку*) которым я сейчас проломлю тебе башку, если оба вы не исчезнете, как сон, как дым, как утренний туман... Брысь, стерва! И ты, Лжедмитрий... голодранцы...

ЖАНЕТТА (*вступаясь за Дмитрия Васильевича*). Париж тут все-таки, центр культуры, международная Мекка... хамить нельзя...

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*Жанетте*). Х-ха! И ты, Брут, проданся ответственным работником?.. Вот ключи, закроете офис, и в ящик. А я полетел обедать в Чили, на мыс Доброй Надежды...

ЖАНЕТТА. Между прочим, мыс этот в Африке.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*уходя*). Молодец! Я в тебе не ошибся. Это вот другие тебе жизнь гробят.

Сцена вторая

Реймс. Столовая университета. За столиком двое: Жанетта и Дмитрий Васильевич.

ЖАНЕТТА. Дай за казенный счет хоть отъемся, наголодалась в Париже. Что вам заказать, Дмитрий Васильевич? Рагу из овощей или кролика?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*усмехнувшись*). Комплексный. Как и себе. Я, между прочим, тоже выбил сюда стажировку. Вернее, пару недель для работы над докторской.

ЖАНЕТТА. А мне продлили... до бесконечности... Мсье Шансон оформил на год как практику, в среде носителей языка.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*грустно*). А-а, тот мсье, что был у нас? Как же, ходил с нами в театр.

ЖАНЕТТА. Мы-то помним, да он нас забыл.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*поглядев внимательно на Жанетту*). Кто забыл, тому глаз вон...

ЖАНЕТТА (*уклончиво*). А кто помнит – два.

Встают. Собираются уходить.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Ах, да, забыл! Мы не отметили наш союз?

ЖАНЕТТА (*краснея*). К-какой с-союз, Дима?

ДИМА ЕРОХИН. Как какой... против третьих стран. Таких, как Грохотайло. Коммерсантов на босу ногу.

ЖАНЕТТА. Он богатый, но только в Москве. А тут играет роль какую-то... красную шапочку...

ДИМА ЕРОХИН. Наводнили Европу статистами, коммерсантами, коми-вожерами... Ну что – шампанского? Все же Шампань – Арденн тут... Мадам! Нам шампанского... розового?.. Нам розового шампанского, мадам.

Приносят ведерко, в ведерке шампанское. Ставят фужеры.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*улыбаясь*). Натуральное.

«Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой». Олигархи!

ЖАНЕТТА. Вам, наверное, всегда везет. Родились под счастливой звездой. Как там у вас, Дима, Дмитрий Васильевич, на кафедре?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Еще бы, везет! Было 0,7 ставки, в этом семестре стало 0,5. А будет – 0,2...

ЖАНЕТТА (*округлив глаза*). Как, почему? Вы же такой талантливый, активный в науке. Столько публикаций в центральных журналах...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Язык за зубами держать надо.

ЖАНЕТТА. Ну почему, почему, кому это надо?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*махнув рукой*). А-а, так. Да Велихова – зав. кафедрой, кандидат. А из Червончика долгожителя выращивают, так у них по 0,9... у других вроде этого...

ЖАНЕТТА. Кто, они?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А указывают наверх. Срезали ставки, мол... вместо тринадцати дали десять...

ЖАНЕТТА. Ну, и что, к ректору идти?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Защищаться надо – вот что! Под лежачий камень вода не течет.

ЖАНЕТТА. Не пей с ними.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А когда?

Сцена третья

Шарлевиль – город Артюра Рембо.

Дмитрий Ерохин на автобусной остановке, только что прибыл из Реймса. Стоит в нерешительности, не зная куда идти.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*в сторону*). Вот, два билета, а она не пришла, опоздала? Договорились ведь, обещала все показать. Была тут, все знает, а не пришла...

Мимо проходит мужчина – он с тростью, в длинном белом пальто. До боли знакомая личность.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*окликаая его*). Вас можно спросить, как пройти к интерактивному музею Артюра Рембо?

МУЖЧИНА (*приостанавливаясь*). К старой мельнице? Это сюда... (*всматривается в него*). Вы – Дима? Дмитрий Васильевич – из России, из вашего университета?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы, господин Шансон! Вот так встреча!

ГОСПОДИН ШАНСОН. Да, встреча. Вы тут в Реймсе на стажировке и сразу к поэту Артюру Рембо? А я тут работаю: то в Шалоне, то в Реймсе. В Шалоне, в офисе по науке. Как это у вас, долг платежом красен? Хотите, проведу вам лично экскурсию по музею?.. Не надо? Любите быть в одиночестве? Это хорошо, одному все увидеть, осмыслить, как это... переварить...

А где же Жанетт? Говорят, вы должны вместе приехать, вдвоем?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Н-не знаю. Опоздала, наверно.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*перекладывая трость на изгиб левой руки*). А я-то занят как раз, готовлю документацию. Вашему как это? Директору хотят присвоить почетного доктора.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А вашему?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Нашему директору у вас уж присвоили, еще в прошлом году. За большую дружбу, сотрудничество между народами... Вашего директора рекомендуют еще и к ордену Почетного шевалье... Ищу вот формулировки, как выразить, за какие заслуги...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*широко улыбаясь*). Может быть, так? За совместную «одиссею», морское путешествие на, э, корабле вокруг старушки Европы?..

ГОСПОДИН ШАНСОН. С кем, простите «совместное» путешествие? Ах, с Артюром Рембо? Се си бо... На каком корабле?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну какой корабль может быть в Шампань-Арденн? Ну, конечно же, на «Бигле»... и под шафе.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Вы так считаете, Дима? Однако нужно ведь совершенно официально.

ДМИТРИЙ. Да, так считаю. Но это конфиденциально, между нами, на коротке, Эрик.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*запоминая*). На-ко-рот-ке... С вами, я думаю, мы еще встретимся.

ДИМА. В Реймсе, в университете. Передайте привет Жанетт. Как это у нее хорошо получается, когда читает.

«О поцелуй, какой во мне живет!

Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе, -

Розово-белый слой и пахнет чесноком...»

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*печально*). Прекрасно! А то вот такие строки.

«Их тысячи во Франции – полей,

Таких, где спят под осень мертвецы.

Взметнется вихрь, зимы летят гонцы.

Подумайте приходом всем о ней –

Об этой серой, мрачной птице,

Которая над головой кружится».

ЭРИК ШАНСОН (*горячо*). Зачем же так мрачно, Дима? Друг, ты еще молодой.

ДИМА ЕРОХИН (*немного веселя*). Сонет тоже из Рембо, мой любимый.

«В толпе император, в апофеозе.

Весь в желтом и голубом.

Как пылок, все в розовом видится в нем;

И нежен, как папа, как Зевс в небе – грозен.

Солдаты на отдыхе. Время сиесты.

И красен лафет, позлащен барабан.

Встают перед Ним. И Питу, как баран,

Стоит перед именем доблестным, честным!

По правую руку его Дюмане

Кричит иступленно, сгорая в огне:

«Да здравствует Император!» Поныне

Сосед стоит тихо. И кивер на нем.

Стоит лесоруб в красном и голубом,

Как черное солнце в пустыне».

ЭРИК (*обнимая Дмитрия*). По-русски, и тоже прекрасно. Кто же перевел – вы, Дима? Вы – поэт? Говорят, хороший переводчик – соперник поэта. Вы – соперник... коварный соперник... коварство и любовь... Но почему у вас солнце «черное»?

ДИМА (*идя рядом легким, прогулочным шагом*). Почему, не «белое»? «Белое солнце пустыни» - есть у нас такой замечательный фильм.

ЭРИК. Нам не хватает синема, Дима. Нам не хватает Жанетт – тонкой женской натуры. Чтобы нас рассудить, оценить ситуацию.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Не зная как, оба они оказались вскоре у могилы Рембо – этого великого юноши, кумира всех поэтов Земли.

ДМИТРИЙ. И кто это рядом с ним?

ЭРИК. Это мать его, мать.

ДМИТРИЙ. Поэзия?

ЭРИК. Поэзия? Поэзия вечно жива. Поэзия – это Франция, это – все.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*в тон ему*). «На сотни верст кругом Россия – отчий край».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. В Реймс Дмитрий Ерохин вернулся только на третий день. Побывав еще в поселениях, на полях, виноградниках, где как раз предавали лозу земле, чтобы осенью благородный сок снова хлынул к людям неудержимым потоком, делая жизнь прекраснее, чем она даже есть. Все дело в том, люди, что где кому когда каким хочется видеть.

Сцена четвертая

Реймс. Общежитие университета. Дмитрий Ерохин, позевывая у входа в крыло здания, где живут иностранцы.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*обращаясь к охране*). Выходила отсюда молодая особа: стройная, блондинка, волосы кольцами.

ОХРАННИК. Русская? Голубые глаза?

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Что – русские у вас под особым наблюдением?

ОХРАННИК. Красивая. Видите, сколько арабов? Не уследишь.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Значит, видели.

ДРУГОЙ ОХРАННИК. Да, с мужчиной. Большой такой, в черных туфлях с квадратными носами. Сели в «Вольво» с парижским номером.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*в сторону*). Значит, опять этот «сантехник». Не отступает от своего, что-то снова затеял.

* * *

Париж. Пале Рояль. Офис туристической фирмы. Вывеска снята. Розовая комната офиса, но уже без телефона. В комнате – двое: Жанетта и Филипп Грохотайло.

ЖАНЕТТА. Это как называется – похищение? Я – заложница? Что обо мне подумает Дмитрий Васильевич, я же с ним в Шарлевиль собиралась, в музей.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В Париж вернулась. Сама уехала отсюда, я тебя не прогонял... У меня, Жанетт, новые планы. Бизнес тут не идет, сама видишь. Я так не привык, я размах люблю, деньги. А тут мышинная возня, а не бизнес. В изначале идея глупа: расчет на русских, эмигрантов шести поколений. Ну, зачем им переводчик, скажи: русский, французский? Да они чешут по-русски, как мы с тобой, а по-французски, а-а-а....

Вот идея! *Машет рукой*. Преображаемся. Переносим офис в Москву. Оттуда уже налаживаем связи с Парижем с фирмами, качаем туристов оттуда уже... сюда... Там французский твой пригодится, ферштейн?

ЖАНЕТТА (*растерянно*). Фе... же компри, понимаю.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Из Москвы Париж ближе, чем из самого Парижа Париж.

ЖАНЕТТА. И третий Филипп есть.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какой?

ЖАНЕТТА. Киркоров. И тоже волосы кольцами.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Вот бабы! До чего же приглядчивы. Насчет этого дела медом вас не корми.

Шолон. Вечер. Администрация, представительство по науке. Господин Шансон сидит в кабинете, с кипой бумаг, под лампой.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*портрету де Голля на стене*). Уж министром был бы, если бы не фамилия. Несерьезная.

ДЕ ГОЛЛЬ (*как бы оживая*). Весели народ, просвещай.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Что тут веселого? – Лепить, как говорят русские, «лепоту»?

ДЕ ГОЛЛЬ. Героев делаешь! Кавалеров Почетного легиона. С бумаг подвиг и начинается, с документации, а не с амбразуры.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Ну, с чего я ему на «Почетный шевалье» натяну, с чего? Не воевал вместе с вами, господин Президент Пятой Республики. Амбразур, как у русских, не закрывал, не летал с Тюляном из эскадрильи «Нормандия – Неман», а орден Почетного этого... как его ... вынь да положь, а за что? Что я должен тут ему записать?

ДЕ ГОЛЛЬ. Кому?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Ну, герою, герою! Русскому резиденту, тьфу, русскому президенту... ассоциации директоров.

ДЕ ГОЛЛЬ. Вот и пиши, не жалея слов французских для хорошего русского человека. О! «За свои заслуги перед Отечеством он заслужил восхищение всех французов, всего департамента, французской нации, дружбы самого де Голля, если бы он был жив».

ГОСПОДИН ШАНСОН. Никакой личной жизни. Вечер уж, а сию все, леплю, «оформляю бумаги», схватываю суть с голубой волны Атлантического океана. А семью позабыл, любовницу из-под носа уводит этот московский «шансон»...

Достаёт мобильник, набирает номер. Слушает голос оттуда.

ЭРИК (*в трубку, через платок*). Алло, алло. Это Диана?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*оттуда*). Какая Диана?

ЭРИК (*туда в трубку*). Ну, какая в Париже, в тоннеле погибла?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*оттуда*). Это Жанетт, Жанетта.

ЭРИК (*туда, в трубку*). Это которая русская? Блондинка, волосы кольцами, голубые глаза?

ЖАНЕТТА (*оттуда*). А откуда вы меня знаете?

ЭРИК (*убирая платок*). Да кто ж вас таких не знает во Франции? Популярны. Как Эдит Пиаф и Тереза Ракен.

Отключает мобильник. Сидит, мстительно улыбается.

Узнала голос. Особо когда убрал платок. В глубине слышен был мужской голос – Филиппа, «любящего лошадей».

* * *

Париж. Пале Рояль. Офис «Рога и копыта». В комнате по-прежнему двое: Жанетта и Филипп Грохотайло.

ЖАНЕТТА (*восхищенно*). Это он, он!

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Кто это он? Жалкий французик с тростью – автор смешных публикаций, плод собственных ничтожных стихов под фамилией Артюра Рембо?

ЖАНЕТТА (*вспыхнув*). Это ты ничтожество, жалкая ничтожная личность! Сан фамий – без семьи, без таланта, без Родины. А Эрик – отец троих сыновей, профессор, я люблю его, люблю!

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*оторопев, приходя в себя постепенно*). В Москву, в Москву! И как можно скорее... Не хочу жить втроем. Ты же подстилка у него, ноги о тебя вытирают, а у тебя никакой гордости. Париж тебе подавай, и любой ценой! Да не Париж даже, а этого... под псевдонимом...

ЖАНЕТТА. И Дима, Дмитрий Васильевич лучше тебя. Трудом своим достигает, а не прохиндейством, как ты, новый русский, нувориш.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В Москву, в Москву, Жанетт! В свою, родную болотину! И никаких гвоздей!

Сцена пятая

Москва. Центр. Тот же туристический офис типа «Рога и копыта». Комната, но с видом на Кремль. В комнате – Филипп Грохотайло, Генеральный директор. Появляется Жанетта Бредецкая.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, с распушенными волосами.

ЖАНЕТТА (*односложно*). Да вот.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какие длинные. Отсюда и до Парижа.

Раздается телефонный звонок.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*в трубку*). Хорошо, я все понял.

Кладет трубку. (Жанетте). Из Парижа. Из филиала... Что ж ты думаешь, я такой дурак, не оставлю там следы своего пребывания?

ЖАНЕТТА. Ну, так где мое рабочее место?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, у телефона. С видом теперь на Кремль – святое место России.

ЖАНЕТТА (*односложно*). Не ерничайте, господин Генеральный директор.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В общем, так: через стенку другая комната, со спальным местом, где мы будем встречаться. Ну, я пошел, полетел...

ЖАНЕТТА (*все так же – монотонно, без всяких чувств, с французским прононсом*). Ваш «Боинг» куда?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, в Рио-де-Жанейро. Обедать. У них там кризисов не бывает. Корпорация международная, картель...

ЖАНЕТТА (*односложно*). Сельхозартель. А у нас колхозы все развалились.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Представьте себе, живем, но под другим флагом.

Уходит, Жанетта остается одна.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Вот вцепился, как клещ. Сам мотается, туда – сюда шмыгает, а мне ни шагу нельзя. А город мой близко. Мама в тяжелом состоянии, а он меня держит тут... А на что телефон? Звони, говорит, кому хошь и сколько хошь. Говори, что в Париже, мол... А тут так, проездом, в командировке...

Проходит к столу с графином. Наливает воды.

Тьфу! Опять теплая, с мухой. Как и в Париже. Жлоб! Хоть бы «пепси-колу» купил... Сейчас позвоним своим «гейшам»...

Достаёт мобильник (в трубку). Милочка, это я, твоя непутевая. Жанетта, кто же еще?.. Да, отыскалась. Тут, в Москве, проездом, в командировке. Филалиал у нас с видом на Кремль... Переводчицей, конечно, по специальности... Привет Венере, кафедре... всем... да хотя бы и ректору... Как увидиться, приехать ко мне? Не могу пока, кручусь мотаюсь, времени ни секундоочки, плотный график. То все перевожу, перевожу – дипломатам всяким, представителям фирм, а то лечу с этим, как его... с генеральным... в Рио-де-Жанейро, обедать... Привезти что-нибудь вкусненькое? – Да привезу, привезу, дай хоть вырвусь из этого бедлама, от диктатора, этой сволочи...

Что пью? Да вот, мое любимое – розовое шампанское, целый графин... Не сопьюсь, не переживайте... Как, говоришь, зовут меня там, на кафедре, на всем отделении, Мадам Клико?.. Клико или Клюко? Нет, нет, это существенно. Это как Седельникова – от седла, от евреев, а Сидельникова – от купцов, сидеть в лавке. От купцов: в лавке сажу... Ну, в общем, заболталась. Привет. Всем, всем, особенно 5-й «ПГ» («парижским гейшам»)... До скорого.

Жанетта выключает мобильник. Держась за стеночку, проходит в соседнюю комнату. Ложится, натягивает одеяло до подбородка.

ЖАНЕТТА (*вздрагивая*). Господи! Колотит всю изнутри, голова кружится. Наверно, заболеваю... Круги какие-то перед глазами, опять эти призраки, сны цветные. Целую ночь на мотоцикле ездил: московская милиция с парижским пулеметом... нравственная полиция... Все спрашивала, как проехать в офис «Рога и копыта». А за рулем жена Эрика, а в коляске все ее трое сынишек, она их охраняет... От кого? Да от грачей – черных птиц над головой. Керы это – души усопших, то из «Одиссеи» Гомера, то от Артюра Рембо, Ван-Гога с его гениальной картины «Птицы над полями»...

Попалась вот современная книжка «Сабуровское поле», обложка – с этой картины. Так там зашифрованы керы - души умерших: в хлебах – тени и полутени, на небе, переходящем в птиц... Из линий и полутонов. И такие слова поэта Жама Сакре (*в переводе автора*):

«В книге моей с одинокого дерева
Стаю швыряет в полет, как праща.
Ярки поля. Что-то потеряно,
В желтой соломе едва трепеща.
Это терпенье мое огромное,
Это не зелень,
Не рай в ветрах.
Это черное в синем, бездонное, -
Жатва и прах, крики и крах.
Как по душе мне те птицы, их кружево!
Как насмехается стая над ружьями!»

Это – Поэзия, она меня доконает... Что это значит? Все эти птицы, души усопших?.. Мне плохо. Поэт какой-то умер у нас, в нашем городе, лучше бы не со-
стязался, может, еще пожил бы просто как человек... Мне плохо. Это от мамы: ей
плохо, и мы не живем, умираем... Мама, родненькая! Прости меня, непутевую. Я
тут близко, а все никак не приеду. Не могу, ну не могу, ты меня понимаешь?.. Я бы,
конечно, ушла, сбежала, но как представляю всю эту нравственную полицию с пу-
леметом на мотоцикле, эти глаза Вселенной, а также Венерины, Червончика – этого
долгожителя вместе со всеми их игристыми пуншами и шампанским и ноль девя-
тью десятками ставки, так все, отрубаясь, переступить не могу...

*Жанетта встает, смотрит в окно. Переводит взгляд в угол и широко,
широко троекратно осеняет себя крестным знаменем: «Боже, возьми мою
душу на покаяние! Помоги другим, неустроенным в жизни! Не дай пропасть
нам, молодым еще, не поживши, прости меня трижды, Господи»*

Сцена шестая

*Русь, провинция, родной город Жанетты. Университет, отдельное зда-
ние факультета романской филологии.*

ЖАНЕТТА (*стоя напротив*). Зайти или не зайти? Нет, пожалуй. Подо-
жду своих «гейш» тут, на лавочке. Новый учебный год, на пятом – выпускном –
уж другие. Вон они прошли стороной. Шмыгнули Велихова, Базельская – не

заметили ее, ну и ладно. Мне бы Инну Алексеевну, только ее одну и хочется видеть... Час, другой. А Инны все нет. Может, и она у них на полставки?..

Все, ухожу. Дорогу к ней знаю, ходила же к ней домой на занятия. Пойду, отведу хоть душеньку, поделюсь, облегчу свою участь.

Мама умерла, я с кладбища и прямо к ней туда, к Инне...

Жанетта встает и уходит.

* * *

Квартира Инны Алексеевны. В зальчике – двое: Жанетта и она, ее любимый преподаватель.

ЖАНЕТТА (*утирая глаза платочком*). Инна Алексеевна.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*привстав*). Что с тобой, моя дорогая, зайчик?

Пауза. Где-то по радио бьют часы – Биг Бен, на ДOME инвалидов? Это куранты на Спасской башне...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что с тобой, Жаня?

ЖАНЕТТА (*пряча платочек*). Да, так... С кладбища прямо к вам сюда. Мама умерла.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*вздрагивает*). Не знаю, что и сказать.

ЖАНЕТТА. Едва отыскала могилку. На новом участке, в болоте. В яме для бедных.

Пауза. И опять тишина. Где-то звенит трамвай.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что же делать-то, а?

ЖАНЕТТА. Отчим. Привел женщину, теперь они в моей комнате.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что – совсем плохо было в Париже-то, а?

ЖАНЕТТА (*махнув рукой*). А-а.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А в Москве, тоже переводчиком?

ЖАНЕТТА. Тоже.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А наши-то... подружки твои – «парижские гейши»... кто где. В основном на базаре. Все тебя считают кумиром, звездой.

ЖАНЕТТА. Не будем разочаровывать, да?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Бьен сюр – конечно. Если негде жить - приходи, как-нибудь проживем.

ЖАНЕТТА (*вздыхнув глубоко*). Не знаю.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А что обо мне знаешь – про сына?

ЖАНЕТТА. Да.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*опустив голову*). Ты мне будешь за дочь.

Часы бьют четверть.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ну что, будем пить чай?

ЖАНЕТТА (*доставая мобильник*). Это вам подарок. Побывал в переделках – в Париже, Реймсе, Москве. Мне он больше не нужен.

* * *

Тот же город. Бар напротив университета. В баре пока только двое: бармен – он же Барон, хозяин бара, и Жанетта.

ЖАНЕТТА. Пришла попрощаться. Больше не увидимся, жаль...

БАРМЕН. Тебе плохо, Жанетт?

ЖАНЕТТА (*сквозь слезы*). Нет, почему же? Мне хорошо, даже очень! Уезжаю в Париж, навсегда. Покидать друзей очень жаль.

БАРМЕН. Почему, оставайся. Ты жемчужинка, очаровашка такая. Ты притягиваешь людей, мы станем богатыми. Лучшим баром в городе... Вот тебе кошник, фартучек – все твое, сохранилось. И – работай, обслуживай, ласточка...

Жанетта принимает из рук Барона свои белые одежды – прежние, бокалы еще с пивом – этим пенным, златокипящим напитком богов. А вот и первый посетитель.

ЖАНЕТТА. О ля-ля! Се си бон! Это пиво только что из Парижа!

БАРОН. Ты восхитительна, Жанетт! Конечно, не олигархами станем, не Абрамовичами, но покорим весь город.

Появляется студентка из университета напротив, конечно, факультета романской филологии, откуда же еще?

СТУДЕНТКА (*бросаясь к стойке*). О, Жанетт! Это ты? А говорят, ты в Париже.

ЖАНЕТТА (*грубовато*). Ты от Велиховой? День рождения пани Базельской? Фирма веников не вяжет... Гони, подружка, деньги на бочку. Просто так алкашам не наливаем, не субсидируем. Как в Париже, работаем, по-европейски...

БАРОН (*подмигивая*). Я работаю, как вельможа,

Я работаю только лежа.

«Наполеона» или «Мадам Клико» им туда под зарплату? Перебьетесь. Просыхай, гнилая интеллигенция... Жанетточка, видишь вон тот столик? Обслужи, скажи ребятам что-нибудь по-французски...

Жанетта подходит к столику со златокипящим подносом. За столиком – двое. – А где же третий? – третий сейчас подойдет.

ПЕРВЫЙ ИЗ ДВОИХ (*слегка развалиясь на стуле*). Ну, начинай, говори по-французски.

ЖАНЕТТА (*с готовностью, сначала по-французски, а со второй строчки по-русски*).

«О поцелуй, какой во мне живет!

Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе, -

Розово-белый слой и пахнет чесноком.

Над кружкой пива облако проносит,

Луч солнца золотится далеко».

Последние строки Жанетта договаривает, когда уже третий стоит у нее за спиной.

ЖАНЕТТА (*резко оборачиваясь*). Ах!

Перед ней стоит ее гендиректор.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. А ты думала, что я только в Рио-де-Жанейро летаю обедать?

ЖАНЕТТА (*резко*). А ты думал, что я живу только в Париже?

ФИЛИПП. Жанетт! Ну что это... после столиц-то?! Я приехал к тебе, за тобой.

Сцена седьмая

В том же городе, та же провинция. Мост через реку, рядом с пешеходной дорожкой рельсы – ходят поезда. Жанетт стоит у перил, замерев, как бы в оцепенении, выбирая: поезд или река?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. *Поезд – Анна Каренина, Натали Сильвенер, река – она и никто другой, только она.*

ЖАНЕТТА (*сквозь слезы*). Жизнь кончена. Все... Было уже – дежа вю.

Впереди – Париж, позади – Москва... Прости, Эрик, солнце в реке, действительно, белое.

Перегнувшись через перила, смотрит на солнце в холодной воде.

Вслед за ней в воду бросается молодой человек в военном.

Скорая помощь. Больница. Реанимация. Жанетта лежит, не открывая глаз. Перед ней трое в белых халатах: врач, офицер – спаситель ее и Дмитрий Васильевич – доцент из университета.

ВРАЧ. Не знаю, будет ли жить. Если, конечно, захочет.

ОФИЦЕР. Будет. Захочет.

ВРАЧ. Видите – гаснет.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(молчит, смахивает молча слезу, шепча).*

Жанетта, Жаннеточка, ты меня слышишь? Это я, Дима, Дмитрий Василеч. Не уходи от нас, не уходи, дорогая, любимая... *(Врачу растерянно).* Не слышит, уходит...

Резко открывается дверь, кто-то бросается к умирающей:

О Жанетт, Жанетт! О Жанетт!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Это Эрик, господин Шансон из Реймса. Он целует Жанетту – в губы, в лоб, щеки, опять в губы. Не скрывая себя, своих чувств, жадно, неутомимо.

ЭРИК. О Жанетт! Прости меня, не умирай! Я с тобой, я к тебе прилетел на крыльях... как только позвонили... вот он, Дима, звонил... и я тут... О Жанетт! Зачем?.. Почему?.. Не хочу... Солнце белое, белое, белое...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

И о чудо! Это чудо. Подарок судьбы: Жанетта приоткрывает глаза.

А в университете на факультете романской филологии переполох. На французском отделении едва ли не бунт. Особенно среди пятикурсниц, этих «5 ПГ» новой волны.

«ПАРИЖСКИЕ ГЕЙШИ» *(на Велихову и др.).* Они нас не любят. Ни стипендий не видим, ни белого света.

ВЕЛИХОВА и ДР. Учеба – это вам не прогулка в пивбар, пиво колоколом. Это – труд, не каждый-то устоит, не свихнется.

Царские невесты – царские слуги,

Франкомасоны – козни Сатаны.

Интриги, учеба, учеба, интриги и еще раз учеба. В. Ленин

Девочки, девочки. Ерохину вернули 0,2, теперь у него 0,7 ставки как и у Червончика. А вам скоро повысят стипендию.

Да, еще директор на всякий случай, отменил визит за границу. А, чтобы де Голль не обиделся, послал телеграмму. А студентов, чтобы они имели повод купить торт, поздравил с повышением статуса не только кафедре, но и себе.

А город молчал.

* * *

Университет, факультет романской филологии. Третий этаж. «5 ПГ» («парижские гейши» новой волны) все там же, где-то под лестницей.

ОДНИ ИЗ НИХ (*намекая*). И на нашей улице будет праздник.

ДРУГИЕ. На базаре. Разъедемся – разъедемся.

(*Поэтессы*). А давайте, девочки, скинемся и купим Жанетте мобильник.

Чем этих поить в день всех Татьян...

ПРАГМАТИКИ. Да что ж у нее нет, что ли?

ПОЭТЕССЫ. Подарила свой Инне Алексеевне.

ПРАГМАТИКИ. Хорошо, скинемся.

ПОЭТЕССЫ. Ой, как интересно! Будет звонить в свой Париж. Любвнику...

ПРАГМАТИКИ. Не прервется любовь. Можно любить и на расстоянии.

ПОЭТЕССЫ. И какой мобильник-то купим?

ПРАГМАТИКИ. А какой был – «Алкатель», французского производства.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А отчим Жанетты, этот сантехник, стоял этажом ниже и слушал. И зачем он тут оказался? Дочь его новой жены поступила на английское отделение. И вот, чтобы оградить англичанку от французской «за-разы», он и выступил инициатором там у себя в общаге: скинуться и поставить замок на входной двери. Неча собираться, ходить бесконечно к входной двери Жанеттку провеживать. «Парижские гейши» должны жить в Париже, а своих гейш – он послал еще дальше, к чертовой матери.

Сцена восьмая

Дом на окраине, семейное общежитие, комнатуха Жанетты. Жанетта, расчесывая свои длинные белокурые, по плечам кольцами, волосы. Смотрит в окошко – на двор, на лес за двором.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Весна, море звуков, первые соловьи... А в Реймсе леса молчат. По-моему, у Рембо ни одной строчки о птицах... Господи! Я еще и о птицах смею думать. Мамы нет, самого дорогого существа. Нет работы, места в жизни, нет, по существу, ничего... Мне уже двадцать четыре, я уже старая, на сцену выходят восемнадцатилетние...

Хорошо, что отправился к своей женщине отчим. Со своими грязными, липкими руками – ручищами. И комнатуха теперь за мной, братишка спит через стенку... У меня предчувствие: что-то должно произойти, но что – не знаю. Хорошее или плохое – не знаю, не могу даже предположить. Однако гложет что-то, съедает тоска, тревога. Зябко, уходит энергия. Со стола утром упал нож – значит, придет мужчина. Если мужчина, то кто? Дмитрий Васильевич, кто же еще?..

Незаметно за спиной появляется Дмитрий Ерохин. Он крадется от самой двери, берет ее за уши, ни дается обернуться. Игра такая: «Угадай-ка, кто это?»

ЖАНЕТТА (*едва слышимо*). Дима?

Резко оборачивается: действительно, так

ЖАНЕТТА. Только что думала, загадала желанье...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Какое именно?

ЖАНЕТТА. Не скажу, тайна.

Первое впечатление спадает. Жанетта говорит монотонно, как заведенная, без эмоций. И вдруг падает головой на плечо Дмитрию.

ЖАНЕТТА (*рыдая*). Ой, Дмитрий Василич! Ой, Дмитрий Ва... си... лич-и-ич!.. Ну, зачем он спас меня, зачем? Я не хочу жить, не хочу-у-у больше жи-и-ить... не хочу-у-у...

Жанетту трясет всю, аж зубы звенят, зуб на зуб не попадает, просто ужас как ей нехорошо.

Дмитрий прижимает ее к груди, гладит рукой по плечу, по плечам.

ОН. Какая свежая, молодая, нежная кожа.

ОНА. Не надо, я не хочу.

ОН. Скоро я защищусь, стану доктором, профессором, ты станешь профессоршей. Хочешь? Мы будем с тобой разъезжать повсюду с лекциями: в Москву – во французский колледж при МГУ. В Париже, в Сорбонне, на кафедру русской литературы, там заведует и живет, я знаю, добрый, хороший человек и ученый...

Так-так, так-так,

Кадо Руссель – большой чудак.

Ну подпевай, подпевай, Жанетта, свою любимую:

Кадоруссель – большой чудак,

Большой чудак.

* * *

Электричка. Остановка «Светская жизнь». Из вагона выходят двое: Жанетта Бредецкая и Дмитрий Ерохин. Идут знакомой дорогой, по которой когда-то ходили они туда, за третий километр – в село, в сельскую школу.

ДМИТРИЙ. Солнце. Поля до самого горизонта. Пахнет мятой (*наклонясь к Жанетте*). Тебе хорошо?

Жанетта молчит.

ДМИТРИЙ. А здесь, на этом месте, тогда мы расстались и пошли врозь. А сейчас идем вместе.

Жанетта молчит.

ДМИТРИЙ. Хочешь, я возьму тебя на руки и понесу?

Жанетта не отвечает.

Дмитрий берет ее на руки и несет. До куста сирени, это шагов пятьдесят. Из-за сирени появляется человек.

ЖАНЕТТА (*падая из рук Дмитрия, бросается вперед*). Эрик!

ДМИТРИЙ (*опешив*). Эрик?

ЭРИК ШАНСОН. Сюрприз, да? (*Жанетте*). О Жанетт! Я знал, ты придешь сюда, ты мне говорила об этой дороге. Она похожа на дорогу у нас там – к Артюру Рембо.

ЖАНЕТТА (*шепотом, глаза полны слез*). Я помню, помню... дорога к Артюру Рембо... когда мы шли в Шарлевилль...

ЭРИК (*восторженно*). О Жанетт, Жанетт! Помнишь?

«Я в восемь дней порвал свои ботинки,

Я в них сходил к Шарлеруа. И вот

Там, в кабаре зеленом, как с картинки,

Спросил я с ветчиною...» что?

Жанетта с Дмитрием вместе... бу – тер – брод!

ЭРИК. «Такой счастливый, вытянул я ноги

Под стол зеленый...

ЖАНЕТТА. О, поцелуй, какой во мне живет!

ДМИТРИЙ. Смеясь, она несет мне бу – тер – брод!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Вот так, Жанетта! Положив руки на плечи друг другу, они идут проселочной дорогой в Серединной Руси в Шарлевилль, к поэту Артюру Рембо, чтобы упросить, умолять его вернуться обратно в Поэзию. Прочь торговлю людьми и оружием! Да здравствует корабль, который, совершив «одиссею» вокруг старушки Европы... выведет их... куда?..

ДИМА ЕРОХИН. К счастью.

ЭРИК ШАНСОН. К тебе, о Жанетт!

АРТЮР РЕМБО (*возникая, как призрак, через века*).

«О, под рубашкой эти ножи!

Они спасут тебя: «Беги!»

.....

Я целовал ее могуче,

Она смеялась впереди...

Она была совсем раздета,

Листва лежала низко-низко.

И это было летом, летом,

И это было близко-близко.

Жанетта, приподнимаясь на цыпочки, целует Диму Ерохина.

ДМИТРИЙ. За что?

ЖАНЕТТА. За перевод.

Целует Эрика.

ЭРИК. За что?

ЖАНЕТТА (*кокетливо*). Ни за что, ни за что. Просто так.

ЭРИК (*по-русски ему*). Сколько идти еще до Шарлеруа?

ДМИТРИЙ (*по-французски*). Вот тут и есть оно, это местечко, – Шарлеруа. А там – то еще и Шарлевиль.

ЭРИК. Ну что ты, дорогой! Шарлевиль там, где и Рембо: в прекрасной франции, неподалеку от Реймса.

ГОЛОС СВЫШЕ. Это куда сейчас едет этот кавалер?

ДМИТРИЙ. Какой кавалер?

Достает мобильник. Набирает номер.

ДМИТРИЙ. Кавалер? А зачем?

ГОЛОС ИЗ МОБИЛЬНИКА. Твоя командировка отменена.

ДМИТРИЙ. Едет? А почему? Ведь кафедра французского на грани...

ВЕТЕР РВЕТ НА ЧАСТИ ГОЛОС ИЗ МОБИЛЬНИКА... Отмечается дата...Перпвая мировая... Линия Мажино...

ДМИТРИЙ (*с дрожью в голосе*). Он что – потомок казаков, защитников Франции? Или может быть сам ветеран?

ЭРИК. Повторяю: он – ка-ва-лер! Французского ордена Почетного легиона.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (*над головой Дмитрия*). Миленький ты мой! Успокойся, язычник! Возлюби другого, как самого себя, дай кавалеру прокатиться к Прекрасной Даме, лишний разок Даму подержать за локоток.

г. Орел, 30 августа 2004 года.

СОКОЛ, ХАБИБУЛЛИН - ДВА

(абсурд-баллада из «Шансона»)

«Господа, товарищи,
Слушайте историю.
Как летал я в космос –
Запасной бугай.
Был замечен Юрием
И назначен Борею:
«Имя космонавта,
Парень, оправдай.

Там сиди покрепче
Да гляди позорче.
Весь увидит мир тебя,
Вся страна, Земля».
Только в космос врезался,
Голосок прорезался,
Все подверглось порче,
Позабыл, кто я.

Глянули свободы,
Пролетели годы -
Никаких начальников,
Мчусь – куда хочу.
Этажом пониже,
Где асфальт пожиже,
Я летаю, я летаю,
Я куда лечу?

- Кто ты, кто ты? Не смикитил?
- Хабибуллин, Хабибуллин!
На второй пошел...

- Сокол, Сокол ты, Никитин!
Позывной твой – Сокол, дурень!
Сокол ты, осел!

Вас чему учили в школе?
Знания вбивали?
Форму, звания давали,
Тачки, ордена?
Краткий курс вам излагали
Весь народ, страна.

Кто ты, кто ты?!
- Хабибуллин, Хабибуллин я.
Вот возьму сейчас и врежу,
Вдвое пенсию урежу,
А зарплату, а зарплату
(План такой храню)
Вовсе отменю.

Вон она кругом - свобода!
Никаких чертей!
Хабибуллин – сын народа,
Хабибуллин, змей!
Этажом лечу пониже,
Где асфальт лежит пожиже.
Сокол, Сокол!
Я летаю, я летаю,
Я куда лечу?
На себе кого катаю
И о чем молчу?

Содержание

Вместо предисловия. А. А. Фет. «Как беден наш язык

От автора

Карнавал II (музыкально-лирические новеллы, одноактные мелодрамы)

Желанные звуки	6
Осенние листья	30
Утро туманное	56
Ананасы в шампанском (Виноградная косточка)	72
«Спасибо, музыка! ..»	95
Богатырская заставка	125
Мой берег	148

Мюзиклы

Тот солнечный Марсель (Хромая лошадь)	174
Рождественское чудо	203
Русское поле	229
Девятая Пятница, или Соколовская гитара	263
Брызги французского (романтическая драма)	307
Сокол, Хабибуллин – два (абсурд-баллада из «Шансона»)	374

Золотарев Леонард Михайлович

Девятая Пятница

(Либретто к опере)

Корректурa автора

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД №002836 от 1 октября 1999 г.,

выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 15. 09. 10 г. Формат 60x84/16

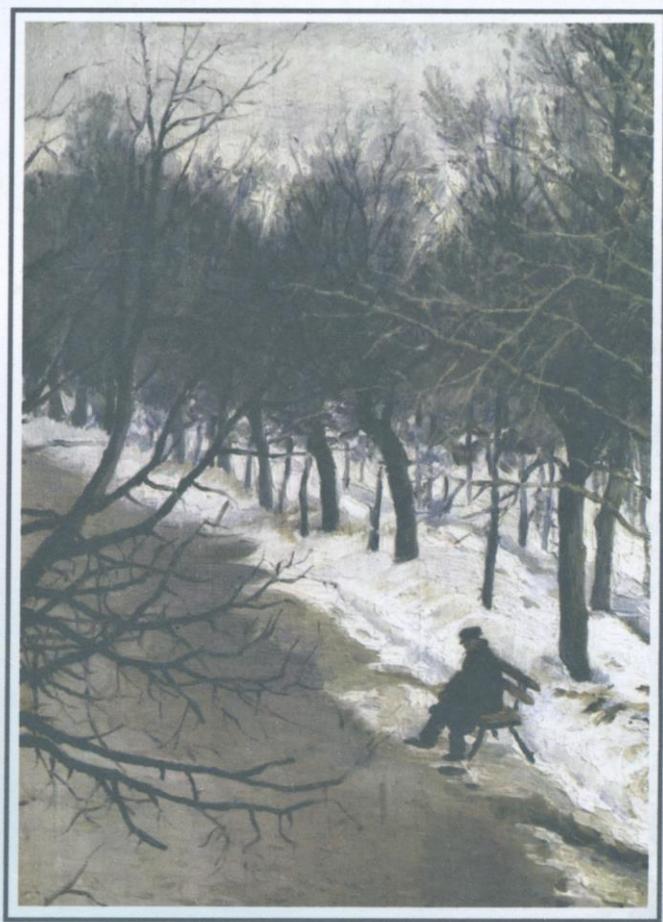
Бумага офсетная. Усл. печ. 21,8 Тираж 50 экз. Заказ №141

Отпечатано на полиграфической базе

Издателя Александра Воробьева. г. Орёл, пер. Новосильский, 1.

Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.

E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Василий Суриков. На зубовском бульваре.

***«Пока колокола во глубине,
Земля всегда на нашей стороне!»***

Леонард Золотарёв